АРГУМЕНТЫ

1980

Издательство политической литературы

001
А-79

АРГУМЕНТЫ

1980

7085

Москва
Издательство
политической
литературы
1980

86
А79

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

П. М. КОМАРОВ,
П. К. КУРОЧКИН,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
П. В. МАКАРЦЕВ

АВТОРСКИЙ
КОЛЛЕКТИВ:

АНДРЕЕВ М. В.,
ГОЛЬДЕНБЕРГ М. А.,
ГОРДИЕНКО Н. С.,
ИСМАИЛОВ Х. А.,
КАРПОВ Д. П.,
КОМАРОВ П. М.,
КУРОЧКИН П. К.,
ЛЕРОВ Л. М.,
ЛИСАВЦЕВ Э. И.

А 79 **Аргументы.** 1980 / Андреев М. В., Гольденберг М. А., Гордиенко Н. С. и др.— М.: Политиздат, 1980.—192 с.

В этой книге разоблачаются враждебные акции западных религиозных центров, идущих в русле антикоммунизма, выступления фальсификаторов положения религии, церкви и верующих в СССР, с помощью которых буржуазно-клерикальная пропаганда пытается дезинформировать общественное мнение, посеять раздор между верующими и неверующими в нашей стране.

Книга рассчитана на широкие круги читателей.

А $\frac{10509-218}{079(02)-80}$ 284—80 0400000000 86
2

© ПОЛИТИЗДАТ, 1980 г.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Мы живем в век острейшего противоборства двух мировых систем — социализма и капитализма. Ни на день, ни на час не прекращаются идеологические атаки наших классовых противников на мир социализма. Западная реакция любой ценой стремится остановить его победную поступь, повернуть вспять неизбежный ход общественного развития. Империалистическая пропаганда, как отмечается в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», «непрерывно ведет яростное наступление на умы советских людей, стремится с помощью самых изощренных методов и современных технических средств отравить их сознание клеветой на советскую действительность, очернить социализм, приукрасить империализм, его грабительскую, бесчеловечную политику и практику. Извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь — все пускается в ход».

В этом наступлении на умы людей активную роль играет клерикальный антикоммунизм — буржуазно-клерикальная пропаганда, идеи, противостоящие марксистско-ленинской идеологии, враждебные акции ряда западных религиозных центров. Неся верную службу империалистической реакции, воинствующие клерикалы пытаются с позиций религии обосновать несостоятельность научного коммунизма, фальсифицировать теорию и практику научного атеизма. Ими взят на вооружение антисоветизм: в идеологических атаках на Советский Союз они ищут путь к дискредитации марксизма-ленинизма, идеи которого впервые нашли практическое воплощение в Стране Советов. Стремясь дезинформировать общественное мнение, вызвать у верующих недоверие к историческому опыту СССР, толкнуть их на путь политической оппозиции советскому строю, клерикалы от антикоммунизма сознательно искажают политику Коммунистической партии по отношению к религии и церкви, положение

верующих в социалистическом мире, извращают сущность взаимоотношений государства и религиозных объединений, основанных на демократическом принципе свободы совести. В то же время они стараются навязать жителям буржуазных стран ложные представления о Советском Союзе, образе жизни наших людей, о существующих у нас порядках, а следовательно, неприязненное отношение к социалистическому строю. Таким путем они рассчитывают утвердить в сознании людей мнение о том, что лишь в условиях капиталистического мира человек в наибольшей степени может обрести свою свободу, в том числе свободу убеждений, элементарные человеческие права, которых его якобы лишает социализм. Это один из наиболее ходовых в наше время идеологических мифов, которым империализм надеется прикрыть свои истинные замыслы и цели.

К самым различным средствам прибегают клерикалы для осуществления своих планов. Они лгут и клевещут, подтасовывают факты, фальсифицируют истинное положение вещей, используют в своих пропагандистских акциях разного рода отщепенцев, матерых антисоветчиков, откровенных врагов советского строя. Они принимают деятельное участие в радиопропаганде на Советский Союз и другие социалистические страны, пытаются организовать контрабандную засылку подрывной литературы, чтобы оказывать постоянное идеологическое влияние на граждан социалистических государств. Под лозунгом «защиты прав человека» западные радетели беспардонно вмешиваются во внутреннюю жизнь стран социализма, занимаясь откровенным подстрекательством, провоцируя конфликты между верующими и неверующими.

В ожесточенных идеологических схватках мы обладаем самым эффективным оружием — научными аргументами против голословных измышлений, фактами против вымыслов, правдой, которая всегда сильнее лжи. Наши самые весомые аргументы — последовательная политика Коммунистической партии, самая демократическая в мире политическая система, Конституция СССР, охраняющая священные права граждан, социалистическая законность, наш, советский образ жизни. Аргументы — солдаты истины, и именно потому они с нами в борьбе против тех сил, которые стремятся нарушить единство советских людей, совместно решающих независимо от их отношения к религии величественную задачу построения коммунистического общества, доверенную им историей.

В этой книге речь идет о деятельности ряда западных религиозных центров, идущих в русле антикоммунизма, об их пропагандистских акциях, об идеологических диверсиях против Советского Союза. Весомые аргументы раскрывают несостоятельность буржуазно-клерикальных фальсификаций положения религии, церкви, верующих в нашей стране. Читатель познакомится с реальными деяниями религиозных организаций, использующих миссионерство для подрывной деятельности против социалистических государств. Разумеется, все это лишь малая толика той враждебной работы, которую ведут воинствующие антикоммунисты и антисоветчики, всего лишь несколько эпизодов, характеризующих формы и методы, взятые на вооружение нашими противниками в современной борьбе идей. Но и они могут дать определенное представление о некоторых направлениях идеологических атак клерикальных антикоммунистов, о тех приемах, которые они применяют, вольно или невольно следуя старому иезуитскому принципу: цель оправдывает средства.

Выступая на XXV съезде КПСС, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии нашей страны товарищ Л. И. Брежнев отмечал: «В борьбе двух мировоззрений не может быть места нейтрализму и компромиссам. Здесь нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям». Именно этому и посвящена книга, которую вы открыли. Бдительности и умению разоблачать идеологические диверсии, в какой бы форме они ни выступали.

Современная идеологическая борьба и религия

В современной борьбе идей значительно возрос удельный вес религии. Империализм берет на вооружение ее концепции, методы, приемы воздействия на людей, веками складывавшиеся в различных религиозных организациях. Сотрудники западных антикоммунистических центров вместе с многочисленным отрядом наиболее реакционной части духовенства не жалеют сил и времени на то, чтобы модернизировать религиозно-пропагандистский арсенал средств идейного воздействия на людей, приспособить его к потребностям современного антикоммунизма. Наши идеологические противники видят в религии эффективное средство защиты капитализма, действенное орудие борьбы против социализма.

Все это само по себе свидетельствует о банкротстве буржуазной идеологии, девальвации тех идей, на которые в течение последних десятилетий делал свою ставку империализм. Ныне его идеологи в гораздо большей степени, чем раньше, пытаются использовать в своих целях религиозный идейный реквизит, накопленный религией опыт влияния на людей. Отсюда и возросший их интерес к религиозной проблематике и поддержка тех клерикальных сил, которые издавна ведут свои атаки на социализм. Не случайно в рядах его ниспровергателей в наши дни все отчетливее звучат голоса проповедников, новоявленных пророков, воинствующих клерикалов.

Наиболее реакционная часть духовенства, религиозные деятели капиталистических стран слишком тесно связаны с монополиями, чтобы остаться в стороне от идеологических битв. По сути дела, экономические, политические и идейные интересы империализма — это их собственные интересы. Поэтому они защищают их, используя церковную печать и радио, религиозную проповедь и богослужебную практику, одним словом, все доступные им средства. В унисон со светскими органами массовой информации буржуазных стран они подвергают нападкам марксистско-ленинское учение, фальсифицируют теорию и практику научного коммунизма, выливают потоки лжи на социалистические страны и в первую очередь на Советский Союз, извращают смысл проводящейся в них работы по атеистическому воспитанию трудящихся. Делается все возможное, чтобы любыми путями дискредитировать, опорочить социализм в глазах верующих. Все это приправляется изрядной долей лицемерия, в котором защитники религии большие мастера.

Так, именно с легкой руки клерикалов буржуазная пропаганда осуществляет клеветнические кампании против Советского Союза, прикрываясь мнимой заботой о благе его граждан, сохранении накопленных культурных богатств.

Разумеется, современная религиозная пропаганда, ведущаяся на Советский Союз, претерпела значительные изменения. Она во многом отличается от той, что имела место еще несколько десятилетий назад. Церковь не может игнорировать колоссальные перемены, которые произошли в соотношении политических и идеологических сил в последние годы. Она вынуждена считаться с настроениями широких кругов верующих, высказывающих свои симпатии к странам социализма, с мнением многих священнослужителей, поддерживающих стремление Советского Союза и других социалистических стран к разрядке международной напряженности, к установлению прочного мира на нашей планете. Этим обусловливается в большинстве случаев внешне благожелательный тон клерикальной пропаганды, отказ от традиционных нападок на социализм, более тонкая его критика. Но, по существу, пропагандистские акции, в которых принимают участие западные религиозные центры, стремятся дезинформировать общественное мнение на Западе, а в социалистических странах толкнуть верующих на путь политической оппозиции. Таким образом, эти акции преследуют, по сути дела, политические цели.

Авторы пропагандистских акций по-прежнему надеются превратить верующих в фанатиков, в религиозных экстремистов, толкнуть их на путь грубого и вызывающего несоблюдения Конституции и законов нашей страны, на путь антисоветизма. Так замышляется подрыв советского строя изнутри, силами самих же советских людей.

Таким образом, буржуазная пропаганда религии, по существу, преследует политические цели. Этого и

не скрывают ее организаторы, теоретики и вдохновители. Поэтому такую пропаганду, безусловно, следует определять не только как религиозную, но и как политическую.

Правда, теологи и лидеры церковных организаций всегда отмежевывались от политики, заявляя о своей приверженности к «царству небесному» как противоположности «царству земному». Но история и сегодняшний день всех церквей с очевидностью убеждают, что они никогда не стояли и не стоят ни вне, ни над политикой. С одной стороны, слишком глубоко вросли они корнями в социально-экономические отношения эксплуататорского общества, слишком заинтересованы в осуществлении политических программ правящих классов, с другой — слишком ощутим натиск широких масс верующих, требующих поддержки церковью политики в защиту мира, за разрядку, разоружение, против неоколониализма, за социальный прогресс и процветание.

Как видно, современная церковь в капиталистических странах вовлекается в политику противоборствующими социальными силами. Отсюда ее противоречивая позиция: наряду с принципиальной ориентацией на сохранение капиталистического строя допускается ограниченная критика капитализма, поддержка борьбы масс за социальную справедливость, за мир во всем мире, за нормализацию отношений со странами социализма, прежде всего с СССР.

Что же касается религиозно-политической пропаганды на страны социалистического содружества, то не следует забывать, что ее в основном организуют наиболее реакционные представители духовенства и клириков, давно уже захватившие ключевые пункты. Во-вторых, эта пропаганда чаще всего ведется на деньги и с помощью технических средств империалистических монополий и спецслужб крупнейших капиталистических стран. В силу этих причин указанная пропаганда, как правило, поражает своей антикоммунистической цельностью и последовательностью.

По существу, она сводится к утверждениям, что политика Советского государства по отношению к религии и церкви направлена на их уничтожение, что в СССР произошло такое обесценение общезначимых духовных ценностей, которое нанесло непоправимый

ущерб культуре народов, живущих в многонациональной стране — СССР.

Этот центральный тезис буржуазной пропаганды на первый взгляд направлен на поддержку религии и церкви в Советском Союзе. Но задача организаторов пропаганды гораздо шире — внушить мысль о несостоятельности социалистического строя. Это утверждение проходит через всю религиозно-политическую пропаганду, о чем бы ни шла речь — догматах религиозного мировоззрения, исторических заслугах церковных организаций, их нынешнем подвижничестве и т. п. Произвольно манипулируя данными о положении церквей в СССР, «эксперты» из зарубежных центров пытаются доказать, что взаимоотношения верующих с органами власти носят трудный, подчас трагический характер, что исповедующие религию вынуждены бороться за право удовлетворять свои религиозные потребности, пользоваться правом свободы совести. Извращаются при этом и сами принципы политики КПСС и Советского государства по отношению к религии и церкви.

В результате буржуазные советологи с религиозным уклоном воздвигают весьма странное пропагандистское сооружение. Это картина не только положения религии и церкви в СССР, но и их взаимодействия с самыми различными институтами социалистического общества, с разными слоями и группами населения. При этом всячески подчеркивается, что влияние религии и церкви на советское общество носит постоянный характер, проникает во все его области и сферы, не может быть экранировано и тем более ликвидировано. Последствия этого, безусловно, сверхъестественного феномена, как утверждается, всегда ощущались в Советской стране, но его подлинная сила и неодолимость становится будто бы по-настоящему понятной только в наши дни.

Умысел здесь в том, чтобы «доказать», будто религия выстояла в борьбе с идеологией марксизма-ленинизма. Стало быть, современное население Советского Союза по сути своей остается религиозным, не поддалось, следовательно, «натиску» безбожной социалистической идеологии. Религия жива, таким образом, в умах и душах широких масс, она не оставляет в них места ни для идей социализма, ни для научного атеизма.

Отсюда якобы должны следовать заданные буржуазной пропагандой выводы: советский народ в большинстве своем не принял социалистическую идеологию, не принял, следовательно, общество, построенное в соответствии с этой идеологией. Он представляет собой внутреннюю оппозицию советскому строю, тот «горючий материал», который готов вспыхнуть и сжечь этот строй изнутри.

С каким нетерпением ждут этого «сожжения» советского общественного строя преемники средневековых инквизиторов, видно из многочисленных сообщений о «брожениях» в СССР, систематически появляющихся в контролируемых ими газетах, журналах, транслируемых по радио и телевидению. Эти «брожения» будто бы охватывают большие группы верующих, носят организованный и направленный характер, развиваются по восходящей. При критическом подходе к описанным под видом «брожений» фактам оказывается, что буржуазная пропаганда тщательно выискивает мельчайшие случаи нарушения законодательства о религиозных культах в нашей стране. Любые перегибы в практике атеистического воспитания. Все это скрупулезно собирается, неимоверно раздувается, снабжается ярлыками «типичного» и «характерного», «неизбежного» в условиях социалистического общества, тем более «при советском строе», а затем распространяется с помощью самых современных средств информации. Практически объектом такой тенденциозной информации являются все страны Европы, большинство стран Северной и Южной Америки, многие страны Азии, ряд стран Африки.

Такой размах обработки мирового общественного мнения буржуазной политико-религиозной пропагандой говорит о значении, которое придается в антисоциалистических центрах этому направлению идеологических атак на страны социалистического содружества, прежде всего Советский Союз. Советологи твердят об ослаблении внутреннего единства советского общества, о наличии в нем центробежной силы, порожденной противоречиями взаимоотношений с социалистическим государством. Они убеждают, что эти силы будут стремительно возрастать и должны неизбежно взорвать социализм изнутри. Вот в какого слона превращают буржуазные пропагандисты тех крошечных мушек, которых они выцеживают из повседневной жизни огромной Советской страны.

Конечно, фабрикация указанных фактов, их распространение ввиду такой значимости, которую им придают наши идейные противники, поставлена на широкую основу. И это характерно для всей буржуазной политико-религиозной пропаганды. О размахе говорит уже то, что почти каждое более или менее значительное событие в жизни религиозных объединений нашей страны так или иначе находит отражение в буржуазной пропагандистской продукции.

Но отбор информации такого рода отнюдь не объективен, не говоря уже о ее комментировании. Избирательность в этом процессе также изобличает авторов политико-религиозной пропаганды в тенденциозном подходе к оценке религиозной жизни в СССР с целью подорвать идейно-политические устои советского общества.

Большое место в буржуазной пропаганде занимают материалы о положении в Советской стране тех религиозных объединений и групп, которые своими действиями нарушают законодательство о религиозных культах, создают конфликтные ситуации с местными органами власти, направляют в центральные ведомства и учреждения страны жалобы, заявления и другие документы по поводу, как правило, мнимых ущемлений их прав, главным же образом — своего нежелания сообразоваться с принципами социалистического общества, его законами и правилами, регулирующими положение религиозных объединений. Как известно из публикаций советской прессы и выступлений официальных лиц, такие религиозные объединения составляют относительно незначительную часть всех существующих в СССР. Однако им буржуазные авторы уделяют львиную долю внимания.

В буржуазной печати, по радио постоянно фигурируют, например, сторонники так называемого Совета церквей евангельских христиан-баптистов, пятидесятники, не желающие отказаться от обрядов, наносящих вред здоровью людей и потому находящиеся не в ладах с законом, адвентисты-реформисты, группы иеговистов и других, которых объединяет одно — нежелание соблюдать законы о религиозных культах, существующие в СССР. Несмотря на незначительный удельный вес этих групп в общем числе верующих-

сектантов, именно их представляют в качестве типичных членов религиозных объединений, истинных верующих. Они будто бы определяют современное состояние религии в Советской стране, отношения религиозных объединений, в ней существующих, к государственным органам и установлениям.

Не меньшее внимание буржуазная пропаганда уделяет тем лицам, исповедующим православие, ислам или католицизм, которые в отличие от основной массы представителей указанных конфессий высказывают недовольство или общим положением религии в Советском Союзе, или его различными аспектами. Таких верующих и священнослужителей, а также околоцерковных элементов, ратующих за отмену или пересмотр законодательства о религиозных культах, за рубежом называют часто диссидентами [1], хотя такое название, строго говоря, к ним мало подходит.

Слово «диссидент» в широком смысле определяется как инакомыслящий, несогласный с государственной религией, отступивший от ее догматов, принципов, норм. Следовательно, речь идет о религиозных отношениях: об отступлениях от навязываемого религиозного мировоззрения, религиозных форм поведения в сторону других, больше устраивающих те или иные группы верующих и священнослужителей. Как убеждает история, диссидентство чаще всего было формой выражения социального и политического протеста против тех или иных элементов отживающих общественно-экономических формаций. Так, в средние века протест нарождающейся буржуазии против всевластия феодалов, важнейшее место среди которых занимали «князья церкви», протест, вылившийся в могучий разлив Реформации, проявлялся именно в диссидентстве.

Позднее диссидентами, то есть раскольниками, называли уже тех, кто по каким-либо вопросам не соглашался в свою очередь со ставшими господствующими государственными протестантскими церквами, рожденными Реформацией.

Как видно, диссидентство — религиозное явление, а обозначающее его понятие отражает одну из форм религиозных отношений. Однако в буржуазной пропа-

[1] Диссиденты (лат.) — лица, отступающие от догматов господствующей церкви, инакомыслящие, вообще отступники.

ганде это понятие искусственно переосмысливается. Его наполняют новым содержанием. Теперь, по сути дела, подмененным понятием именуют лиц, которые не согласны с марксистско-ленинской идеологией, не разделяют научно-атеистических взглядов и, главное, выступают с критикой политики Коммунистической партии и Советского государства по отношению к религии и церкви.

В зарубежных антисоветских центрах особенно внимательно присматриваются к людям, которые на практике пытаются не считаться с этой политикой, нарушают законодательство о религиозных культах. Буржуазная пропаганда без устали превозносит до небес таких людей, создает вокруг них ореол борцов за свободу совести, за идейное развитие и самовыражение вопреки «казенному гнету» государственных норм тоталитарного характера.

Как видно, «диссидентство по-антисоветски» совсем не то, что принято понимать под этим словом. Оно, сохраняя внешнюю оболочку, наполняется совсем другим содержанием, что делает его очень удобным термином в идеологической борьбе капитализма против социализма, «облагораживая», по замыслу антисоветчиков, те жалкие группы отщепенцев в нашей стране, к которым они этот термин настойчиво прикладывают.

Однако, хотя пропагандистская возня буржуазных центров с диссидентами в СССР уже происходит в течение ряда лет, она не принесла им никаких ощутимых результатов. Это признают и сами буржуазные пропагандисты. Такой провал симптоматичен. Он говорит о том, что муссирование идей и взглядов, фактов и событий, которые должны, как планировалось стратегами идеологического наступления на Советский Союз, породить в нем внутреннюю оппозицию верующих под руководством диссидентов, — затея мертворожденная. Такие «лидеры» советским людям не нужны, они за ними не идут, их не поддерживают. Верующие и духовенство в нашей стране в подавляющем большинстве поддерживают политику партии и государства, упорным трудом и активным участием в общественно-политической жизни реализуют эту политику.

Буржуазно-религиозные пропагандисты проявляют повышенный интерес к интеллигенции. Они стремятся

заинтересовать хотя бы часть ее морально-этическими, культурными и эстетическими ценностями религии, внушить, что только усилиями интеллигенции в социалистическом обществе может быть обеспечено соблюдение прав человека, в частности права на свободу совести.

Однако это лишь одна сторона умысла. Другая, возможно самая важная,— это добиться переосмысления советской интеллигенцией марксистско-ленинского подхода к религии и церкви, особенно их социальной, политической и идеологической сущности. Переориентация должна включать в себя преодоление непримиримости к антинаучным религиозным взглядам, к религиозному мировоззрению, к духовному гнету церкви, к ее прислужничеству эксплуататорским классам. В итоге же должен, как уверены в пропагандистских центрах стран капитализма, последовать переход интеллигентов на позиции ревизионистской и буржуазной идеологий. А там уж недалеко и до политической конфронтации с советским строем.

Во имя этой цели буржуазные пропагандистские центры стремятся осуществлять тактику постепенного расшатывания идеологических убеждений. При этом дефицит содержательной стороны своей пропаганды руководители указанных центров стараются восполнить старым теоретическим хламом идеалистов и антидиалектиков, «сокрушавших» марксизм-ленинизм еще в начале XX в. Это наследие богостроителей и богоискателей, либеральных философов-мистиков и других, которые, начав с критики марксизма-ленинизма в его же рамках, стремительно скатились к полному отрицанию его идей, к открытой борьбе с социалистическим строем.

Гальванизируя, например, взгляды Бердяева, Мережковского и других мистиков-антисоциалистов и антисоветчиков, в буржуазных центрах идеологической борьбы нимало не смущаются тем, что все эти фигуры развенчаны самой историей развития социализма в СССР, а затем и в ряде других стран. История показала, что «обличения» этими авторами пролетарской революции, теории и практики социалистического строительства в СССР продиктованы не «любовью к истине», как много раз утверждали самозваные пророки, не заботой о благе русского народа, не приверженностью к подлинной демократии, а единственно

апологетикой капитализма, контрреволюции, церковного мракобесия, шовинизма и антисоветизма.

Почему же, несмотря на очевидную непопулярность белоэмигрантских идеологов антисоветизма, их явную старомодность и банкротство, их так настойчиво поднимают в современной буржуазной пропаганде? Ответ нужно искать в том же кризисе антисоветизма, который позволяет понять характерные особенности современной идеологической борьбы против СССР.

Бердяев и Мережковский — выходцы из России, которых не заподозришь в том, что российские дела, по крайней мере дореволюционные и первых лет существования Республики Советов, известны им понаслышке, что характерно для их эпигонов,— остаются наиболее крупными и последовательными «теоретиками» антисоветизма. Бердяевщина, по существу, остается почвой, в которую уходит корнями «философия» современной политико-религиозной пропаганды на Советский Союз.

Наконец, жизненный путь, политическое лицо этих корифеев буржуазного либерализма, бросившихся в объятия самой черной реакции, уже основательно забыты широкими слоями интеллигенции. Это обстоятельство позволяет пропагандистам-антисоветчикам в зависимости от идеологической конъюнктуры, в соответствии со своими тактическими целями и задачами, принаряживая их, выдавать за поборников свободы духа, прав человека, независимости церкви от всего земного. Короче, актуализировать и предлагать в качестве идейных и политических вождей верующих в нашей стране.

Конечно, Бердяев и компания не одиноки в качестве кандидатов во властители умов советских людей. В буржуазной пропаганде мелькает немало других имен, в основном выходцев из России или ее не покидавших. Время от времени то одного, то другого поднимают на щит, рекламируют непременно как выдающегося мыслителя, сосредоточившего свою энергию на критике общественно-политического строя Советского Союза, а также великомученика, от этого строя пострадавшего. Тем самым стараются убедить мировую общественность, население Советской страны в интеллектуальной мощи антисоветизма, специализирующегося на религиозных проблемах.

От претензий буржуазной политико-религиозной пропаганды камня на камне не оставляет ее критика со стороны советских научных центров, органов печати. Руководствуясь указаниями партии, советские ученые и пропагандисты ведут борьбу с многочисленными попытками из-за рубежа использовать религии и церкви в антисоветских целях. Эффективное разоблачение таких попыток — один из важнейших участков современной идеологической борьбы социализма с империализмом.

Такое разоблачение достигается прежде всего конкретным показом эволюции политической ориентации религиозных организаций в Советском Союзе. Анализ всего комплекса причин этой эволюции не оставляет сомнений, что в условиях социализма у церкви нет другой возможности для нормального функционирования, кроме ее лояльного отношения к советскому строю, к его законам и принципам, к его генеральному политическому курсу. Это хорошо понимают верующие люди в нашей стране. Ведь в своем большинстве верующие — честные труженики, которые под руководством Коммунистической партии создавали и укрепляли Советскую власть, защищали ее от опасностей, в том числе от церковной контрреволюции, строили социализм. Под давлением этих верующих церковь не вдруг, а медленно, с трудом перешла с позиций контрреволюции, антисоветизма на позиции лояльного отношения к советскому строю, под влиянием этих верующих ее духовенство активно разоблачает измышления политико-религиозной пропаганды о положении в СССР священнослужителей, верующих и их объединений.

Чем конкретнее, доказательнее и полемичнее освещаются все эти процессы, тем убедительнее выглядит разоблачение фальсификаторского характера, провокационного назначения буржуазно-клерикальной пропаганды. Фундаментальными экскурсами советских религиоведов в недавнее прошлое религии и церкви в Советском Союзе опровергаются буржуазные построения, в какой бы форме они ни выступали — в «научных» томах ведущих зарубежных советологов, в популярных выступлениях антикоммунистической печати, в «серой» или «черной» пропаганде по радио.

Антисоветские «научные» центры не могут в своей полемике с советскими исследователями противопоставить им какой-то солидной системы аргументов; буржуазные критики лишь повторяют давно набившие всем оскомину утверждения, что советская наука не может приниматься всерьез, так как она исходит из ошибочных методологических и теоретических посылок. Такое «опровержение», конечно, никого ни в чем не может убедить: научность, истинность, жизненность и революционность марксистско-ленинской теории признают сейчас многие сотни миллионов людей. Это признание базируется на всемирно-исторических преобразованиях на земном шаре, совершенных трудящимися под руководством коммунистических и рабочих партий, руководствовавшихся учением Маркса, Энгельса, Ленина.

Учитывая интерес буржуазных религиоведов, специализирующихся на критике Советского Союза, к прошлому религии и церкви в нашей стране, советские исследователи больше внимания уделяют этому кругу проблем, обсуждают их на теоретических и пропагандистских форумах, в ряде книг, брошюр и статей. Особого внимания требуют те моменты истории церквей, те периоды их взаимоотношений с Советским государством, на которых спекулирует религиозно-политическая пропаганда. Ряд публикаций посвящен истории научно-атеистической работы, которая также является постоянным объектом обстрела буржуазных писак.

Разоблачение измышлений буржуазной пропаганды — важнейшая задача советских ученых, лекторов, политинформаторов, руководителей кружков, школ и семинаров, журналистов, работников культпросветучреждений — словом, всех, кто ведет идеологическую работу в стране.

Наша научно-атеистическая пропаганда разоблачает религиозно-политические выпады антикоммунистов от религии. Она систематически убеждает массы в несостоятельности антимарксистских оценок религии и церкви, особенно в социальном плане, разъясняет смысл политики Коммунистической партии и Советского государства в вопросе преодоления религиозной идеологии. Вооруженные такими знаниями, широкие слои населения в состоянии правильно оценить стремление антисоветчиков использовать религию в борьбе против социалистического строя.

Ф 085

Однако при всем этом мы не вправе недооценивать опасность религиозно-политических диверсий из-за рубежа. Важно глубоко разобраться в том, как именно влияет буржуазная религиозно-политическая пропаганда на население, в первую очередь на верующих, что в этой пропаганде доходит до сознания людей, ими воспринимается. Именно эти моменты требуют пристального внимания нашей контрпропаганды.

Однако она не сможет хорошо выполнять свою задачу, если не будет опираться на научный анализ буржуазной религиозно-политической пропаганды: ее структуры, главных направлений, основной проблематики, приемов отбора информации, ее обработки, интерпретации, подачи зрителям, слушателям и читателям.

Следовательно, важнейшая гарантия эффективности пропагандистского разоблачения религиозно-политического влияния со стороны антикоммунистических центров — это научный подход ко всем звеньям как механизма, то есть суммы приемов, методов, уловок, так и содержания идей и концепций, рассчитанных на восприятие верующими людьми.

Как уже отмечалось, религиозно-политическая пропаганда рассчитана прежде всего на ту часть населения, которая не сведуща в основах научного атеизма, в вопросах истории церкви, в ее современном положении. Поэтому противодействие буржуазной пропаганде должно опираться на распространение среди населения научно-атеистических и религиоведческих знаний, которые помогают разобраться в калейдоскопе противоречивых толкований, извращенных, подтасованных фактов и тенденциозных выводов, составляющих основное содержание буржуазных пропагандистских опусов.

Реакционные идеологи и пропагандисты капиталистических стран продолжают свои происки против Советского Союза. В числе объектов систематической фальсификации и клеветы антисоветчиков — научный атеизм, диалектико-материалистическое мировоззрение советских людей, действующая в стране система атеистического воспитания населения. Обеспечить эффективный отпор идейным проискам буржуазной религиозно-политической пропаганды — актуальная задача нашей идеологической работы.

Определяя роль религии в современной борьбе идей, мы обращаемся в первую очередь к католицизму, одному из основных христианских направлений, получившему наибольшее распространение в разных странах нашей планеты. Именно католицизм, различные его организации на протяжении многих лет играют ведущую роль в системе клерикального антикоммунизма. Наряду с этим есть немало католиков, поддерживающих разрядку международной напряженности, выступающих за сотрудничество с коммунистами в борьбе за мир и социальный прогресс. Естественно, очень важно определить расстановку сил в современном католицизме, обнажить истинное лицо тех, кто идет в русле воинствующего антикоммунизма, подходя к решению насущных проблем нашего времени отнюдь не с позиций здравого смысла. Об этом и идет речь в статье «Современный клерикальный антикоммунизм».

Современный клерикальный антикоммунизм

(На примере деятельности католической церкви и ее светских организаций)

Антикоммунизм — это не только идеология, но и политика империализма в борьбе против социализма, против революционного рабочего и национально-освободительного движения и всех других демократических сил. Успехи реального социализма, растущее влияние научного коммунизма на международное рабочее и национально-освободительное движения заставляют современный империализм искать все новые и более разнообразные формы антикоммунизма.

Историческая объективность этого факта отмечена Программой КПСС, в которой подчеркивается, что антикоммунизм стал главным идейно-политическим оружием империализма, «основным содержанием которого является клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма. Под фальшивыми лозунгами антикоммунизма империалистическая реакция преследует и травит все передовое и революционное, старается расколоть ряды трудящихся, парализовать волю пролетариев к борьбе. Под этим черным знаменем объединились ныне все враги социального прогресса: финансовая олигархия и военщина, фашисты и реакционные клерикалы, колонизаторы и

помещики, все идейные и политические пособники империалистической реакции»[1].

Но антикоммунизм нельзя рассматривать лишь как политическую теорию монополистической буржуазии, это и беспощадное практически осуществляемое преследование его самых последовательных представителей. В классовой борьбе антикоммунизм используется не только против коммунистов, но и против трудящихся масс и прогрессивного человечества в целом. Однако своим острием он направлен прежде всего против революционного авангарда антиимпериалистических сил, стремится изолировать коммунистов от масс, подавить любыми средствами международное коммунистическое движение.

Три стадии развития клерикального антикоммунизма

В марксистской современной литературе различаются три последовательные стадии развития клерикального антикоммунизма. Первая охватывает период от возникновения коммунистического движения до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Основные положения клерикального антикоммунизма этого периода были сформулированы в опубликованном папой Пием IX в 1864 г. документе, вошедшем в историю под названием «Силлабус» («Список важнейших заблуждений нашего времени»). Этот документ был направлен в основном против идей, изложенных в «Манифесте Коммунистической партии». Под знаменем борьбы с инакомыслием, особенно марксистским, был проведен и I Ватиканский собор (1869—1870 гг.).

В 1891 г. папа Лев XIII опубликовал энциклику «Рерум новарум» («О новых вещах»), основное содержание которой сводилось к стремлению убедить рабочих «не применять насилия и не стремиться к свержению существующего социального порядка»[2].

В наши дни эта социальная демагогия проявилась и в оценке «Рерум новарум», данной в 1961 г. папой Иоанном XXIII в его энциклике «Матэр эт магистра» («Мать и наставница»), в которой он хвалил Льва XIII

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 51—52.

[2] *Turman M.* Le catolicism social depuis l'encyclique.— Rerum Novarum, Paris, 1900, p. 244.

за мужественное выступление против «распространившихся среди трудящихся крайних теорий, предлагавших лекарство хуже самой болезни», а также в энциклике папы Иоанна Павла II «Редемптор гоминис» («Искупитель человечества»), обнародованной 4 марта 1979 г.

После обнародования «Рерум новарум» католическое духовенство, клерикальные социологи и буржуазные «специалисты» по рабочему движению стали широко пропагандировать эту энциклику, стремясь максимально использовать ее для подрыва единства международного рабочего движения.

Именно этот документ дал решающий толчок как для дальнейшего развития ранее созданных, так и для возникновения новых клерикальных партий, профсоюзов, а также рабочих, молодежных, женских и других клерикальных организаций и обществ, определив на много лет вперед их позиции: впоследствии они играли неприкрытую штрейкбрехерскую роль в борьбе рабочего класса.

При этом следует иметь в виду, что в большинство этих партий, профсоюзов и в другие клерикальные организации принимались и принимаются сейчас верующие, представители всех направлений христианства, а позднее и мусульмане, и иудеи, и другие.

Вторая фаза антикоммунизма связана с первым этапом всеобщего кризиса капитализма и в особенности с победой Великой Октябрьской социалистической революции, с развитием социализма в Советском Союзе, созданием коммунистических и рабочих партий, превращением их в серьезную силу международного рабочего движения. С момента своего возникновения Советское государство стало главной силой мирового революционного процесса, поэтому антикоммунизм сосредоточил свое внимание на теории и практике строительства первого в мире социалистического государства. Для всех правых сил, включая клерикалов, именно антисоветизм стал отличительным признаком, определяющим существо их реакционной политики и идеологии. Поддержкой антисоветски настроенных клерикальных кругов империалистических стран пользовался и фашизм — самая откровенная и бесчеловечная форма антикоммунизма.

В этих исторических условиях папа Пий XI в энциклике «Квадрагезимо анно» («В сороковой год»), опуб-

ликованной в 1931 г. в день 40-летия «Рерум новарум», еще раз подчеркнул коренное противоречие между коммунизмом и христианством и недопустимость для католиков «примыкать даже к умеренному социализму».

Антикоммунистическое кредо и профашистские симпатии Пий XI продемонстрировал всему миру, подписав 20 июля 1933 г. конкордат между Ватиканом и правительством Гитлера, первым вступив с ним в договорные отношения в то время, когда мировая общественность находилась под тяжелым впечатлением разгула фашистского террора. В 1936 г. папа безоговорочно поддержал фашистский мятеж генерала Франко в Испании, не осудив его даже за массовое уничтожение фалангистами сторонников республики, в том числе и католических священников, лишь заподозренных в нелояльном отношении к фашизму. Эта политика попустительства силам, готовящимся ввергнуть человечество во вторую мировую войну, неоднократно проявлялась и в отношениях с фашистским режимом Муссолини. Особенно наглядно это сказалось в действиях Пия XI, направленных против сторонников Народного фронта, который в те годы в ряде европейских стран создавался коммунистами для противодействия распространению фашизма и предотвращения опасности новой войны. В его рядах объединялись все честные люди, независимо от политических и религиозных взглядов. Именно в эти годы в клерикальной среде часто можно было слышать лозунги: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт», «Лучше Гитлер, чем большевики».

Аналогичной позиции воинствующего антикоммунизма придерживался и папа Пий XII, избранный на папский престол в марте 1939 г. Он приложил все силы для ослабления единства католиков с коммунистами в рядах антифашистского фронта, поддерживал мюнхенскую политику Чемберлена, толкавшего фашистских поджигателей на Восток, против СССР, отказался осудить оккупацию Чехословакии и Албании, а также нападение гитлеровской Германии на Польшу, всячески пытался помешать соглашению Англии и Франции с Советским Союзом. Это он обратился к правительствам воюющих стран с призывом: «Положим конец этой братоубийственной войне, объединим все свои усилия против общего врага — атеизма...», то есть практически открыто призывал воюющие страны к примирению и объединению усилий для совместного выступления против Советского Союза.

Третья стадия развития антикоммунизма, на которой мы остановимся подробнее, специфика которой обусловлена основными итогами второй мировой войны, характеризуется все усиливающейся борьбой между социализмом, превратившимся в мировую систему, и империализмом. Именно Ватикан явился одним из основных инициаторов сохранения жизни военным преступникам, раздувания политики «холодной войны», проведения прямых идеологических диверсий в странах социалистического содружества, откровенной поддержки контрреволюционных сил и реакционных военных режимов в целом ряде стран, применения новых, более тонких и гибких методов идеологического воздействия на трудящиеся массы капиталистических государств и народы развивающихся стран, вставших на самостоятельный путь политического развития.

Для идеологов клерикализма, так же как и для других апологетов империализма и противников коммунизма, в этот период становилась все более очевидной несостоятельность расчетов на успех «политики силы». Начались усиленные поиски новых, более утонченных средств, форм и методов фальсификации марксизма-ленинизма, клеветы на социалистическое общество, коммунистические и рабочие партии, проникновения буржуазной идеологии в социалистические страны; активизировались попытки более широкой проповеди доктрин «наведения мостов», «поглощения» и «эрозии» социализма, дискредитации успехов социалистических стран в проведении ими внутренней и внешней политики, а также попытки разобщения их, как и всех других антиимпериалистических сил.

В целом ряде стран клерикалы и в наши дни пропагандируют различные «национальные модели» социализма, а также его клерикальные разновидности. В наши дни правительства 53 суверенных стран, охватывающих 39% территории всего мира, утверждают, что они осуществляют строительство различных «моделей» социализма [1], в том числе и клерикально-

[1] Правда, 1978, 19 мая.

го, то есть с сохранением влияния религии на все стороны жизни. Эти «модели» рассчитаны на сохранение частной собственности на орудия и средства производства, право их наследования, на осуществление религиозного воспитания, они исключают диктатуру пролетариата (или трудящихся) и, конечно, руководящую роль коммунистических партий.

Одновременно клерикальные идеологи активно участвуют в разработке альтернативных научному коммунизму идеологий и политики, с помощью которых можно было бы «обновить», «модернизировать» буржуазное общество и противопоставить его социалистическому миру. Одним из ярких представителей этого направления явился папа Иоанн XXIII, политика которого была по-прежнему направлена против «атеистического коммунизма» как идеологического противника, но исходила уже из признания невозможности изменения общественного строя в странах социализма.

Важным событием, характеризующим приспособление католической церкви к новым историческим условиям и активизацию ее борьбы против коммунистической идеологии, явилось опубликование Иоанном XXIII в 1961 г. энциклики «Матэр эт магистра» («Мать и наставница»). Подчеркнув опять священный характер частной собственности и отвергнув коллективную и общественную собственность как нечто «неестественное», он рекомендовал «благоразумно рассеивать» эту собственность «среди всех социальных слоев» путем широкого привлечения рабочих к участию в доходах, владению и управлению капиталистическим предприятием «в наиболее подходящих формах и размерах». Таким образом, Иоанн XXIII оказался в одном ряду с современными апологетами «народного капитализма», приняв непосредственное участие в массовой мистификации возможности улучшения буржуазных порядков, по существу, направленной на дальнейшую концентрацию капитала путем включения в него сбережений многих миллионов трудящихся и на «облагораживание» практики государственно-монополистического капитализма.

Проповедуя классовый мир и сотрудничество, энциклика утверждала, что «каждый класс и каждая категория граждан может защищать свои права» без насилия. Опасаясь перехода молодых освободившихся

стран Азии и Африки на некапиталистический путь развития, папа высказался за увеличение помощи этим странам со стороны развитых капиталистических государств. В заключение он осудил социализм за якобы существующее в его рамках подавление инициативы и прав граждан, а также отсутствие возможностей для творческого развития индивида, предвосхитив спекуляции антикоммунистов наших дней вокруг прав человека в социалистических странах.

Многие программные документы католических епископатов различных стран и поныне несут печать антикоммунизма, что оказывает негативное воздействие на умы верующих трудящихся, препятствует их участию в классовой борьбе, затрудняет восприятие ими подлинно научной теории социализма. Епископ Гренобля (Франция) Г. Матагрэн заявил, что следование «теории классовой борьбы, рассматриваемой в качестве решающего фактора исторического процесса», якобы неизбежно «замыкает человечество в дьявольском кругу насилия»[1].

Аналогичную мысль высказывает и новый папа, Иоанн Павел II, в своей энциклике «Редемптор гоминис» («Искупитель человечества»), довольно противоречивой по отношению к реальному социализму, содержащей отдельную главу, посвященную вопросу о правах человека. В ней папа выступает сторонником Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН еще в 1948 г., демонстрируя вместе с тем резко отрицательное отношение к атеизму, представленному в качестве политической системы, которая якобы ограничивает эти права и принесет в текущем столетии вообще большие бедствия человечеству.

Обращение к христианскому реформизму является своеобразной чертой современного клерикального антикоммунизма стран Латинской Америки. Речь идет о поддержке церковниками концепции реформистского развития политической жизни этих стран в качестве альтернативы революционному пути, поскольку в отличие от коммунистов христианские реформисты сохраняют, по крайней мере, место для частной собственности и частного предпринимательства. Обращение к христианскому реформизму является определен-

[1] Le Monde, 1976, 11—12.I.

ным маневром империалистических кругов, поддерживаемых церковной иерархией.

Отношение Ватикана к политической позиции латиноамериканских церквей было выражено еще папой Павлом VI, посетившим Латинскую Америку в августе 1968 г. Он призвал правящие классы встать на путь буржуазного реформизма, уступок во имя спасения буржуазного общества.

Неизменность этой позиции Ватикана, во всяком случае по отношению к странам Латинской Америки, подтвердил папа Иоанн Павел II в своем выступлении в Мексике на III сессии латиноамериканского епископата (30 января — 2 февраля 1979 г.). Тем самым он определил свой подход к основным социальным вопросам современности — классовой борьбе, революции и проблемам собственности, положительно оценив позицию своих ближайших предшественников, осудив позицию сторонников «теологии революции».

Многие зарубежные комментаторы, правда, считают, что, может быть, это была попытка Ватикана приостановить поворот «влево» ряда латиноамериканских национальных церквей. Участие многих священнослужителей Чили, Бразилии, Колумбии и других стран континента в непосредственной борьбе (часто вместе с коммунистами) с диктаторскими режимами, за национальное освобождение от оков американского империализма, поиски в христианстве обоснования участия в борьбе за демократию и социализм не могло не вызывать беспокойство Ватикана. В связи с этим, возможно, и последовало предостережение от увлечения теориями «теологии революции» и «теологии освобождения» и напоминание, что Христос никогда не являлся ни сторонником классовой борьбы, ни революционером. Ватикан снова призывал к классовой солидарности и примирению.

Таким образом, новая тактика католической церкви в странах Латинской Америки в основном сводится к тому, чтобы продолжить борьбу с коммунизмом путем признания необходимости проведения в жизнь целого ряда реформ «сверху». Эта тактика «выпуска пара из котла», предотвращения возможности формирования революционной ситуации получила в странах Латинской Америки наименование «политики позитивного антикоммунизма». Она рассчитана на отрыв от коммунистических партий части их сторонников,

еще окончательно не порвавших с идеалистическим мировоззрением.

Обращает на себя внимание активная поддержка клерикальными социологами различных форм экономической и политической интеграции капиталистических и освободившихся от колониальной зависимости стран в интересах монополистического капитала, в том числе и во имя повышения его конкурентоспособности с экономикой социалистических государств. Идеи «Общего рынка», «Объединенной Европы» и т. п. находят повсеместную поддержку клерикалов, пытающихся смягчить и существующие противоречия между странами капиталистического мира. В одном из своих выступлений кардинал Монтини (будущий папа Павел VI) сказал по этому поводу: «Великое дело объединения Европы можно с уверенностью рассматривать как необходимый этап современного прогресса, как залог мира, как условие поддержания наследства нашей (капиталистической.— *М. А.*) цивилизации и ее нового расцвета» [1].

«Правильное направление» в развитии социальной и экономической жизни церковь видит в улучшении индустриального общества, то есть в совершенствовании современной системы капитализма. Но в тех случаях, когда сам Ватикан вынужден занимать более нейтральные позиции, он, как правило, не получает поддержки правых клерикальных кругов. Так, несмотря на официальную поддержку Ватиканом Итоговых документов, принятых Совещанием по европейской безопасности в Хельсинки 1 августа 1975 г., реакционные клерикальные круги снова усилили клеветническую кампанию против СССР и других социалистических стран, обвиняя их в несоблюдении прав человека, в том числе в области отправления религиозных культов и свободы совести.

Демагогически проповедуя необходимость уважения различных политических убеждений и обвиняя социалистические страны в их нарушении, сам Ватикан в период парламентских выборов в Италии в июне 1976 г. попытался по всей стране организовать крестовый поход против избирателей, поддерживавших списки коммунистов, сопровождая свои внутренние акции разными клеветническими выпадами против

[1] La Documentation catholique. 1962, 19. VIII, p. 1037.

Советского Союза. Приведенный пример не является единичным. Подобные действия церковников имели место в разное время и в разных странах. Имеют место они и в наше время. Так, при проведении муниципальных выборов в Португалии в декабре 1979 г. католическая церковь снова призвала верующих не голосовать за кандидатов левого блока, и прежде всего за кандидатов, выдвинутых коммунистами.

Не забыл сказать свое слово клерикальный антикоммунизм и в национальном вопросе. Противопоставляя верующих атеистам в условиях борьбы народов за свою политическую и экономическую независимость, провокационно играя на их привязанности к национальным традициям, культурным и духовным ценностям, клерикалы и духовенство различных церквей пугают свою паству атеистическим коммунизмом, насильно разрушающим связи между религией, которая является якобы носительницей национальных традиций и культуры, с самой нацией как таковой. В связи с этим всячески популяризируются различные модификации клерикального социализма (христианского, мусульманского, буддийского и др.).

На нынешнем этапе развития клерикального антикоммунизма активизируется антисоветская и антикоммунистическая деятельность различных христианско-демократических и других клерикальных партий, в основном созданных уже после окончания второй мировой войны, в странах Европы и Латинской Америки. В связи с тем что старые буржуазные партии дискредитировали себя прямой или косвенной поддержкой фашизма, в послевоенные годы на клерикальные партии возлагалась задача стать основным политическим орудием буржуазии в борьбе за идеологическое влияние на население капиталистических и ряда освободившихся стран.

Весьма существенную роль в пропаганде антикоммунизма и антисоветизма сыграли в этот период и массовые средства информации, принадлежащие как самой церкви, так и многочисленным светским клерикальным организациям. Характеризуя пропагандистское искусство этой прессы, уместно вспомнить слова основателя Итальянской коммунистической партии Антонио Грамши: «...невероятное количество брошюр, журналов, листовок, приходских бюллетеней циркулирует всюду, они проникают даже в самые невосприимчивые семьи и навязывают свое мнение по многим вопросам, в том числе и весьма далеким от религии» [1].

Среди различных клерикальных «теорий», распространяемых в последние годы, одной из ведущих стала подхваченная антикоммунизмом доктрина деидеологизации марксизма-ленинизма. Суть ее заключается в изображении последнего некой псевдорелигией, отнимающей у человека его истинную религию. Автор этой концепции, К. Маннгейм, в своей книге «Идеология и утопия» [2], различает два основных стиля мышления: «идеологический» (служащий защите существующего социального порядка) и «утопический» (преследующий цель изменить его). Маннгейм пытается утверждать, что любая идеология, если она ставит перед собой задачи революционного преобразования, является, по существу, утопической, так как революционные преобразования, по его мнению, якобы основаны на искаженном объяснении мира. Доктрина деидеологизации коммунистического учения непосредственно служит буржуазии в ее идеологической борьбе, с одной стороны, удерживая рабочий класс и его партию от борьбы за завоевание политической власти, а с другой стороны, питая иллюзии буржуазной интеллигенции о ее особом положении, ориентируя ее на духовные дискуссии, а не на достижение коренных социальных изменений в союзе с рабочим классом.

Всячески поддерживается клерикалами и теория так называемой «модернизации», согласно которой противоречия между трудом и капиталом носят формальный характер, и модернизация отношений между ними в ходе научно-технической революции якобы автоматически снимает конфликтную ситуацию.

С научно-технической революцией связывает свои надежды и профессор социальной этики евангелической теологии Мюнстерского университета В. Д. Марш, утверждающий, что якобы социальная этика вырабатывает такие способы социальной и экономической жизни, которые смогут преодолеть альтернативу «демократия» — коммунизм.

В целях преодоления влияния идей научного социализма среди широких слоев рабочего класса Франции, Бельгии, Испании и ряда других стран в после-

[1] *Gramsci Antonio.* Sotto la moll 1916—1920. Roma, 1960, p. 39—40.

[2] *Mannheim K.* Ideologie und Utopie. Frankfurt a. M., 1965.

военные годы был создан довольно подробно описанный в нашей научной и политической литературе так называемый институт священников-рабочих, пытавшийся притупить остроту классовой борьбы и влияние на верующих рабочих коммунистических и рабочих партий.

Современные крестоносцы. Политико-религиозная организация «Опус деи»

Священники-рабочие не одиноки. Существует целый ряд светских католических организаций, среди которых особое место в борьбе против распространения коммунистической идеологии и за укрепление позиций современного буржуазного общества занимает мало известная у нас полуконспиративная политико-религиозная организация «Опус деи» («Божье дело»), ставящая перед собой в конечном итоге цель — безусловную защиту политических и экономических интересов монополистического капитала. По мнению ее лидеров, западная цивилизация очутилась в тяжелом кризисе. Основное проявление этого кризиса они видят в неспособности либеральной буржуазной демократии противостоять коммунизму, а также в недооценке многими политическими и государственными деятелями буржуазных стран роли церкви в формировании идеологической и социальной жизни буржуазного общества, что привело к устрашающе быстрому распространению коммунистических идеалов.

«Опус деи» была основана в 1928 г. Ее существование, как и деятельность, всегда были скрыты от глаз широкой общественности. По сообщениям западной прессы, в ней насчитывается около 60 тысяч членов.

Организация имеет в настоящее время свои отделения в 67 странах. Особенно прочно обосновалась эта организация в Испании, ФРГ, Бельгии, Португалии, Италии, Англии, Чили, Аргентине, Японии, Кении и т. д. Подавляющее большинство ее членов — это глубоко религиозно настроенные владельцы и руководители крупных промышленных, строительных и торговых фирм, банков, издательств, информационных центров, частных университетов и т. п., то есть люди, в основном занимающие ключевые посты в политическом, экономическом и финансовом мире, обладающие реальной экономической и политической властью, призванные осуществить новый «крестовый поход» против современного коммунизма.

Свою деятельность она осуществляет также через студенческие кружки, центры культуры, дома духовного уединения, институты профессионального и хозяйственного обучения, ремесленные училища для крестьян и рабочих, клиники, диспансеры, благотворительные организации, церковные школы и т. д. Самые современные из этих заведений — Институт профессиональной подготовки в Тахамаре, близ Мадрида, Стратморский колледж искусств и науки в Найроби (Кения), Центр Элис в Риме, колледж Чапультепека и Рабочий культурный центр Кульякана в Мексике, Институт иностранных языков Сэйдо в Осаке (Япония), студенческое общество «Швейдт» в Кельне (ФРГ), Центр Пьемонт в Монреале (Канада). В общей сложности около трехсот заведений подобного рода [1].

Наиболее действенные методы и формы власти «Опус деи» скрыты от глаз. Официально «Опус деи», разумеется, не принадлежит ни одно из предприятий, которые эта организация контролирует, ее название не фигурирует нигде. Однако ключевые посты в них занимают члены организации или сотрудничающие с ней лица.

Интересно, что руководство «Опус деи» официально отвергает обвинения общественности в секретности своей деятельности, не давая при этом никаких справок и адресуя всех к ватиканскому ежегоднику («Аннуарио пантефичо»), в котором этому движению ежегодно посвящается не более шести-семи строк.

Секрет успеха «Опус деи», по мнению многих зарубежных политических обозревателей, состоит в действенности ее влияния на политическую и экономическую жизнь и ином взгляде на религиозность. В противоположность прошлым понятиям, когда религиозность требовала отречения от мира, политико-религиозная организация «Опус деи» заявляет, что для достижения совершенства человеку нет никакой необходимости удаляться от мира, он должен всего лишь направить свою волю на «благие дела». Таким обра-

[1] Nouvell Observateur, P., 1969, 10. XI.

зом, каждый член организации продолжает выполнять свои профессиональные обязанности, стараясь, насколько возможно, следовать евангельскому духу и, конечно, указаниям своих наставников.

Руководствуясь своими духовными принципами, пишет итальянский журнал «Темпо»[1], «Опус деи», даже не разрабатывая никаких особых программ, ведет борьбу против «ересей в мире» и прежде всего против марксистской идеологии. Она ведет эту борьбу не путем организации каких-либо кампаний, специально предназначенных для достижения своих целей, а с помощью постоянной, последовательно хитроумной и кропотливой пропаганды.

Существенную активность движение проявляет в США. Созданное там в 1949 г., оно оказывает заметное влияние на общественную жизнь 12 крупных индустриальных и университетских центров (Нью-Йорк, Вашингтон, Саут-Бенд и др.), уделяя особое внимание формированию политического мировоззрения будущих руководителей промышленной и экономической жизни страны[2].

Значительно возросло влияние «Опус деи» в Италии, число членов которой достигло там более 9 тысяч человек. В помещенных в итальянском журнале «Панорама» выдержках из одного секретного документа «Опус деи» говорится, что «каждый отдельный член организации должен использовать власть, которой он располагает в обществе, для конкретной цели — осуществлять в повседневной практике идеалы интегралистского католицизма и правых политических сил»[3].

Активно действует «Опус деи» в Чили. Всемерно поддерживая хунту, она ведет свою разлагающую работу среди рабочей молодежи, учащихся и студентов, она всячески содействует созданию в стране такой обстановки, в которой, как пишет французский журналист Робер Мерль в еженедельнике «Монд дипломатик», в Чили уже через несколько лет не придется хвататься за револьвер, когда будет произноситься слово «культура», ибо «так или иначе она будет мертва»[4]. Выступает «Опус деи» в Чили и против католических священников, протестующих против зверств

[1] Tempo, 1975, 3.X.
[2] The New York Times, 1967, 8. V.
[3] Panorama, 1972, 21. IX.
[4] Le Monde diplomatique, 1975, P., X.

хунты, и даже открыто критикует папские энциклики «Матэр эт магистра» и «Популорум прогрессио» за якобы допущенные в них заблуждения относительно социальных проблем нашего времени.

У крестоносцев нашего века, господ из «Опус деи», пишет Ивон де Вайян, нет ни стыда ни совести. Скорее всего это именно так, но они пока еще одерживают победы[1].

Особое место занимает «Опус деи» в политической жизни современной Испании, насчитывая почти 20—25 тысяч членов. Среди контролируемых ею организаций и учреждений следует отметить Наваррский «свободный университет» в Памплоне и первоклассную с точки зрения постановки современного учебного процесса профессиональную школу по подготовке руководящих кадров для промышленности. По признанию самой испанской прессы, эти учебные заведения стали фактически питомниками для выращивания руководителей экономической и идеологической жизни страны, воспитанных в духе воинствующего антикоммунизма.

Наибольшего влияния в испанском правительстве это политико-религиозное движение добилось в конце 60 — начале 70-х годов. Однако своего последнего слова в борьбе с испанским и мировым коммунизмом «Опус деи» еще не сказала.

«Общество Иисуса»

Среди участников современного крестового похода против научного коммунизма и атеизма «Опус деи» имеет сподвижников. Одним из них стало «Общество Иисуса», более известное нашему читателю как Орден иезуитов, главной задачей которого в течение веков была борьба с протестантизмом и прочими ересями.

Помимо осуществления инквизиции среди инакомыслящих иезуиты несколько столетий средствами миссионерской деятельности оказывали прямую поддержку колонизаторам в их стремлении полностью поработить народы Африки, Азии и Латинской Америки, в результате чего изрядно подорвали среди них свой авторитет. Теперь иезуитам приходится действовать

[1] Nouvell Observateur. 1969, P., 10. XI.

более осторожно, тщательнее скрывать свои намерения, но уже не в борьбе с протестантизмом и другими формами религиозного инакомыслия, а в борьбе с коммунизмом и атеизмом.

В настоящее время сфера действий Ордена охватывает около 90 стран, причем особую активность в настоящее время иезуиты проявляют в молодых развивающихся странах, что свидетельствует о намерении Ордена усилить свою подрывную деятельность среди прогрессивных сил этих стран, помешать их переходу на некапиталистический путь развития.

Для осуществления своих целей иезуиты используют радиостанцию Ватикана, которая практически находится под их контролем и передает 70 программ в день на 32 языках по 18 часов в сутки. Большую роль в религиозно-политической антикоммунистической пропаганде играет и издаваемый Орденом журнал «Чивильта каттолика»[1]. Наряду с ними иезуиты контролируют в Италии и в других странах еще ряд радиостанций, значительное число газет и журналов, издаваемых на всех основных языках (около 40), разовый тираж которых достигает многих миллионов экземпляров.

Усиленно распространяются антикоммунистические взгляды в контролируемых Орденом учебных заведениях, важнейшим из которых является Грегорианский университет в Риме. Здесь готовятся кадры не только священнослужителей и преподавателей для католических семинарий и теологических факультетов университетов различных стран (США, Франции, ФРГ и др.), но они готовят и юристов, и дипломатов, а также ведут большую «научную» работу «по разоблачению» марксизма-ленинизма.

Антимарксистские книги, написанные философами, социологами и политологами Ордена (Веттер, Шамбр, Биго, Кальвез), стали настольными книгами многих врагов социализма. Антикоммунизм — их основная идеологическая ориентация. Вместе с тем, понимая силу идей социализма, не все эти политологи открещиваются от Маркса, некоторые из них стараются выдать себя чуть ли не за его поборников. Они изображают Маркса стихийным христианином. Они убеждают в том, что якобы социальное учение католической церкви восприняло некоторые идеи Маркса, а его критика буржуазного общества могла быть основана только на чувстве христианской справедливости. В настоящее время, по словам католических политологов, в некоторых пунктах теория Маркса устарела, и они стараются дополнить его учение, в частности «развить» и «уточнить» его оценки религии и ее социальной роли в обществе. Таким образом, авторы этой политической провокации, Нелль Бройнинг, де Роза и другие, пытаются подменить прямой антикоммунизм так называемым антикоммунизмом косвенным, выдавая себя за последователей Маркса и искажая его учение, внося тем самым путаницу в головы миллионов трудящихся верующих, мешая им преодолеть религиозное мировоззрение.

Усиление борьбы с марксизмом и атеизмом было предопределено еще 31-й генеральной конгрегацией «Общества Иисуса» (1965 г.). Среди принятых ею декретов особенно важным с этих позиций был декрет о перенесении основного внимания Ордена на расширение идеологической работы в широких слоях верующих, среди которых все популярнее становятся идеи классовой солидарности трудящихся, их участия в борьбе за радикальные экономические и социальные преобразования. Однако решения II Ватиканского собора, в принципе одобрившие политику «аджорнаменто» (обновления), вызвали серьезные разногласия среди членов Ордена и усложнили отношения с Ватиканом его руководителей.

Результаты внутренних противоречий и их дальнейшего обострения не могли не отразиться на работе 32-й генеральной конгрегации Ордена иезуитов (декабрь 1974 г.), хотя в ней имела право принимать участие лишь иезуитская «аристократия» — «рыцари Ордена» — «профессы»[1]. Это привело к тому, что 32-я генеральная конгрегация Ордена иезуитов так и не сумела выработать общие принципы борьбы с коммунизмом и атеизмом в современных условиях. Не удалось этого сделать и 33-й конгрегации (Рим, декабрь 1976 г.). Внутренние противоречия привели к уходу из Ордена 7 тысяч членов (из 36 тысяч). Нет сомнений, утверждает в связи с этим газета «Джорнале

[1] The Times, 1975, 4.VI.

[1] Высший из четырех разрядов, на которые подразделяются члены Ордена.

д'Италия», что Орден иезуитов — это уже не надежная «рота» священников-солдат. Он также переживает определенный внутренний разлад [1].

Кризис Ордена особенно заметен на фоне деятельности организации современной технократии, финансовой олигархии и земельной аристократии — «Опус деи», которая, ставя перед собой, в общем, ту же цель (борьба с распространением коммунистической идеологии), за эти же годы сумела увеличить свои ряды с 40 до 60 тысяч членов [2].

Обстановка, сложившаяся в настоящее время в Ордене иезуитов, явилась новой темой пресс-конференции генерала этого Ордена Педро Аруппе, который, выступая перед журналистами, пытался смягчить атмосферу и преуменьшить разногласия руководства Ордена с Ватиканом. Однако реальные разногласия между ними существуют, что в значительной мере ослабляет былое могущество этого традиционного оплота папства и позволяет сделать вывод, что кризис «Общества Иисуса» непосредственно связан и является прямым отражением кризиса политики антикоммунизма в целом.

Задачи, решаемые «Обществом Иисуса» в рамках современной идеологической борьбы с коммунизмом, противники коммунизма пытаются осуществить путем использования новых форм работы с верующими, в частности путем создания широкой сети так называемых «духовных центров».

«Духовные центры»

Учитывая необходимость в свете борьбы с международным коммунизмом усиления влияния церкви на мирян, и особенно на еще верующую часть молодежи и женщин, в ряде капиталистических стран Европы как католическая, так и протестантская иерархии стали создавать, правда, пока еще в качестве эксперимента, новые церковные институты, получившие наименование «духовные центры». Их формирование проводится под привлекательным для многих верующих лозунгом — помочь им с помощью учения Христа не только обрести, но и самим принять участие в создании такого мира, о котором они мечтают [1].

Что же представляют собой эти центры? Здесь сразу надо оговориться, что они неоднотипны и поиски их организационной структуры и форм духовной деятельности еще продолжаются.

Наибольшее распространение пока получила разновидность «духовных центров», создаваемых при средних учебных заведениях и университетах, в городских общинах и монастырях. В подавляющем большинстве случаев в их работе принимают участие не только миряне, но и духовные лица. В деятельности каждого вида центров имеется своя специфика.

Так, в ряде французских учебных заведений для желающих систематически организуются всевозможные дискуссии. При этом поощряется обсуждение любых проблем, начиная от чисто религиозных до проблем войны и мира, насилия и ненасилия, революции, отцов и детей, хиппи, употребления наркотиков, проблем секса, возможности синтеза марксизма с христианством (в этом плане очень модными стали дискуссии, связанные с учением Тейяра де Шардена) [2] и диалога верующих с неверующими.

В Италии родилась разновидность «духовных центров» или своеобразных общин верующих по месту жительства — «живущие у очага» (дом, квартал, микрорайон). Постепенно они стали возникать также во Франции, ФРГ, США, Португалии, Уругвае, Аргентине, Австралии и в некоторых странах Африки. В начале 70-х годов таких центров насчитывалось уже свыше полутора тысяч [3].

Предпринимались попытки как самими церковниками, так и верующими создать в разных странах аналогичные центры или общины по производственному признаку на заводах и фабриках. Однако эта практика, за исключением буквально единичных случаев, распространения не получила.

Наиболее перспективным оказалось создание «духовных центров» при некоторых монастырях Франции,

---

[1] Il Giornale d'Italia, 1975, 8.III.
[2] Tempo, 1975, 3.X.

[1] Подробнее см.: Informations catholiques internationales. 1972, № 418.
[2] См.: *Бабосов Е. М.* Тейярдизм. Попытка синтеза науки и христианства. Минск, 1970.
[3] Informations catholiques internationales, № 380, 1971.

Испании, Бельгии и Италии. Как правило, эти центры создаются в монастырях, расположенных на перепутье туристских дорог, окруженных различными достопримечательностями и красивой природой. Здесь по доступной цене получают жилье и питание, а можно получить все это и просто участвуя в монастырском труде. Здесь можно жить неделями и даже месяцами, принимая участие в ежедневных молитвах, общем труде, вечерних мировоззренческих дискуссиях, семинарах и встречах по интересам.

При монастырских «духовных центрах» с помощью церкви создаются библиотеки, имеющие богатый фонд книг, в которых подвергается ревизии марксизм-ленинизм, критикуется реальный социализм, книги по философии религии, религиозной социологии, психологии веры, современной трактовке текста Библии и другой церковной мировоззренческой литературы. Для участия в мероприятиях центров приглашаются известные проповедники, теологи, религиоведы и другие видные представители буржуазной науки.

Придавая большое значение «духовным центрам», как новой форме идеологической обработки верующей молодежи, католические и протестантские иерархии пытаются нажить определенный политический капитал за счет установления духовного контроля над социальной активностью хотя бы части христианской молодежи, клерикальный антикоммунизм хватается за соломинку. Использование «духовных центров» для антикоммунистической обработки верующей молодежи не может дать эффективных результатов, и их деятельность в конечном итоге обречена на провал.

* * *

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что антикоммунизм в целом и клерикальный антикоммунизм в частности остается в современных условиях основной отличительной чертой политической стратегии апологетов империализма, инструментом идеологической диверсии против стран социалистического лагеря, борьбы трудящихся капиталистических стран за радикальные социальные преобразования, против развития молодых развивающихся стран по некапиталистическому пути. Правда, в наши дни антикоммунистическая пропаганда стала более гибкой, более утонченной и дифференцированной.

Понимая незыблемость, политическую и экономическую устойчивость мировой социалистической системы, современные клерикалы не могут уже выступать против существования государств с различными социально-экономическими режимами, однако они и не могут допустить мысли о прекращении активной идеологической борьбы против марксизма. Стараясь повернуть историю вспять и вместе с тем учитывая все более широкое распространение идеологии научного социализма, они ищут выход в насаждении христианских, исламских, буддийских и других клерикальных разновидностей социализма, не забывая всячески идеализировать при этом якобы какой-то иной, «модернизированный» и улучшенный капитализм. Для подкрепления последнего тезиса многие идеологи современного клерикализма самым активным образом участвуют в распространении и «разъяснении» так называемых теорий: «трансформации капиталистического общества», «революции управляющих», «демократизации капитала», «смешанной» и «регулируемой» экономики, «индустриального общества» и т. п. Не теряют они веры и в возможность проникновения клерикальной идеологии в социалистические страны, возлагая еще какие-то надежды на совершенно нереальные доктрины «наведения мостов», «поглощения» и «эрозии» социализма.

Социализм стал необратимым историческим явлением. Он оказывает огромное воздействие на мысли и чувства сотен миллионов людей на всем земном шаре. Антикоммунизм все более утрачивает огромное воздействие на мысли и чувства сотен миллионов людей на всем земном шаре. Антикоммунизм все более утрачивает среду, в которой он мог бы плодотворно распространяться. Но это не значит, что можно в борьбе с ним делать какие-то послабления. Наоборот, на Берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы (29—30 июня 1976 г.) подчеркивалась необходимость мобилизации всех сил для того, чтобы «изолировать и победить антикоммунизм», всех тех, кто развязывает «кампании против коммунистических партий, социалистических стран, начиная с Советского Союза, против сил социализма и прогресса...».

Коммунисты Европы подчеркнули, что «отвергают любую политику и мировоззрение, означающие, по су-

ществу, подчинение рабочего класса капиталистической системе».

Однако для полной изоляции и ликвидации антикоммунизма, в том числе клерикального, необходимо постоянно разоблачать все его проявления, его социально-классовую сущность.

В связи с этим следует напомнить исторические слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, который особое внимание обращает на то обстоятельство, что «мы живем в условиях неутихающей идеологической войны, которую ведет против нашей страны, против мира социализма империалистическая пропаганда, используя самые изощренные приемы и мощные технические средства... Долг наших работников пропагандистского, агитационно-массового фронта — давать своевременный, решительный и эффективный отпор этим идеологическим наскокам, нести сотням миллионов людей правду о социалистическом обществе, о советском образе жизни, о строительстве коммунизма в нашей стране. И делать это надо убежденно, убедительно, доходчиво и ярко»[1].

Вместе с тем «коммунистические партии не рассматривают как антикоммунистов всех, кто не согласен с их политикой или выступает с критических позиций по отношению к их деятельности»[2]. Они считают возможным поддерживать усилия всех людей доброй воли, независимо от их политических и религиозных убеждений, которые выступают за сохранение мира и обеспечение безопасности народов. «В современную эпоху,— пишет видный западногерманский марксист Роберт Штайгервальд,— все дороги ведут к социализму, а не в Рим, и в длительной перспективе клерикальные руководители не смогут игнорировать эту ориентацию и стремления народов»[3].

---

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1973, т. 3, с. 296.

[2] За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин, 29—30 июня 1976 года. М., 1976, с. 32.

[3] Проблемы мира и социализма. 1979, № 5, с. 35.

Среди идеологических мифов, созданных клерикальным антикоммунизмом, один из самых ходовых миф о «религиозном возрождении» в СССР. Выдавая желаемое за действительное, буржуазно-клерикальная пропаганда широко трубит о том, что «религиозный ренессанс» — верный признак приближающихся перемен в Советском Союзе, о которых вот уже более шести десятилетий грезят на Западе наши недруги. Произвольно интерпретируя факты, а нередко и вообще обходясь без них, прибегая лишь к умозрительным заключениям, клерикальные авторы пишут об оживлении религиозной жизни в Советском Союзе, о тяге к религии во всех слоях населения, о неэффективности атеистического воспитания. Они прибегают к ничем не оправданным обобщениям, к ничем не аргументированным выводам, подгоняя их под искусственно созданные схемы, позволяющие признать, что в нашей стране действительно происходит некое «религиозное пробуждение» и «возрождение».

Но так ли это на самом деле? Что дает право клерикалам делать вывод о «религиозном ренессансе» в СССР? Достаточно обратиться к реальным фактам действительности, логически осмыслить их, чтобы в свете весомых аргументов увидеть несостоятельность рассуждений западных авторов. Об этом и пойдет разговор в статье «Клерикальный миф о религиозном возрождении» в СССР.

Клерикальный миф о религиозном возрождении в СССР

Советоведению, выступающему с теологических позиций, нельзя отказать в определенной внутренней логике — порочной, но логике. Его слагаемые образуют систему взаимообусловленных и «упорядоченных» мифов. Нельзя, например, обойти молчанием связь, которую клерикальные апологеты стремятся установить между тезисом о будто бы имеющем место в нашей стране нарушении прав верующих и другим беспочвенным положением — о «прогрессе» религиозности в Советском Союзе. «Подъем» в данной сфере трактуется нашими идейными противниками отчасти как реакция на «гонения», как их следствие, поскольку приписываемые атеистам попытки выкорчевать религию административными методами неминуемо должны были привести к противоположному результату. С другой стороны, в клерикальной интерпретации «ренессанс»

в рассматриваемой области есть причина «преследований», ибо мнимое возрождение религии будто бы выводит из равновесия «безбожные власти» и вызывает ужесточение их политики по отношению к ее приверженцам.

Такой подход открывает перед разносчиками обоих мифов определенный простор для маневрирования, позволяя то рассматривать их «в комплексе», то поочередно выпячивать. Например, в 1978 г. Русская православная церковь отметила 60-летие восстановления патриаршества. Что могли увидеть в этом непредвзято мыслящие люди, кроме свободы, которой располагает церковь для организации по своему усмотрению любых юбилеев, представляющихся ей значительными с точки зрения собственной истории? Но редакторам клерикального «Международного католического информационного бюллетеня» и это событие понадобилось лишь для спекуляций в угоду антисоветизму. Состоявшиеся по этому случаю торжества, по мнению журнала, «доказали, что годы кровавых преследований и полувековые антирелигиозные бои не смогли вынудить их (православных христиан.— *М. Г.*) к молчанию» [1].

Этот выдержанный в духе сводки с театра военных действий выпад имеет несколько целей. В нем просматривается и злопыхательское стремление изобразить взаимоотношения Советского государства и церкви как жестокую, не знающую передышки схватку, и желание оттенить «поражение безбожников», не сумевших «одолеть сопротивление» сторонников православия, подавить их голос и заставить хранить безмолвие. Правда, такая концепция вступает в явное противоречие с представлением о «молчащей церкви», сконструированным еще Пием XII и подхваченным клерикальной прессой, со страниц которой десятилетиями не сходит образ «скорбной молчальницы». Зато появился повод толковать о «моральной победе» русского православия, сумевшего «выстоять в кольце атеистической осады».

Испанский «Журнал международной политики» для доказательства той же мысли прибегает к иной аргументации. Благосклонно оценивая один из опусов небезызвестной антисоветчицы Н. Теодорович, католический рецензент твердит, что, если советский режим изобретателен по части методов преследования, «не менее изобретательна человеческая природа, стремящаяся защитить свою духовную и моральную целостность... в СССР религиозное возрождение стало реальностью, ибо «anima humana naturaliter christiana est» [1]... В Советском Союзе началась новая жизнь» [2].

В свое время немецкий философ А. Шопенгауэр остроумно подметил, что каждый принимает конец своего кругозора за конец света. Это дважды верно, если на буржуазную ограниченность накладывается еще и та, которая неизбежно вытекает из теологического способа мышления. Ведь при таком подходе к «душе человеческой» ей отказывают даже в праве быть не христианской, а, скажем, мусульманской. И уж, конечно, для большинства католических идеологов-интегристов «душа», которая придерживается атеистических убеждений или пребывает хотя бы на позициях религиозного индифферентизма, выше их понимания.

Между тем им следовало бы оглянуться вокруг, чтобы обнаружить такие «души» у себя под боком. Перелистав, например, книгу известного профессора богословия, умеренного обновленца Э. Мирета Магдалены (*E. Miret Magdalena.* La revolucion de lo religioso. Madrid, 1976), они убедились бы, что автор с горечью пишет о целых группах людей, которые в Испании сознательно отвернулись от религии, о сокращающейся «у нас на глазах» численности верующих, об убывающих «с каждым днем» католической убежденности и ритуальной практике. Положение в западном мире настолько тревожно, что возникает серьезнейший вопрос, «удастся ли нынешним церквам выжить».

Тревога, охватившая верующего католика, понятна: кризис, поразивший в буржуазном обществе институционные церкви, настолько очевиден, что автор приходит к выводам, в основе которых лежит страх за судьбы религии. Куда менее понятно другое: почему в Испании немало людей могут пренебречь «законами природы» и отвратить свои души от христианства, а в

[1] Informations catholiques internationales. P. 1978, № 5528, p. 3.

[1] Душа человеческая, согласно законам природы,— христианская (лат).

[2] Revista de politica internacional. Madrid, 1978, № 159, p. 247.

Советском Союзе не могут? Почему те же «законы природы», все чаще нарушаемые на Западе, становятся «теоретической базой» для домыслов о религиозном возрождении, положившем начало «новой жизни» у нас?

Заметим в той же связи, что орган португальского клерикализма (Broteria. Cultura e informaçao. Lisboa, 1978, novembro) откровенно пишет: «В эпоху сознательного и воинствующего атеизма, в которой живем, мы испытываем его натиск, он незаметным образом проникает в наши умы». Значит, наступление атеизма коснулось даже португальского духовенства — одного из самых консервативных в Европе,— но в Советском Союзе атеизму приходится отступать, ибо в условиях «новой жизни», как понимают ее наши недруги, идеологическую инициативу перехватила религия!

Французский академик А. Пьеттр, употребляя выражение «глубокий кризис», обращается к конкретным показателям, относящимся к Франции: количество посещающих церкви по воскресным дням упало с 41% в 1964 г. до 13,5% в 1975 г., а число лиц, желающих посвятить себя священническому служению, сократилось в пропорции десять к одному. И тут же, не переводя дыхания, он, в противовес всему этому, постулирует «необыкновенную мощь церкви по ту сторону железного занавеса» [1].

Отметив лишь попутно, что академик все еще не в силах отказаться от терминологии времен «холодной войны», обратим внимание на главное: если его высказываниям о кризисе религии во Франции поверит любой читатель, независимо от убеждений, поскольку они опираются на красноречивые статистические данные, то утверждению о мощи церкви в социалистических странах человек сколько-нибудь вдумчивый в доверии откажет, ибо оно бездоказательно. Поистине странная логика: уничтожение эксплуататорских отношений и последующий подрыв социальных корней религии привели в странах социализма к ее укреплению!

Было бы неверно думать, что все наши идейные противники ограничиваются голословными утверждениями о религиозном возрождении в СССР, как это делает А. Пьеттр. Нет, многие выдвигают и «доказательства». Зарубежная церковная пресса придает особое значение свидетельствам людей, побывавших в Советском Союзе и «убедившихся» на месте в радужных перспективах церковного возрождения. Приезжал, скажем, в нашу страну мало кому известный ревностный католик С. Чиприани. Его «путевые заметки» едва ли стали бы предметом внимания, если б их не опубликовала «Оссерваторе Романо», да не в будних номерах, а в двух выпусках воскресного приложения. В Москве путешественник, естественно, сразу же увидел то, что пожелал увидеть: кремлевские соборы увенчаны крестами, откуда следует, что «режим» вынужден действовать по сей день под сенью «господствующего над Кремлем креста Христова». А это, по разумению итальянского гостя, «пророческое знамение» того, что церковь неминуемо снова станет душой народа.

Не мог Чиприани не поделиться мыслями, которые у него зародились при посещении Мавзолея Ленина. В его интерпретации, это — «центр бесконечного паломничества» для «благочестивых людей» со всей России. Их внутренняя собранность, строгий внешний вид, равно как и безупречная точность смены почетного караула под звон курантов Спасской башни,— все это у католического наблюдателя приобрело «культовый» смысл, позволив «подтвердить», что «человек не может обходиться без божественного».

Здесь придется на время отойти от «свидетельств» Чиприани, чтобы показать, что ту же линию проводит, например, «Энциклопедия мировых религий» (а это уже издание протестантского направления), которая также «обнаружила» религиозные настроения в том, что люди часами стоят на морозе, чтобы побывать в Мавзолее Ленина [1]. Аналогична позиция одного из самых известных клерикальных советологов, англиканского пастора М. Бурдо, который в книге, выпущенной совместно со своей сподвижницей К. Мюррей (*Bourdeaux M., Murray K.* Young Christians in Russia. L., 1976), выводит те же «приметы религиозного порыва» из лозунгов: «Ленин жив!», «Дух Ленина живет в сердцах советских людей». Все это вместе взятое позволяет обнажить тенденцию, смысл (вернее сказать, невероятная бессмыслица) которой состоит в том, чтобы в безграничной преданности нашего народа

[1] La Nouvelle revue de deux mondes. P., 1978, novembre, p. 297.

[1] Man and his Gods. Encyclopedia of the World's Religions. L.— N. Y.— Sidney — Toronto, 1974, p. 428.

великому основателю Коммунистической партии и Советского государства выявить «религиозную подоплеку». Излишне доказывать, что глубокая любовь трудящихся к своему бессмертному (здесь, на земле, в памяти людей) вождю никакого отношения не имеет к вере в сверхъестественное, являющейся определяющим, непременным признаком религии.

Вернемся к итальянскому певцу «ренессанса», с неподдельным ликованием «установившему», что «святая Русь» — не относящееся лишь к былым временам крылатое выражение, а «действительность народа, обязанного вере лучшим, что в нем есть». А то, что «святая Русь жива», со всей очевидностью доказывают «всегда переполненные церкви», причем в массе верующих имеются и молодые люди. Наглядности ради тут же помещена фотография, но редакторы воскресного приложения к ватиканскому официозу не заметили, что этим снимком они «бьют по своим». Ибо на нем запечатлены 70—80 человек, собравшихся на православное богослужение, но из них лишь 3—4 мужчины. Среди лиц обоего пола — ни одного молодого [1].

Никто не собирается отрицать, что отнюдь не всегда, а лишь в дни важнейших христианских праздников в ряде церквей действительно многолюдно, что бывают в них (хотя вовсе не обязательно по вероисповедным мотивам) и молодые люди. Но отсюда до возрождения «святой Руси» дистанция огромного размера, преодолеть которую способна разве что религиозная фантазия. Тут напрашивается немаловажное заключение: домыслы о «травле верующих» и о «религиозном ренессансе», которые, по расчетам клерикальных теоретиков, призваны питать друг друга, объективно друг другу противоречат. Ведь если принять клерикальную версию о том, будто церковь у нас «загнана в катакомбы», то как объяснить, что верующие собираются не в каких-то мрачных подземельях, а на виду у всех, посещая без помех действующие на законном основании «всегда переполненные» храмы? Следовательно, «мощное возрождение религиозности», помимо воли тех, кто пытается обосновать его наличие, фактически подрывает не менее важную для них «концепцию» о развязанных против верующих гонениях.

[1] L'Osservatore della Domenica, 1979, 21.I; 4.II.

Значительно лучше, чем Чиприани, должна была разобраться в истинном положении дел доктор Кристель Лэйн. Не только потому, что она побывала в СССР по меньшей мере дважды и находилась в нашей стране более продолжительное время, но потому, прежде всего, что она специалист-религиовед и трудится в престижном Кембриджском университете. Мы не намерены уклониться от признания того, что во многом она действительно разобралась: в ее капитальной монографии (*Lane C.* Christian Religion in the Soviet Union. London — Boston — Sydney, 1978) обобщен и в значительной мере правильно осмыслен обширный фактический материал. Однако отойти от общепринятых клерикальных канонов ей, конечно, не удалось.

Ссылаясь на мнение «некоторых западных, а также русских исследователей», К. Лэйн пишет, что в Советском Союзе «в настоящее время имеет место широкое возрождение религиозных традиций, причем в 60-е и 70-е годы многие представители интеллигенции возвратились к православию». Но, во-первых, советские авторы этого никогда не утверждали, а во-вторых, как явствует из дальнейшего изложения, К. Лэйн под «многими представителями интеллигенции» подразумевает ничтожную кучку инакомыслящих, называя имена тех, кто выдворен за пределы нашей страны.

Злопыхательские обвинения в адрес Советского Союза принимают часто самый несуразный характер. Трудно, пожалуй, назвать более яростного антисоветчика клерикального толка, чем проживающий в США баптистский пастор Р. Вурмбранд, и более непримиримое враждебное издание, чем издающийся в Париже архиреакционный ежемесячник «Катакомб». Попытаемся дать хотя бы частичное представление об «обзоре» атеистических материалов советской прессы, с которым в 1976 г. выступил пастор на страницах ежемесячника. Попал, например, в поле зрения Вурмбранда номер «Казахстанской правды» от 16 июня 1971 г. «Осмыслив» его, «обозреватель» поведал о «братьях и сестрах», которым удалось отпечатать «сотни книг христианских песен в государственной типографии с согласия директора, всех рабочих и лиц, доставивших эту литературу по назначению. Никто никого не выдал. Это показывает, насколько одобри-

тельно относится к христианству рядовой гражданин Советского Союза...» [1].

Вот так-то: дирекция типографии, партийная, профсоюзная и комсомольская организации единодушно посодействовали сектантам в издании религиозной литературы, ибо весь коллектив типографии состоит из ревностных христиан. Но не таков у Вурмбранда размах, чтобы довольствоваться узкими рамками одной организации: выводы, которые он извлек, с ходу экстраполируются на всю Советскую страну!

Но такая версия столь же далека от истины, как сам пастор — от элементарных норм порядочности. В действительности «Казахстанская правда» сообщила о возмутительной махинации. Начальник печатно-производственного цеха одного из проектных институтов вместе с еще четырьмя рабочими за крупный денежный куш вошел в сговор с несколькими адвентистами седьмого дня, согласившись напечатать для них сборник «Псалмы Сиона». Сектантские «активисты» рассчитывали обеспечить и себе немалую прибыль от реализации «духовной» продукции. Все это произошло (цитируем дословно) «под носом у руководителей-разинь». «Случай показал,— говорится далее в газете,— что неорганизованность, неупорядоченный режим, хозяйственная безалаберность — не просто лазейка, а широкий шлях для нечистоплотных людей».

Итак, именно в ротозействе и халатности, но отнюдь не в сознательном пособничестве сектантам были повинны руководящие работники (за исключением начальника цеха). Ни при чем тут и «все рабочие», ибо в афере скрытно участвовали лишь пять «материально заинтересованных» лиц. А коллектив, ничего не ведая о случившемся, не мог и определить своего отношения к нему. Узнай он своевременно о недостойной сделке, затесавшимся в его ряды проходимцам довелось бы, несомненно, столкнуться отнюдь не с христианским всепрощением. Столь же очевидно, что сами дельцы были движимы не богоугодными мотивами, а алчностью. Более того: и у сектантских «просветителей» благочестивые побуждения — если они вообще имелись — оказались густо замешенными на корыстолюбии. Что ж, за неимением ничего другого и подобная махинация была использована Вурмбрандом в качестве основы для обобщений «всесоюзного масштаба» о поголовном влечении советских людей к христианству!

[1] Catacombes. P. 1976, № 61, p. 5.

В том же «обзоре» пастор восторгается «внушительными успехами» баптистов, доводя до сведения читателей, что в Кишиневе многие юноши, покинув комсомольские организации, вступили в секту, горько сожалея о том, что ходили в кино и танцевали, а не посвящали все свое время молитвам. Поскольку это сообщение включено в контекст «анализа» двух статей газеты «Советская Молдавия», у неискушенного западного читателя возникает уверенность, что обо всем этом писала именно она.

Но не только массы молодых людей «отворачиваются от безбожного режима». Дело идет к тому, кликушествует пастор, что режим этот вскоре лишится и доброй половины пропагандистских кадров научного атеизма, ибо «часто атеист, обученный, чтобы разрушить веру христианина, спрашивает последнего, где он сам сможет принять крещение». Следуя элементарной логике, пастор, одержимый маниакальным стремлением окрестить весь советский народ, должен бы привести хотя бы один пример обращения в христианство пропагандиста-атеиста или, по меньшей мере, его консультаций с верующим на сей предмет. Но таких примеров, разумеется, взять неоткуда.

Особого внимания заслуживает стремление Вурмбранда представить дело так, что переход наших молодых сограждан на религиозные позиции стал распространенным явлением. Он всеми доступными ему средствами старается обосновать тезис, будто и среди молодежи «ренессанс» набирает силу. Подразумеваемый вывод предельно прозрачен: поскольку молодым принадлежит будущее, то и религиозным убеждениям, «покорившим» немалую часть молодого поколения, суждено сыграть заметную роль в формировании духовного климата грядущих десятилетий. Эти же явления, по мысли пастора, доказывают «банкротство» научного атеизма: усилия, затраченные школами и вузами на формирование материалистического мировоззрения у своих питомцев, оказались малоэффективными, а то и вовсе «пошли прахом».

Уже цитированная нами книга Бурдо и Мюррей «Молодые христиане в России» почти целиком посвящена «обоснованию» именно этой концепции. Прямой

фальсификацией материалов нашей прессы эти авторы занимаются «умеренно». Зато фальсифицированной оказалась общая картина, созданная ими, поскольку сотканное для нее полотно состоит из тщательно, с определенным умыслом, подобранных нитей. Появилась, скажем, в советской периодике статья о недостатках атеистического воспитания в какой-то школе или ряде школ в масштабе района или города, значит, есть и нить. Подвергла молодежная печать критике комсомольца, уступившего давлению старших и совершившего церковный обряд,— еще одна ниточка!

Ну а уж если выпала такая «удача», как сообщение газеты «Молодежь Эстонии» от 23 августа 1972 г. о молодом враче, поступившем в ленинградскую духовную семинарию, то оно, естественно, не могло не перекочевать в книгу английских авторов. Не меньшей находкой оказался для них бывший комсомолец, ставший баптистом (о нем писала «Комсомольская правда» в августе 1973 г.). Здраво рассудив, что англоязычному читателю такой «показательный» случай неведом, Бурдо и Мюррей поспешили ликвидировать этот «пробел».

Но вот какая обнаруживается и на сей раз непоследовательность. Совсем недавно влиятельное католическое издание сообщало как о «тревожном явлении» о том, что только один из 40 тысяч ребят, в свое время поступивших в первый класс итальянской общеобразовательной школы, по окончании ее выразил желание обучаться в духовной семинарии [1]. Мы не располагаем данными о том, каково соотношение между одним молодым врачом, решившим получить новую «квалификацию» в ленинградской семинарии, и совокупным количеством его советских сверстников-интеллигентов, но вряд ли можно усомниться, что оно несравненно меньше, чем 1 : 40 000. Однако если речь идет об Италии, то о подобных явлениях пишут с горечью, справедливо усматривая в них серьезный симптом упадка религии, но уныние уступает место восторгу, коль скоро единичный случай такого рода имел место в Советском Союзе: он рассматривается не иначе как свидетельство обретенного религией второго дыхания.

[1] L'Osservatore della Domenica, 1979, 14.I.

Но если упоминавшиеся английские советологи все же опираются на факты — отнюдь не типичные, лишенные доказательной силы, но все-таки факты,— то некоторые буржуазные идеологи обходятся и вовсе без них. Так, один из американских журналов толкует об явном повороте в сторону религии среди части «наиболее чувствительной молодой советской творческой интеллигенции» [1]. Эта «истина» преподносится как непререкаемая, не нуждающаяся в подкреплении хоть какими-нибудь конкретными именами. А жаль! Будь такие имена названы, сразу стало бы ясно, что наиболее «тонкие молодые интеллигенты» — это одиночки, именующие себя «инакомыслящими», чей «творческий» диапазон не выходит за рамки такого сомнительного литературного жанра, как пасквиль.

«Международный католический информационный бюллетень» тоже толкует о молодой советской интеллигенции, которая под влиянием «небывалого подъема религии в капиталистическом мире» начинает открывать для себя религиозные и церковные ценности. Правда, тот же журнал опубликовал впечатления возвратившейся из СССР большой группы своих читателей. Один из них вопрошает: каков может быть смысл бесконечных богослужений, осенения крестным знамением, преклонений перед иконами, возжигания свечей? Разве все это не объясняет, почему в церквах бывают главным образом бабушки (тут, для передачи нужного колорита, применяется во французской транскрипции слово «babouchka».— *М. Г.*)? Разве молодые люди могут быть восприимчивыми к подобного рода культовым действиям? [2] Но если католический орган клерикализма прав во втором случае, то как он может быть прав также и в первом?!

Вышеупоминавшаяся К. Лэйн фактически опровергает измышления о высокой религиозности советской молодежи: «Молодые верующие, то есть те, кому меньше 30 лет, редко встречаются среди православных и несколько чаще среди сектантов... Число верующих в молодежной среде оценивается примерно в 3 процента» [3].

[1] The Journal of modern History. Chicago, 1972, June, vol. 44, p. 189.

[2] Informations catholiques internationales, 1977, № 517, p. 27; 1978, № 531, p. 35.

[3] *Lane C.* Christian Religion in the Soviet Union, p. 224.

Отметим, что, согласно данным социологического изучения уровня религиозности, в ряде районов СССР в той или иной степени под влиянием религии еще находятся 25—30% взрослого населения [1]. Стало быть, в общей массе граждан всех возрастных категорий, в какой-то форме сохранивших связь с религией, молодые составляют незначительную часть. Таковы подлинные, не пропущенные через деформирующие линзы советологии, цифры. Эти цифры говорят о том, что о религиозном «ренессансе» среди населения в целом не может быть речи. По данным Е. Ярославского, относящимся ко второй половине 30-х годов, на селе свыше $^1/_3$, а в городе — не менее $^2/_3$ трудящихся порвали с религией [2]. Отсюда следует, что под ее влиянием еще находилось около 65% сельских жителей и более 30% горожан. А поскольку подавляющее большинство населения в то время было сельским, то именно оно решающим образом влияло на картину в целом. Поэтому можно заключить, что верующие составляли 50—55%. Следовательно, за четыре десятилетия религиозность сократилась примерно в 2 раза, несмотря на то, что минувшая война и трудные послевоенные годы, как известно, временно привели к определенному оживлению религиозных настроений. Разве все это свидетельствует о торжестве религии и поражении атеизма?

Но главное даже не в количественных показателях, а в качественной стороне дела. Чаще всего речь идет не о подлинной вере, а об обрядовом традиционализме, о религиозности вылинявшей, усеченной, ставшей к тому же уделом людей главным образом пожилых, малообразованных, не связанных со сферой материального производства.

Но именно качественное ослабление позиций религии в СССР нашим идейным противникам надо во что бы то ни стало поставить под сомнение. Поэтому они прилагают немалые усилия, дабы выявить «ренессанс» в лоне тех сектантских группировок, в которых фанатизм и экстремизм встречаются чаще. В том, чтобы всячески раздуть «мощь» таких группировок, и заключается одна из немаловажных тенденций в буржуазном религиоведении, ориентированном на изучение духовной жизни нашей страны.

[1] См.: *Лисавцев Э. И.* Религия в борьбе идей. М., 1975, с. 42.
[2] См.: Об антирелигиозной пропаганде. М., 1937, с. 12.

Тут открывается возможность, хотя и ограниченная, рассмотреть в исторической перспективе некоторые утверждения, вышедшие в прошлом из-под пера советологов. 15 лет — срок небольшой (примерно такой срок прошел с момента выхода в Лондоне нашумевшего на Западе трактата мистера Дж. Поллока), но и он в какой-то степени позволяет судить, насколько беспочвенными оказываются клерикальные оценки и прогнозы, если сопоставить их с реальностью наших дней. Определяя на «основании» материалов советской печати положение «свидетелей Иеговы», Поллок утверждал, что после второй мировой войны у нас начался процесс поразительно интенсивного распространения этого сектантского учения, который он образно сравнивал со «всепожирающим огнем» [1]. Если б это было так, то за истекшие полтора десятилетия «сгорели бы дотла» если не все, то очень многие позиции не только научного атеизма, но и всех, кроме иеговизма, религиозных течений. Однако секта не только ничего вокруг себя не «спалила», но и сама не смогла устоять перед кризисными явлениями, наиболее серьезным из которых следует, пожалуй, признать даже не отсутствие количественного роста, а распри среди ее вожаков, приведшие к тому, что многие общины ныне игнорируют рекомендации Бруклинского центра.

Несколько меньший (но тоже позволяющий делать некоторые выводы) временной отрезок отделяет нас от появления одного из основных сочинений М. Бурдо. Обвиняя советские атеистические источники в том, что они преднамеренно изображают баптистов-«инициативников» как численно небольшую группировку, дабы скрыть «достижения» последних на ниве уловления душ, пастор спешит «восстановить» истину, заявив, что к «инициативникам» примкнули три миллиона человек [2]. Словом, пастор не скромничает. Перевирать так перевирать.

Пытаться внушить антисоветчику доверие к советской литературе — занятие бесплодное, поэтому мы сошлемся не на наших исследователей, а обратимся к такой далеко не атеистической публикации, как изданная в ФРГ книга «Церковь на Востоке». Не кто иной, как Р. Штупперих — теоретик, занимающий

[1] *Pollok J.* Cristiani dalla Siberia. Roma, 1967, p. 126.
[2] *Bourdeaux M.* Religions ferment in Russia. L.— Melbourne — Toronto — N. Y., 1968, p. 141.

столь же «передовые» позиции в клерикальном лагере названной страны, какие сумел завоевать Бурдо в своей,— определяет количество «инициативников» в СССР в 10—20 тысяч человек [1].

К тому же проявления сектантского экстремизма не признак силы, а завершившаяся провалом попытка отыскать выход из кризисной ситуации. За годы, прошедшие после обнародования «статистических данных» Бурдо, «инициативники» не сумели перетянуть на свою сторону сколько-нибудь заметное количество верующих из зарегистрированных баптистских общин и тем более заманить людей «со стороны», напротив, 30 обществ раскольников были зарегистрированы. И, что особенно важно, в последнее время шумиха, поднятая верховодами «инициативников», постепенно ослабевает, несмотря на все старания зарубежных «вдохновителей» стимулировать ее.

Еще одна тенденция, которую нельзя оставить вне рассмотрения, связана со стремлением выдать религиозный «ренессанс» за показатель роста национального самосознания народов СССР. Буржуазная пропаганда, толкуя об этом, разумеется, печется в первую очередь о насаждении националистических предрассудков. Основные религиозные направления в той или иной мере рассматриваются буржуазно-клерикальной пропагандой как удобные лазейки, через которые можно было бы протащить националистические взгляды. «Годится», например, православие. И не упускает случая реализовать «заложенные в нем возможности» даже относительно сдержанная К. Лэйн. Если, например, у нас было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, заботящееся также и о представляющих историческую и архитектурную ценность церковных зданиях, то английский автор видит в этом «обновленный интерес к религии», который может быть истолкован как «признание тесной связи между русской историей и культурой и православной церковью» [2]. И это лишь один из бесчисленных примеров, когда законную национальную гордость русского народа, его привязанность к лучшим своим культурным традициям пытаются выдать за «возрожденный интерес» к православию. То обстоятельство, что в далеком прошлом культурные феномены нередко облекались в религиозные формы (а это закономерно на определенных этапах исторического развития), используется как повод для интерпретации глубокого (и реального!) патриотического внимания к древним памятникам материальной и духовной культуры в качестве признака столь же глубокого (но надуманного!) уважения к религиозным ценностям.

[1] *Stupperich R.* Für Kirchlichen Problematik in der UdSSR.— Kirche im Osten. Göttingen, 1976, S. 170.

[2] *Lane C.* Christian Religion in the Soviet Union, p. 49.

Вовсе не в русле религиозного «ренессанса» или «квасного» патриотизма лежит забота о сохранении богатейшего культурного наследия русского народа, как и всех других народов СССР. Она вытекает из верности ленинскому положению о том, что «марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении... может быть признана развитием действительно пролетарской культуры» [1].

Еще «перспективнее» представляются клерикальным центрам те религиозные направления, которые можно было бы попытаться использовать в целях противопоставления народов нашей страны как по вероисповедному, так и по этническому признакам. И поскольку большие «надежды» возлагаются в этом плане на ислам, то, понятно, что и он должен выглядеть полным силы и динамизма. Ибо, чем мощнее он будет казаться, тем более «упорным» можно будет изобразить его «сопротивление неверным».

Журнал «Остойропа» — одно из наиболее крупных и непримиримых не только в ФРГ, но и во всем западном мире антисоветских изданий — с пристальным вниманием следит за атеистическими публикациями, появляющимися в нашей стране. Но если изучить его комплекты за последнее десятилетие, нетрудно убедиться в том, что ни одна из конфессий не удостаивается такой «заботы», как ислам. Если, например, журнал «Наука и религия» в 1975 г. (№ 3 и 6) поместил статьи, посвященные критическому анализу мусульманской религии, то обе они, с некоторыми сокращениями, были перепечатаны «Остойропой». Надо признать: никаких искажений первоисточников она

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 337.

не допустила. Не будем, однако, спешить воздавать хвалу объективности антисоветчиков из ФРГ. Ибо статьи наших авторов сопровождаются такими комментариями, которые и объясняют, зачем, собственно, понадобилось их воспроизводить. В обоих случаях цель редакционных «разъяснений» состоит в том, чтобы вывести из материалов советского журнала заключения, очень нужные самой «Остойропе» и тем силам, рупором которых она является, но из содержания выступлений наших авторов никак не вытекающие.

Смысл этих заключений сводится к двум основным тезисам. Первый: советский образ жизни в общественном сознании «мусульманских» народов мало что изменил. Влияние, которым пользовался ислам до революции, практически не пошатнулось, а так как мусульманские и национальные традиции выступают в «нерушимом единстве», то почти полностью сохранились и те, и другие. Второй: единый и незыблемый «мусульманско-национальный» комплекс позволяет чуть ли не единодушно преданным исламу народам сберечь свою этническую самобытность перед лицом «усиливающейся русификации» [1].

Конечно, «Остойропа» не только не видит разницы между прогрессивными и реакционными национальными традициями, но о первых даже не упоминает. Последние же действительно тесно взаимодействуют с исламом, а поэтому разделяют его судьбу, то есть их пережитки постепенно преодолеваются. Если бы это было не так, то и по сей день в наших «мусульманских» республиках тяжбы и преступления рассматривали бы шариатские суды, калым вносился бы за каждую невесту, на улицах сел и городов нельзя было бы встретить женщин коренных национальностей без паранджи.

Что касается столь тревожащей западногерманских советологов «русификации», то они выдают за наихудшее зло то, что для нас величайшее благо: сближение народов СССР, их крепнущая дружба и единство, которые были бы невозможны, если бы русский язык не стал инструментом межнационального общения. Это, как хорошо известно, не только не ущемило культурное достояние и языки нерусских народов, но привело к расцвету и взаимообогащению всех национальных культур.

[1] Osteuropa. Stuttgart, 1975, № 11, S. A. 553; 1976, № 2, S. A. 79.

«Оппозиционный» потенциал ислама можно было бы изобразить «масштабнее», если бы внутри него имелись какие-то экстремистские течения. Однако, к великому огорчению наших недругов, ничего аналогичного, скажем, баптистам-«инициативникам» в исламе нет. А раз нет, значит, надо что-то придумать. И придумали. Есть в Советском Союзе, писал один из наиболее маститых буржуазных исламоведов, А. Беннигсен, два вида ислама — официальный и неофициальный. Если первый полностью лоялен, то второй «энергично оппозиционен режиму». Каково соотношение двух сконструированных им моделей ислама, Беннигсен не сообщает, предоставляя читателям сделать какие угодно выводы. Что это за «официальный» ислам, в чем проявляется «энергичная оппозиционность» ислама «неофициального» — разъяснениями на сей счет Беннигсен себя не утруждает.

Попутно исламовед «нанес удар» по научному атеизму, утверждая, будто современная критика мусульманской религии черпает аргументы из дореволюционного арсенала православных казанских миссионеров. Иными словами, атеизм и атеисты настолько беспомощны, что советские ученые ни на что большее не способны, как на перепев доводов миссионеров, выступавших апологетами «единоспасающего» православия.

С особым усердием применяют клерикальные идеологи миф о «ренессансе» к тем конфессиям, специфика которых создает «оптимальные» возможности для попыток насаждения национализма. В этом плане немало внимания уделяют они иудаизму, который, будучи обращенным практически к одной этнической группе, позволяет «эффективнее» выдавать его за якобы ее атрибут.

Хотя М. Бурдо мало занимается нехристианскими конфессиями, мимо иудаизма он не прошел, посчитав своим долгом провозгласить на страницах «специализированного» антисоветского журнала «Совьет стадиз» «иудейское религиозное возрождение в России». И на этот раз нет нужды опровергать названный журнал, поскольку об этом позаботился он сам: менее чем за год до того на его страницах можно было прочитать о жалком положении «иудейской религи-

озной жизни в Советском Союзе»[1]. Чему же верить: «ренессансу» иудаизма, отмеченному «Совьет стадиз» в 1975 г., или жалкому положению иудейской религии, констатированному тем же журналом в 1974-м?

Вопиющее это противоречие встречается отнюдь не только в цитированном журнале, оно обнаруживается сплошь да рядом в буржуазных изданиях, особенно сионистского направления. С одной стороны, звучат стенания по поводу того, что иудаизм у нас «искоренен властями», с другой — по «данным» антисоветской книги, увидевшей свет одновременно в Англии и США, «миллион, если не больше, евреев в Советском Союзе сохраняют преданность своей религиозной традиции...»[2].

Но «миллион, если не больше», означает две трети — если не больше! — взрослого еврейского населения нашей страны. Как согласовать этот фантастический «показатель» с сетованиями на то, что иудаизм в СССР «задавлен»?

Более «уравновешенную» позицию занимает Э. Вайнгартнер, малоизвестный у нас, но заслуживающий внимания атеистической критики буржуазный автор. Он достаточно плодовит, а главное, руководит обосновавшимся в Риме выпускающим свою продукцию на английском языке антисоветским «центром документации» клерикального профиля. По его «сведениям», среди советских евреев сохранили связь со «своей религией» 500 тысяч человек[3], а это уже не две трети, а «всего лишь» одна треть граждан СССР еврейской национальности старше 18 лет.

Но тут нам придет на помощь (хотя он к этому никак не стремился) хорошо известный апологет иудаизма и сионизма Цви Гительман. Причем его свидетельства приобретают значение, выходящее за рамки иудаизма, и касаются состояния религиозности в нашей стране в целом. Дело в том, что клерикалы зачастую отвергают данные социологических исследований, опубликованные советскими учеными, обвиняя их в умышленном снижении количества верующих. Однако обосновать свое несогласие с нашими религиоведами они никак не могут.

[1] Soviet Studies. Glasgow, 1975, № 4, p. 333; 1974, № 7, p. 467.
[2] Russian Jewry 1917—1967. N. Y.— South Brunswick — L., 1969, p. 220
[3] Church within socialism. Church and State in East European Socialist Republics. Ed. by E. Weingartner. Rome, 1976, p. 73.

Гительман едва ли не первый, кто сумел убедиться на собственном опыте, достоверны ли сообщения, появившиеся в СССР. Ему удалось проинтервьюировать некоторых бывших советских граждан. Но «бывшими» они стали совсем недавно. Воспользовавшись тем, что на Западе оказалось некоторое количество евреев, эмигрировавших из Советского Союза, он и его коллеги провели среди них соответствующий опрос. В итоге Гительман пишет, что если, по данным советских источников, верующими является 8% еврейского населения, то из числа лиц, опрошенных им, таковыми объявили себя 9%[1].

Возникает вопрос: не является ли преувеличенным (а не заниженным!) показатель, который вытекает из советских публикаций? Ведь СССР покинули как раз те евреи, которых подтолкнули к эмиграции именно различные предрассудки — как националистические, так и религиозные. Видимо, возможное преувеличение, допущенное нашими исследователями, объясняется тем, что они причисляли к верующим всех, у кого сохранилась даже малейшая, чисто формальная связь с иудейской религией и синагогой или о ком, по косвенным признакам, можно было лишь предложить, что он такую связь не полностью порвал.

Имеется еще одно немаловажное обстоятельство, которое следует иметь в виду. Если взять миф о религиозном возрождении и закате атеизма в целом, нельзя не заметить, что его в значительной степени питает просто некомпетентность наших оппонентов, их подчас удивительная неосведомленность обо всем, что касается марксистско-ленинского учения и советского образа жизни, советского законодательства.

Вот что пишет даже такой высокопоставленный иерарх, как кардинал Ф. Кениг, прочно завоевавший себе репутацию ведущего католического специалиста в области изучения марксистского атеизма: «Как раз вследствие своей претензии на научность марксизм-ленинизм, исходя именно из теории, должен будет спросить себя, можно ли будет и впредь, как это делалось до сих пор, отстаивать аксиому, что поскольку религия не более чем продукт определенной социальной

[1] Soviet Studies, 1977, № 4, p. 549.

системы, то этот продукт должен умереть сам по себе вместе с изменением системы?.. Процесс строительства коммунистического общества, иными словами, цель Советского государства предполагает постепенное исчезновение религии». Разделенные многоточием фрагменты взяты нами из одной и той же статьи кардинала [1]. Однако из этих двух положений Кениг, если бы он заботился о последовательности, должен был бы выбрать только одно, ибо друг другу они противоречат. Если признать верным тезис, что исчезновение (точнее, отмирание) религии есть постепенный процесс (а именно он правилен), то никак не может быть верным утверждение, будто марксизм-ленинизм придерживается «аксиомы», что религия должна «умереть сама по себе» чуть ли не на другой день после окончательного ниспровержения эксплуататорского строя.

Весьма важно отметить, что глубоко ошибочный взгляд, согласно которому марксисты якобы предрекают автоматическое крушение религии, прочно укоренился в буржуазной литературе. Вот еще пример: одно из ведущих английских периодических изданий в статье о религии и церкви в СССР ссылается на «часто высказываемое коммунистами положение о том, что с исчезновением классовой системы капитализма исчезнет и религия» [2]. Раз такие взгляды коммунисты излагают «часто», то респектабельному «Экономисту» ничего не стоило бы привести хотя бы один конкретный пример. Но он его не привел и никогда не приведет, поскольку найти не сможет.

На страницах журнала итальянских иезуитов мы встречаем утверждение, что в СССР «коммунистам не удалось добиться достижения провозглашенной ими цели — разгромить церковь и уничтожить религию» [3]. Позволительно спросить: где и когда коммунисты такую несуразицу провозглашали? Как могли они «добиться достижения» цели, которую перед собой не ставили? Технология ясна: вначале коммунистам приписывают совершенно чуждые им «программные установки», равно как и нелепый подход к проблеме преодоления религиозных пережитков, а затем злорадно утверждают, что реализацию своих задач они сорвали. Таким образом, сам по себе факт исторически неизбежного сохранения при социализме указанных пережитков клерикальные критики марксизма пытаются выдать за поражение научно-атеистического мировоззрения коммунистов.

[1] Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1975, 16.VIII.
[2] The Economist, 1978, 30.XII; 1979, 5.I.
[3] La Civilta cattolica. Roma, 1978, № 3069, p. 258.

Чего больше в построениях такого рода — злого умысла или неведения, сказать трудно, однако последнее проступает со всей очевидностью, а иной раз оно принимает буквально гротескные формы. Так, епископ Ж. Рюпп, прелат, известный в католических кругах, не раз выполнявший ответственные поручения Ватикана, выражает несогласие с цифрами, «установленными органами государственной власти», отражающими количество верующих, утверждая, что на самом деле «их гораздо больше», ибо в Советском Союзе «религиозная статистика показывает данные ниже действительных» [1]. Оказывается, в клерикальном лагере вполне «квалифицированном советологом» может прослыть и тот, кому не под силу усвоить ту азбучную истину, что в СССР органы власти не занимаются ни учетом верующих, ни религиозной статистикой.

Миф о торжествующей религии и поверженном атеизме стал одним из модных в клерикальной советологии в силу целого ряда причин. Частично мы их коснулись. Это, прежде всего, стремление «обосновать» наличие в Советском Союзе некоей «религиозной оппозиции», в ряды которой чаще всего зачисляются все верующие. Следовательно, чем больше у религии приверженцев, тем больше и «оппозиционеров», почему антисоветчики и производят с таким усердием фантастические подсчеты и выкладки. Нетрудно также понять, что клерикалам особо нужны «оппозиционеры» не пассивные, а воинствующие, откуда попытки всячески раздуть «влияние» экстремистских сектантских группировок. Еще важнее «доказать», что «оппозиция» лишь набирает силу и только в будущем развернется по-настоящему. Вот и прилагаются усилия, дабы изобразить «впечатляющие масштабы религиозного ренессанса» в молодежной среде. Не последнее место занимают и потуги показать «ренессанс» идущим рука об руку с «параллельно возрождающимися» националистическими предрассудками.

Факты, однако, свидетельствуют о том, что у нас происходит не подъем религии, а постепенное ее

[1] *Rupp J.* Lumiere a l'Est. Monte-Carlo, 1969, p. 65.

затухание, не ослабление, а неуклонное укрепление позиций атеизма. Иначе и не может быть в обществе, «подобного которому,— как подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев,— человечество еще не знало. Это — общество бескризисной, постоянно растущей экономики, зрелых социалистических отношений, подлинной свободы. Это — общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение»[1].

Уж если говорить о религиозном «ренессансе», то его можно, в известной мере, обнаружить не в СССР, а на Западе. Не противоречит ли такое утверждение общепризнанному выводу о том, что и в буржуазном мире религия поражена тяжелым кризисом? Нет, не противоречит, а диалектически с ним сочетается. Ибо в капиталистических государствах, с одной стороны, классовая борьба и научно-техническая революция просвещают массы и приводят к упадку традиционных церквей. Но с другой, о подрыве социальных корней религии в условиях эксплуататорского строя не может быть и речи.

Деградация институционных конфессиональных организаций не равнозначна прекращению воспроизводства религии. Мистические искания в антагонистическом обществе неизбежны, что обусловило «расцвет» новых форм суеверия, более адекватных современной буржуазной действительности. Это привело к возникновению тысяч христианских сект, основанных на крайнем обскурантизме, жестоком подавлении личности, грубом стяжательстве, «освящении» проституции. Этому же обязаны своим зарождением или дальнейшим «прогрессом» оккультные «науки», «церковь сатаны», «церковь гомосексуалистов», перенесенные на западную почву и приспособленные к ней древние восточные культы. Диалектическую сущность процессов, развертывающихся в вероисповедной сфере «свободного мира», можно было бы передать формулой «возрождение через загнивание».

Сказанное частично объясняет, почему «ренессанс» религии принципиально невозможен в Советском Союзе: у нас ее кризис необратим уже потому, что исключена компенсация за счет «обновления» в уродливых формах, немыслимых в политически, экономически и морально здоровом обществе.

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 87.

ИХ ОТКРОВЕНИЯ

«Используя все средства современной пропаганды, умелые приемы психологической войны, необходимо насаждать нашу мораль и идеологию в общественном сознании населения стран коммунистического лагеря. Используя национальные различия, религиозные предрассудки, человеческие слабости, зависть, женское тщеславие, стремление к удовольствиям, необходимо развивать безразличие к целям коммунистического государственного руководства».

Аллард фон Шак,
западногерманский советолог

«Наша главная цель, наша главная мишень — Советский Союз и коммунистический блок».

Фрид,
сотрудник радиостанции Монте-Карло

«Посредством церкви мы можем действовать с наибольшей эффективностью. Церковь имеет для нас важное значение. Это наиболее легкий и надежный способ для проникновения в страну».

Аллан Дрейфус,
сотрудник спецслужб США

«В идеологической борьбе с коммунизмом нам нужна не правда, а подрывные действия: в такой войне потребуются все головорезы и гангстеры, которых мы можем заполучить тем или иным способом».

Джонсон,
председатель комитета
политической информации США

«Вера в бога, в его мировой порядок, в естественное право составляет антикоммунизм...»

Гундлах,
бывший советник папы Пия XII

Национально-освободительное движение, развернувшееся во многих странах традиционного распространения мусульманской религии, вызвало размежевание сил в рядах ее последователей. Наряду с теми, кто под знаменами ислама стремится к прогрессивным преобразованиям в странах Востока, есть религиозные идеологи, пытающиеся использовать его в антикоммунистических целях. Вслед за пропагандистами империализма они прилагают усилия к тому, чтобы вести идеологические атаки на социалистический строй, направлять общественное мнение против Советского Союза, разжигать антисоветские настроения среди верующих. Как обычно, в ход идут вымыслы о преследованиях мусульман в СССР, о гонениях на исламскую религию и т. п.

Лучшие аргументы против клеветников и фальсификаторов — факты, которые позволяют отчетливо увидеть, где правда, а где ложь, раскрыть истинные замыслы наших идеологических противников.

Домыслы и факты

(Критика фальсификаций положения ислама в СССР)

В антисоветской пропагандистской кампании, которую раздувают империализм и мусульманская реакция, в последнее время усилились попытки эксплуатировать исламскую проблематику. Страницы буржуазных газет и журналов стран Запада, а также некоторых «мусульманских стран» буквально пестрят статьями и заметками на исламские темы. Оттолкнувшись, как правило, от антиколониальной, антиимпериалистической революции в Иране, осуществленной под исламскими знаменами, авторы этих материалов переходят к обсуждению вопроса о положении ислама и мусульман в Советском Союзе. О направленности этих публикаций могут свидетельствовать их заголовки и подзаголовки. «Ветры ислама дуют над Советской Азией» (монреальская «Газетт»), «Элен Каррер д'Анкосс описывает подъем у мусульман в СССР» (швейцарская «Трибюн де Женев»), «Навести мосты к мусульманам» (западногерманская «Райнишер Меркур»), «Исламский «ренессанс» (западногерманская «Альб Боте»), «Когда пробуждается ислам» (парижская «Либерасьон»), «Советы агитируют против веры в Коран» (западногерманская «Ди Вельт») и т. д. и т. п.

Авторы этих материалов не претендуют на оригинальность политического мышления: их цель проста — любыми средствами бросить тень на реальный социализм, попытаться разжечь религиозно-националистические настроения хотя бы среди части верующих. Им хотелось бы также превратить некоторых служителей культа Советского Союза в носителей и проповедников националистических идей. В основу многих из этих публикаций положены аргументы и выводы из книги Элен Каррер д'Анкосс «Треснувшая империя», вышедшей во Франции в 1978 г. В многочисленных интервью, данных д'Анкосс корреспондентам западных буржуазных газет, она говорит о наличии в СССР 50 миллионов мусульман, о «возрождении ислама», о превращении его в «контробщество», о мусульманах как о «взрывной силе».

Повышенный интерес западных печатных органов к аргументации д'Анкосс можно объяснить. Прежде всего, ее публикации отличаются внешней научной респектабельностью. В них много ссылок на работы советских авторов последних лет. Тон ее выступлений носит менее ругательный характер, чем тон статей и книг других советологов. Другая привлекательная сторона аргументации д'Анкосс состоит в следующем. Целый ряд поколений антисоветчиков утверждал, что мусульмане в СССР являются дестабилизирующим фактором советской социальной системы, и аргументировал эти заявления домыслами об ущемлении прав мусульман, об искусственной их изоляции от братьев по вере в других странах. Такая аргументация устраивала в какой-то мере организаторов антисоветских кампаний в тот период, когда международные контакты были неразвитыми, а линия на намеренное замалчивание успехов республик Советского Востока давала некоторый результат. Сегодня, когда «железный занавес» изоляции, воздвигнутый Западом вокруг СССР, разрушен, а информированность масс в несоциалистических странах о жизни советского народа повышается, прежняя аргументация приносит больше вреда, чем пользы, организаторам антисоветских кампаний.

Аргументация же д'Анкосс во многом строится с учетом изменившейся ситуации. И к тому же несостоятельному выводу, который пропагандировали злопыхатели в течение десятилетий, она пытается подвести читателей, что называется, с противоположной

стороны. В ее книге немало признаний преимуществ, которые социализм дал «мусульманским народам», то есть признаний того, что замалчивать уже никак нельзя. Более того, выводы о «неизбежном взрыве» она и некоторые ее коллеги строят именно на этом. По их логике получается, что мусульмане СССР должны выступить против советского строя, потому что этого, мол, требуют их национальные интересы. В интерпретации д'Анкосс получается, что блага, представленные социализмом народам Советского Востока, должны лишить эти народы самобытности и привести к недовольству существующим порядком.

Все это не значит, что д'Анкосс совершенно отказывается от приемов грубой фальсификации фактов, касающихся жизни мусульман при социализме. Она, так же как и другие авторы, подвизающиеся на ниве антисоветизма, не чурается прямого вымысла и грубых выпадов. Ей, например, принадлежит заявление о том, что Советская власть собирается «побудить мусульман отправиться заселять Сибирь», что женщины в Средней Азии по-прежнему выходят замуж в 13 лет, что мусульмане бегут из городов в деревни, ибо «им тягостна совместная жизнь с русскими и украинцами, населяющими города», и т. д. и т. п.

Нет никакого смысла разбирать и опровергать эти утверждения. Их клеветнический характер очевиден.

Элен д'Анкосс утверждает, что советские мусульмане «люди умные и к тому же действительно с очень развитым политическим самосознанием», связывая однако эти оценки с «усилением мусульманского движения» в СССР под влиянием событий в Иране и даже с намеками на возможность возникновения «мусульманской федерации» на границах СССР, с потерей нашей страной части своих территорий — совсем в духе выступлений антисоветчиков двадцати-тридцатилетней давности. Однако здесь ждет ее полный провал, как и ее предшественников.

Будучи людьми умными и преданными патриотами своей социалистической Родины, сторонниками социального прогресса, советские мусульмане сделали свои выводы из иранских событий. Они поздравили иранский народ с победоносной революцией и решительно осудили козни врагов общественного прогресса, организующих контрреволюционные акции против Демократической Республики Афганистан. Вместе с мусульманскими религиозными деятелями и работниками исламской прессы из 12 стран — участниц конференции, посвященной 10-летию журнала «Мусульмане Советского Востока» (3—4 июля 1979 г.), они подчеркнули в своем заявлении, что «приветствуют успехи народов Ирана и Афганистана в их борьбе против империализма, за создание нового общества».

А немного ранее, отвечая корреспондентам на вопрос о том, какова реакция советских мусульман на события в Иране, заместитель председателя Духовного управления мусульман Закавказья А. Пашшаев говорил: «События в Иране носят социально-политический характер. Когда народ угнетен, он поднимается на революцию. Иранский народ совершил революцию во имя свободы, и мы ему желаем успехов. Мы же находимся на более высокой ступени развития. Мы свою правду давно нашли в социалистическом обществе».

Вторя доводам д'Анкосс, Лана Хиллз, автор статьи «Ветры ислама дуют над Советской Азией» («Газетт», 1979, 18 апреля), утверждает, что мусульмане в СССР представляют собой «бомбу замедленного действия», которая непременно взорвется. К этому ведет, по мнению Хиллз, ряд обстоятельств, среди которых она выделяет большую численность мусульман и дальнейшее ее повышение; грандиозные возможности, открытые Советской властью для развития национальной культуры «мусульманских народов», которым, однако, противоречит официальная идеология, будто бы диктующая неизбежность «потери национальной самобытности»; поощрение государством мусульман практиковать свою веру.

Начнем с положения автора о том, что «в СССР около 45 млн. мусульман» (д'Анкосс называет цифру 50 миллионов) и что, «согласно советской статистике, менее чем через поколение их численность увеличится почти вдвое, достигнув почти 100 млн.». Цифры эти произвольны и никак не соответствуют действительности. Как известно, все словари под термином «мусульмане» разумеют последователей ислама. Если даже условно отнести к мусульманам все народы, у которых традиционной религией являлся ислам, то и в этом случае мы получим цифру на 10—15 миллионов (по итогам переписи 1970 г.) меньшую, чем названные [1].

[1] См.: Народное хозяйство СССР в 1977 г. Статистический ежегодник. М., 1978, с. 18.

При этом нужно учесть результаты социологических исследований, а они показывают, что до 70% представителей этих народов не являются верующими, то есть их нельзя называть мусульманами [1].

Можно предположить, что автор пошел по другой линии и отнес к числу мусульман всех жителей союзных и автономных республик, для коренного населения которых ислам являлся традиционной религией. Но и такой подход неоправдан. Ведь каждая из этих республик является многонациональной. В ряде из них (Узбекистан, Туркмения) до 30—40% населения, а в Казахстане — более половины составляют люди, предки которых никогда не исповедовали ислам. Что касается прогнозов относительно удвоения числа мусульман в следующем поколении (сколько бы их ни было сейчас), то здесь советологов также ждет разочарование. Исследования, проведенные учеными нашей страны, показывают, что каждая последующая возрастная группа взрослого населения с интервалом в десять лет (речь идет о лицах от 80 лет до 21 года) примерно на одну треть менее религиозна, чем предшествующая [2].

Далее следует отметить ничем не подкрепленное заявление автора о том, что официальная идеология в СССР диктует неизбежность «потери национальной самобытности» народов Советского Востока.

В СССР, как известно, добровольно объединились более 100 наций и народностей с самыми различными историческими традициями и культурами, последователи более 40 разнообразных религий и религиозных направлений, а также неверующие. Дух дружбы и товарищеского сотрудничества, царящий в советском обществе, зиждется на общественной собственности на средства производства, отсутствии эксплуатации и единстве коренных интересов граждан. Формированию и развитию такой атмосферы в огромной мере способствуют целенаправленная деятельность Коммунистической партии, социалистического государства и всех социальных институтов, функционирующих в стране. Не последнее место в этой деятельности принадлежит реальному обеспечению равноправия граждан во всех областях жизни независимо от их происхождения, национальности, социального положения и отношения к религии, созданию оптимальных условий для развития и расцвета национальных культур и прогрессивных традиций всех народов.

[1] См.: *Джаббаров И.* Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973, с. 82; Актуальные вопросы атеистического воспитания. Алма-Ата, 1976, с. 73.

[2] Правда, 1979, 30 марта.

Каждому ясно, что национальная государственность усиливает устойчивость наций и национальных культур. Предоставив народам окраин бывшей царской России национальную государственность, Коммунистическая партия тем самым дала огромный стимул для роста национального самосознания этих народов и бурного развития их национальных культур. Этому же способствует отмеченная автором широкая возможность у народов Советского Востока обучать своих детей на родном языке, которая также была создана Коммунистической партией и социалистическим государством. Для подтверждения приведем лишь один пример. До революции только семь туркмен из тысячи едва умели читать, на территории Туркмении не издавалось ни одной газеты, ни одной книги на туркменском языке, не имелось ни одной национальной библиотеки, ни одного клуба. Сейчас в республике все грамотны. Работают шесть высших учебных заведений, два филиала Московского нефтяного института, один филиал Ташкентского института железнодорожного транспорта, 31 техникум [1], свыше 1800 общеобразовательных школ [2]. В республике издаются 19 журналов, 48 газет, ежегодно выпускаются более 500 названий новых книг тиражом 4,5 миллиона экземпляров, большинство из них на туркменском языке [3]; 58 научных учреждений во главе с Академией наук республики разрабатывают актуальные проблемы развития науки [4]. В дореволюционном Туркменистане не было художников — теперь произведения многих художников республики экспонируются не только в СССР, но и за рубежом.

До революции в Туркмении не было искусства танца, не было театра. Теперь в республике действуют пять туркменских и один русский театр, Государственная филармония, симфонический оркестр, оркестр народных инструментов, хоровые и танцевальные

[1] *Гапуров М. Г.* Советский Туркменистан. М., 1978, с. 72.

[2] Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1977, с. 582.

[3] *Гапуров М. Г.* Советский Туркменистан, с. 76.

[4] Союз равных. Справочник. М., 1972, с. 279.

ансамбли, киностудия по производству художественных и документальных фильмов. Многие фильмы, сделанные туркменскими кинематографистами и отражающие жизнь народа, обошли экраны десятков стран мира [1]. Среди них «Шасенем и Гариб», «Решающий шаг», «Далекая невеста», «Невестка», «Махтумкули», «Утоление жажды», «Состязание», «Айна».

Что же касается объективного процесса сближения наций и интернационализации общественной жизни, протекающего в различных районах мира, то он в условиях социализма не только не препятствует проявлению национальной самобытности народов, наоборот, способствует все более полному ее раскрытию и обогащению. И об этом в первую очередь свидетельствует расцвет национальных культур народов Советского Востока. «Говоря о новой исторической общности людей, мы вовсе не имеем в виду, что у нас уже исчезают национальные различия или, тем более, произошло слияние наций,— говорит Л. И. Брежнев.— Все нации и народности, населяющие Советский Союз, сохраняют свои особенности, черты национального характера, язык, свои лучшие традиции. Они располагают всеми возможностями добиться еще большего расцвета своей национальной культуры» [2].

Далеко от действительности утверждение автора о том, что «советские мусульмане поощряются практиковать свою веру, но только под официальным присмотром». Прежде всего, Советская власть не поощряет никого практиковать какую-либо веру. Она еще в первые месяцы своего существования достаточно определенно провозгласила, что отношение человека к религии — это его частное дело, и отделила церковь от государства. Вместе с тем Советская власть приняла действенные меры для обеспечения всем гражданам подлинной свободы совести, то есть права исповедовать любую религию или не исповедовать никакой религии. Гарантия свободы совести зафиксирована и в Конституции СССР 1977 г. Учитывая наличие в стране значительного числа верующих, Советское государство передало им огромное количество всевозможных культовых зданий, многие из которых представляют собой ценные памятники отечественной культуры. Ныне в стране действует около 20 тыс. церквей, мечетей, костелов,

[1] *Гапуров М. Г.* Советский Туркменистан, с. 76.
[2] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. М., 1975, т. 4, с. 243.

синагог и других храмов. Но как в этом можно видеть поощрение религии? Здесь действуют совсем иные мотивы: обеспечение возможности верующим пользоваться своим конституционным правом отправлять культ. Одновременно государство создает возможность неверующим вести атеистическую пропаганду.

Далее. Говоря о религиозной жизни, автор пытается провести мысль о тождественности духовных управлений мусульман с государственными органами. В статье говорится, что духовные управления якобы не только осуществляют функции официального присмотра за верующими, но и контролируют передвижение мулл и выплачивают им заработную плату, а их руководители «назначены Советами».

Эти утверждения также ничего общего с истиной не имеют. Духовные управления мусульман, действующие в СССР (их четыре), являются религиозными центрами, руководящими канонической (богослужебной) деятельностью мечетей. Они избираются на съездах духовенства и верующих из числа наиболее известных мусульманских деятелей. Духовные управления существуют на средства, добровольно отчисляемые мечетями, и, разумеется, не выплачивают зарплаты муллам. Мечети являются автономными религиозными единицами, объединяющими прихожан и нанимающими для руководства богослужениями и обрядами служителей культа — мулл. Бюджет мечетей складывается из добровольных пожертвований верующих. Именно из этого бюджета, в зависимости от его величины, выплачивается муллам денежное содержание. В этом вопросе так же последовательно осуществляется принцип отделения церкви от государства: государство не финансирует религиозных организаций, но и не облагает их доходы налогами.

Наконец, хотелось бы отметить, что вывод Ланы Хиллз о том, что мусульмане в СССР представляют собой «бомбу замедленного действия», которая непременно взорвется, покоится лишь на желании автора.

Объективных же оснований для подобных выводов нет. Реальная жизнь развивается в противоположном направлении. Прежде всего она свидетельствует о том, что в ходе социального и культурного прогресса влияние на население религии, и ислама в том числе, слабеет. И не только в Советском Союзе. Социологические исследования, проведенные в различных районах тра-

диционного распространения ислама в СССР свидетельствуют, что подавляющее большинство населения уже высвободилось из-под влияния религии. Различные стороны общественной жизни этих народов, в том числе культура, секуляризировались и теперь развиваются на светской основе. А сама национальная культура Советского Востока стала составной частью общесоветской социалистической культуры. Поэтому надежды на усиление социальной значимости исламских концепций лишены сколь-нибудь серьезных оснований. Далее. Шестидесятилетний опыт Советского Союза показывает, что религиозная вера тех, кто считает себя мусульманами, ослабевает. Все меньше религиозных предписаний они выполняют, все больше догматов ставится ими под сомнение. В различных сферах жизни верующие все чаще руководствуются вполне светскими мотивами. И, что самое главное для народов Советского Востока, в том числе и для тех, кто исповедует мусульманство, социалистический строй является их собственным детищем, созданным и взращенным совместно с другими народами СССР, поднявшим их от бесправия и отсталости до полноправия и вершин современной цивилизации, а Советский Союз является единственной их родиной, искреннюю преданность которой они доказали своим самоотверженным трудом на ее благо и героическими подвигами в борьбе за ее независимость и территориальную целостность.

Дружное сотрудничество людей разных национальностей, верующих и неверующих, в общем деле строительства самого справедливого общества ведет к сближению социалистических наций, к усилению их однородности, к укреплению Союза Советских Социалистических Республик, к росту сплоченности единого многонационального советского народа.

Появление новых концепций по вопросам положения ислама и жизни мусульман в СССР в буржуазной социологии и пропаганде вовсе не означает, что антисоветчики совсем отказались от старых своих инсинуаций. Еще и по сей день можно прочитать в статьях и книгах идеологов империализма о «притеснениях» верующих мусульман в Советском Союзе, о якобы существующих запретах на молитвы и совершение религиозных обрядов. К сожалению, в развивающихся странах есть люди, которые верят таким грязным фальшивкам. И не только рядовые люди, но и некоторые ученые. Так, например, в докладе, представленном на советско-индийский симпозиум (декабрь 1978 г., Ташкент) «Секуляризация в обществах с многими религиями: опыт Индии и Советского Союза» индийским ученым-социологом доктором Ратной Найду, сказано, что пост в месяц рамадан «строго преследуется советскими властями», а пятикратная молитва приравнивается «к экономическому саботажу». К такому заключению автор приходит на основе изучения работ западных социологов.

Думается, что госпожа Р. Найду после поездки в СССР и ознакомления с истинным положением вещей более критически будет относиться к писаниям буржуазных «специалистов» по Советскому Востоку.

Наряду с инсинуациями о «гонениях на мусульман» в СССР буржуазные пропагандисты вновь пытаются гальванизировать разоблаченные фальшивки об изданном в СССР якобы «извращенном Коране» и о брошюрах с грубой критикой ислама, которые были изобретены буржуазными антисоветчиками и приписаны перу советских дипломатов — выходцев из республик Советского Востока [1].

Недавно со ссылкой на некий арабский источник вновь попыталась пустить в оборот эту меченую карту западногерманская «Die Welt» (номер от 26 апреля 1979 г.). О подобных приемах антисоветчиков очень хорошо сказал на пресс-конференции еще в июне 1973 г. один из старейших религиозных деятелей Советского Союза — председатель Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири муфтий Шакир Хиялетдинов. «Тот, кто занимается распространением подлых фальшивок о жизни мусульман СССР, об извращенном издании Корана в нашей стране,— это враг мусульман, враг дружбы народов. Только сионисты и империалисты могли быть создателями таких фальшивок. И очень печально, что кое-кто среди мусульман поверил своим врагам и тоже стал распространителем сочинений сионистов и империалистов».

В усиливающейся идеологической борьбе между двумя социально-экономическими системами мусуль-

[1] В советской литературе подобные попытки получили достойную отповедь. См., например, главу IV «Положение ислама и наций в интерпретации антисоветизма» книги Аширова Н. «Ислам и нации». М., 1975, а также политический еженедельник «Новое время», 1978, 17 марта, с. 30—31.

манская реакция занимает весьма определенное место. Она недвусмысленно стоит на позициях защиты эксплуататорского строя и борьбы против коммунизма. Приемы и методы этой борьбы, основную аргументацию она черпает из арсенала империалистической пропаганды. Правда, ее идеологи стремятся найти свой, как им кажется, наиболее эффективный аспект борьбы с коммунизмом. Повторяя зады империалистической пропаганды, они пытаются превзойти своих учителей в брани на реальный социализм. Исламский антикоммунизм следует отнести к «вульгарному» антикоммунизму, который игнорирует реальность, не хочет считаться с переменами, происходящими в мире. Реакционные круги в мусульманских странах стремятся использовать вопрос о положении ислама в СССР в качестве инструмента для ведения психологической войны против реального социализма, идей научного коммунизма, против дружбы и взаимопонимания между народами.

Вслед за империалистической пропагандой Запада, используя, часто с запозданием, ее же грязные методы, органы печати мусульманской реакции стремятся создать у населения развивающихся стран устойчивый стереотип подозрительности к реальному социализму. Если пропагандисты Запада говорят о «пробуждении» мусульман Советского Союза под воздействием событий в Иране и тем самым выдают свои затаенные надежды на возникновение некоего подобия «исламской политической оппозиции» советскому строю, то некоторые антисоветчики из лагеря мусульманской реакции без обиняков пишут о необходимости создать такое движение. Они пишут о том, что хотят «навести крепкие мосты» к мусульманам Советского Союза, которые, по их мнению, «испытывают самую острую нужду в поддержке и помощи», чтобы советские мусульмане «вместе со своими братьями активизировали исламское движение, которое призвано охватить новые народы и распространить свое влияние на всю землю» (саудовская газета «Ан-Надва» от 19 марта 1979 г.). Ну а чтобы как-то оправдать свои замыслы, автор статьи клевещет на Советское государство, обвиняя его в том, что оно «запрещает свободу вероисповедания, вмешивается в связи людей с Кораном».

Другой мусульманский антикоммунист без обиняков заявляет на страницах «Журнала Всемирной исламской лиги» (№ 2 за март 1975 г.): «Коммунистические страны поставили перед собой цель избавиться от исламских меньшинств в своих странах». Найти факты и аргументы в пользу своих злопыхательских заявлений фальсификаторы не в состоянии. На разные лады они пережевывают давно известные и разоблаченные марксистско-ленинской теорией и исторической практикой несостоятельные версии о том, что главным условием строительства социализма будто бы является ликвидация религии. Опираясь на подобные надуманные версии, мусульманская реакция всемерно хочет убедить верующих в том, что приверженность исламу обязывает человека быть антикоммунистом, бороться против реального социализма. Загипнотизированные этой своей концепцией, противники социального прогресса делают вывод о том, что мусульмане в социалистических странах находятся в политической оппозиции к социалистическому строю, что они представляют собой некое «контробщество».

Как и во многих других своих выводах, антикоммунисты глубоко ошибаются в этом своем предположении. Они не учитывают огромных сдвигов, происшедших в сознании советских мусульман под благотворным влиянием социалистического образа жизни. Они не допускают и мысли о том, что мусульмане в определенных исторических условиях могут иметь одинаковые социальные идеалы с людьми других вероисповеданий и неверующими и совместно с ними бороться за осуществление этих идеалов. Недругам нашей страны никак не понять, что мерки прошлых веков не подходят для оценки сознания, интересов и поведения мусульман последней четверти XX в., участвующих в строительстве коммунизма вместе со всем советским народом.

Современный советский мусульманин существенно отличается от своих предков. Он — полноправный член социалистического общества. Учеба в советской школе, работа в социалистическом трудовом коллективе, участие в общественной деятельности сделали такие черты советского образа жизни, как коллективизм, интернационализм, забота об интересах общества, чертами его сознания, а идеалы, за которые борется весь советский народ,— его собственными идеалами. Он стал патриотом своей социалистической Родины. Отношение всех мусульман и мусульманских деятелей Советского Сою-

за к своей стране очень хорошо выразил председатель Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтий Зиаутдин-хан ибн Ишан Бабахан: «Как и все люди моего народа, я имею право свободного выбора. Как духовный наставник я имею право общаться с верующими и говорить им все, что есть в Коране. Это относится также ко всем моим коллегам. Наши дети имеют такие же права, как и все дети нашей страны. Высшие школы перед ними открыты. В нашей стране живет много национальностей, и они живут дружно, как одна большая семья. Они уважают и понимают друг друга.

Мы видим, что наша страна предпринимает большие усилия для защиты мира, и мы выступаем на международной арене за это справедливое дело. За все это я люблю свою страну, за все это я и являюсь патриотом Советского Союза» [1].

Крепнущее единство верующих и неверующих в СССР, их дружное сотрудничество в деле строительства нового общества, поддержка религиозными организациями внутренней и внешней политики Советского государства никак не устраивают идеологов империализма и мусульманской реакции. Им хотелось бы, чтобы мусульмане Советского Союза выступали против социалистического государства и его планов социально-экономического и культурного развития. Политические группировки, выражающие интересы и идеологию господствующих классов эксплуататорского общества, хотели бы искусственно запрограммировать такое развитие мусульманских организаций СССР, которое бы имело националистическое содержание и антисоветскую направленность. Именно в этих целях они усиленно распространяют спекуляционные слухи о якобы ожидаемом возрастании социальной роли ислама в жизни советского общества, вновь муссируют отброшенные историей концепции панисламистов и пантюркистов.

Поскольку мусульмане нашей страны не считаются с желаниями недругов советского народа, то последние прибегают к различного рода выдумкам, лжи и клевете. В том числе и к клевете на мусульман и мусульманских деятелей нашей страны. Некий Абду Мубашир из каирской «Аль-Ахрам» (1 апреля 1977 г.) даже об-

[1] Horizont, Berlin, 1972, № 51, S. 15.

виняет религиозных деятелей нашей страны в том, что они «не поднимают своего голоса в защиту мусульман Советского Союза».

Каково же истинное положение с правами мусульман в СССР? Вот как об этом говорил после совершения двухнедельной поездки по Советскому Союзу министр вакуфов, исламских дел и святынь Иордании Абдель Азиз аль-Хаят в интервью корреспонденту газеты «Аш-Шааб»: «Мы убедились, что мусульмане имеют свободу совершения религиозных обрядов, поклонений, религиозной жизни, включая моления и бракосочетания. Мусульмане после регистрации брака в государственном учреждении закрепляют свой брачный союз перед муфтиями или имамами. Мы видели сотни и тысячи людей, совершающих молитвы в мечетях по пятницам, несмотря на то что этот день не является выходным... В ходе наших встреч с мусульманами мы неизменно ощущали дух ислама, приверженность исламскому учению и морали и стремление к совершению религиозных обрядов у большинства из них.

Мы убедились, что власти не вмешиваются в дела религии».

В отношении светской жизни верующих министр сказал: «Мусульмане в Советском Союзе, как и остальные граждане, принимают участие во всех областях жизни: в экономике, культуре, сфере образования. Они заняты на различных участках в сфере управления и производства, в колхозах и совхозах. Как и другие граждане, они получают бесплатное образование в различных университетах» [1].

К этому свидетельству религиозного деятеля Иордании можно добавить, что мусульмане Советского Союза, как и все советские люди, вот уже почти 50 лет не знают, что такое безработица. Они живут в стране, где самые низкие, самые стабильные цены на хлеб, на транспорт, на жилье, которые не меняются в течение десятилетий, где существует высококачественное бесплатное медицинское обслуживание всего населения, где образование от первого класса начальной школы до окончания высшего учебного заведения является бесплатным, где существует самый высокий уровень образованности широких масс.

[1] Аш-Шааб, Амман, 1976, 19 мая.

Каждый советский мусульманин, как и любой гражданин СССР, знает, что сегодня он живет лучше, чем вчера, а завтра будет жить лучше, чем сегодня.

Но можно ли то же самое сказать о мусульманах Египта? Как сообщают арабские источники, жизненный уровень трудящихся в Египте быстро понижается, массы нищают, в то время как доходы буржуазно-бюрократических слоев баснословно растут. Увеличивается число граждан, которые не имеют крыши над головой, только в одном Каире насчитывается более 400 тысяч бездомных[1], пишет «Багдад Обсервер». Квартирная плата, как и цены на другие предметы первой необходимости, катастрофически растет. В Каире плата за квартиру за последние годы выросла в 5 раз, продукты питания и товары первой необходимости в стране за это же время подорожали в 2—4 раза. Только за период с января 1977 г. по март 1978 г. стоимость товаров первой необходимости возросла на 56%. Быстро растет безработица. Из 12 миллионов человек трудоспособного населения свыше 2 миллионов не имеют постоянной работы. Около 4 миллионов египтян в поисках заработка уехали за границу.

Как видим, египетский «защитник» советских мусульман явно не по адресу расточает свои укоры. Факты свидетельствуют о том, что поднимать голос нужно в защиту мусульман Египта, лишенных многих насущнейших социально-экономических и политических прав и свобод, которыми мусульмане Советского Союза беспрепятственно пользуются в течение многих десятилетий.

Для исламских антикоммунистов кажется недостаточным чернить социалистический строй и бросать необоснованные обвинения в адрес мусульманских деятелей Советского Союза. В целях отвращения народных масс развивающихся стран от идей коммунизма они готовы клеветать на целые народы. Вот, например, что пишет Ахмад Салах в еженедельнике Всемирной исламской лиги «Новости исламского мира» (№ 431 за 9 июня 1975 г.): «Общество, которое не признает существования бога, не признает также и существования человеческой личности, свободы и человеческих прав. Мы поэтому считаем, что в коммунистическом обществе человека не существует». Граждан социалистического общества он называет «лесом красных животных».

[1] См.: За рубежом, 1979, 8—14 июня, с. 7.

Однако подобные нападки не дают эффекта. Народные массы в странах несоциалистического мира все решительнее избавляются от антикоммунистических мифов. История — лучший учитель. Она свидетельствует о том, что под руководством коммунистов построено самое справедливое и сплоченное общество, которое только знает человечество, что это общество является оплотом всеобщего мира и социального прогресса. Расширяющиеся контакты между Советским Союзом и «мусульманскими странами» все ярче показывают народам, что именно в социалистических странах находят претворение в жизнь идеалы трудящихся об установлении между членами общества высоконравственных отношений товарищества, взаимопомощи, братства.

Подобная реальность выводит из себя злопыхателей, побуждая их делать одни заявления нелепее других. Так, газета «Новости исламского мира» (от 4 апреля 1977 г.) утверждает, что в Советском Союзе «вокруг мусульман установлена железная стена с целью их изоляции от других народов исламского мира»[1]. Но ведь достаточно раскрыть любой номер журнала «Мусульмане Советского Востока», который издается в Ташкенте на узбекском, арабском, английском и французском языках и поступает в религиозные организации Саудовской Аравии и, очевидно, в редакцию названной газеты, чтобы убедиться в том, что мусульмане первой в мире страны социализма имеют весьма широкие контакты со своими братьями по вере в десятках стран земного шара. Практически в каждом номере журнала есть материалы о пребывании в СССР той или иной исламской делегации из «мусульманских» и других стран или о посещении религиозными деятелями нашей страны различных «мусульманских стран». В этом журнале есть сообщение и о том, что только в работе Всемирной конференции «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами», состоявшейся в Москве в 1977 г., приняли участие видные

[1] Ахбар аль-Алам аль-Ислами, Мекка, Саудовская Аравия, 1977, 4 апреля.

мусульманские деятели свыше 40 стран земного шара. После окончания конференции они в течение двух недель были гостями мусульман Советского Союза. Точно так же как видные религиозные деятели 26 «мусульманских стран», в том числе и из Саудовской Аравии, участвовали в работе самаркандской конференции мусульман «Имам аль-Бухари и современность» (1974 г.) и затем в течение десяти дней путешествовали по Советскому Союзу, выступали перед верующими в десятках мечетей. Между прочим, газета «Новости исламского мира» и «Журнал Всемирной исламской лиги» опубликовали тогда серию статей заместителя генерального секретаря Всемирной исламской лиги Мухаммада Савфат Сакка аль-Амини, в которых были и такие слова: «Как будто центр мусульман всего мира переместился из Мекки в Самарканд». Видимо, издатели газеты и журнала Всемирной исламской лиги уже «забыли» об этом.

Советский народ, Советское государство стоят за расширение контактов с народами других стран. Такие контакты способствуют росту взаимопонимания между странами и народами, укреплению всеобщего мира. Уже в силу этого Советское государство не может выступать против мусульманских контактов. А ведь к сказанному можно было бы добавить, что такие контакты помогают узнать народам других стран очевидные истины о реальном социализме, о жизни верующих в СССР, которые тщательно скрываются империализмом и реакцией от трудящихся несоциалистических стран.

Исламский антисоветизм многолик. Если одни наши противники пропагандируют мысль о том, что Советское государство препятствует контактам мусульман, то другие исходят из прямо противоположной позиции. Боясь правды о реальном социализме, опасаясь разрушения своих клеветнических построений «о нарушениях прав мусульман в СССР», они хотят оболгать, очернить развивающиеся мусульманские контакты, они распространяют слухи о том, что подобные контакты «выгодны лишь коммунистам».

Многочисленные свидетельства зарубежных мусульманских деятелей камня на камне не оставляют от таких вымыслов. «Я счастлив, что смог приехать в вашу страну по приглашению председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтия Зиаутдин-хана ибн Ишана Бабахана,— говорил, выступая на пресс-конференции в Москве в сентябре 1978 г. глава делегации мусульманских деятелей Турции государственный министр Лютфю Доган.— Наша поездка, наши встречи и наши беседы здесь были весьма полезны. Они помогут укрепить дружеские связи между турецким и советским народами».

Наиболее ярыми, наиболее беспринципными и наиболее грязными антисоветчиками в лагере исламских антикоммунистов являются предатели и отщепенцы типа Баймирзы Хаита [1] и некоего «внука имама Шамиля» Саида Шамиля. Из-под их пера выходят самые дикие, самые бредовые клеветнические вымыслы и утверждения. И находятся люди, именующие себя «борцами за истину», которые их выслушивают и даже публикуют их писания.

Уже упомянутый Саид Шамиль в 1969 г. в докладе, прочитанном во Всемирной исламской лиге, живописал, что в СССР проводится «политика дискриминации наций», что «мусульмане скрывают свою религиозную принадлежность, боясь репрессий и преследований». Он заклинал своих слушателей, выражавших сомнение в правдивости его заявлений: «Я призываю тех, кто обольщается пропагандой экстремистов, потерявших всякие человеческие чувства (так клеветник называет последователей научного коммунизма), поехать туда, за железный занавес, и увидеть там правду» [2].

За последние годы сотни мусульманских деятелей зарубежных стран побывали в СССР и воочию убедились, насколько лживыми и клеветническими были

---

[1] Выходец из Узбекистана Баймирза Хант во время Великой Отечественной войны сдался в плен фашистам и стал их прислужником, организовал карательные отряды «восточномусульманской дивизии» и батальона Тимура. На его грязной совести смерть тысяч и тысяч наших соотечественников, а также чехов, итальянцев, французов, греков.

Бюллетень (№ 4) Института мусульманских меньшинств при университете имени короля Абдул Азиза в Джидде (Саудовская Аравия) представляет Б. Ханта как «мусульманина из Туркестана, живущего в настоящее время в Западной Германии, где он занимается исследовательской работой по условиям и положению мусульман в СССР».

[2] Аль-Раид, Лакхнау, 1389 хиджры, 15 джумадил-аввал.

утверждения Саида Шамиля и ему подобных злопыхателей.

После того как столь авторитетные в мусульманском мире религиозные деятели — бывший шейх «Аль-Азхара» Мухаммад Мухаммад аль-Фаххам, верховный муфтий Сирийской Арабской Республики Ахмад Кефтаро, главный муфтий Ливана Хасан Халед, муфтий Йеменской Арабской Республики Ахмад Мухаммад Забара, бывший министр религий Марокко Ахмад Баргаш и многие другие видные религиозные деятели, побывавшие в СССР,— в своих публичных выступлениях констатировали наличие у советских граждан полной возможности быть верующими или неверующими, наличие реальных условий у мусульман исповедовать свою религию и наравне со всеми гражданами страны пользоваться всеми демократическими правами и привилегиями, которые предоставляет социалистическое общество, после всего этого, казалось бы, уже невозможно говорить о «гонениях за веру», о «преследовании мусульман в СССР», о лишении их каких-либо прав.

Однако в том-то особенность позиции антисоветчиков и антикоммунистов, чтобы вопреки фактам, не останавливаясь перед измышлениями и клеветой, чернить реальный социализм.

В докладе, прочитанном в Институте мусульманских меньшинств при Университете имени короля Абдул Азиза в Джидде 20 марта 1978 г. (и опубликованном в изложении в четвертом номере «Бюллетеня» этого института), Баймирза Хаит говорил, например, что в СССР «запрещены исламские собрания», что в Средней Азии (он пишет «Туркестан») «имеется только 8 мечетей», что «в мечетях не разрешается собираться более чем двадцати мусульманам», что «запрещены всякие пожертвования на исламские цели» и т. д. и т. п.

Подобные заявления никак нельзя отнести к числу добросовестных заблуждений. При мало-мальском желании быть объективными организаторы аудитории для выступлений этого отщепенца могли бы заглянуть хотя бы на страницы лондонской газеты «Экономист» (см., например, номер от 22 января 1977 г.), которую никак не заподозришь в симпатиях к коммунизму, и могли бы прочитать сообщение ее московского корреспондента о том, что в Советской Средней Азии действует «только 1000 мечетей». Или они могли бы обратиться к материалам еженедельника Всемирного исламского конгресса «Мусульманский мир», в котором религиозные деятели — очевидцы из Пакистана неоднократно отмечали, что в одном Ташкенте функционирует свыше десяти крупных мечетей, где по пятницам беспрепятственно молятся тысячи верующих. А в еженедельнике Всемирной исламской лиги «Новости исламского мира» (№ 419 за 17 марта 1975 г.) они могли бы найти следующее свидетельство заместителя генерального секретаря Всемирной исламской лиги Мухамеда Савфата Сакка аль-Амини: «Бюджет мусульманских организаций Советского Союза полностью основывается на «закате» и других пожертвованиях. Я сам лично наблюдал, что верующие приносят свои пожертвования с охотой, исходя из своих религиозных убеждений».

Мы уже отмечали, что мусульманская реакция в своих нападках на реальный социализм чаще всего черпает аргументацию в разработках западных советологов. Однако это не значит, что все идеи и средства, используемые мусульманской реакцией против научного коммунизма, полностью совпадают с аргументами и средствами империалистической пропаганды. Между ними существует и своеобразное разделение труда в борьбе с силами прогресса и социализма. Взять, к примеру, сионизм. Он, как известно, является одним из важных средств, которые используются империализмом против научного коммунизма и реального социализма[1]. Мусульманская реакция, естественно, не может открыто пользоваться этим оружием. Однако она охотно использует в борьбе против сил прогресса и коммунизма антисионистские настроения мусульманских масс. Эти настроения беспощадно эксплуатируются реакцией в своих корыстных интересах. Чтобы вызвать отвращение к учению научного коммунизма, оно голословно объявляется «детищем сионизма». Чтобы у трудящихся масс не было и тени симпатии к социально-экономическим преобразованиям, осуществленным в СССР и других социалистических странах, социальные революции, происшедшие в этих странах, объявляются «сионистскими», а их руководители — «сионистами». Чтобы

[1] См.: Сионизм: теория и практика. М., 1973.

затормозить рост симпатий трудящихся-мусульман к коммунистическим партиям арабских стран, распространяются фальшивые утверждения о том, что их основателями были сионисты, а их члены — агенты Израиля. В целях поддержания определенного накала страстей вокруг инспирированного мусульманской реакцией вопроса о якобы существующих связях между марксизмом и сионизмом то и дело выпускаются различные пропагандистские «утки». То распространяются фальшивые сообщения о том, что в Советском Союзе выпущен «извращенный» Коран. И здесь же добавляется, что сделано это вслед за Израилем и не без участия сионистов.

Не успеют люди разобраться в насквозь клеветническом характере такой «утки», идеологи мусульманской реакции запускают «утку» о том, что «американские еврей-капиталисты оказывают коммунизму помощь, которая и обеспечивает ему существование», и т. д. и т. п. Чем нелепее, тем лучше для изобретателей этих «уток».

В вопросах взаимоотношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами цели империализма, сионизма и мусульманской реакции совпадают. И те, и другие, и третьи отчаянно стремятся подорвать доверие народов мусульманских стран, и прежде всего арабских народов, к Советскому Союзу и другим социалистическим странам, нанести удар по советско-арабскому сотрудничеству. Идеологов мусульманской реакции не смущает, что это ослабляет позиции арабов, позиции мусульманских стран в борьбе с агрессивными замыслами империалистов и сионистов.

Итак, антисоветизм боится правды, он питается лишь клеветой и вымыслами. Именно поэтому мусульманские фальсификаторы положения ислама и жизни мусульман в СССР оказались столь неподготовленными перед лицом бурного расширения контактов между религиозными организациями СССР и зарубежными религиозными объединениями и связанного с ним повышения информированности населения стран «третьего мира» об истинном положении дел в социалистическом обществе. И будучи посрамленными в глазах общественности, одни из них, наиболее оголтелые враги социализма и социального прогресса, мира и дружбы, остались на позициях откровенной лжи и

клеветы. Другие пытаются найти более изощренные приемы идеологических диверсий против реального социализма.

Однако ни те, ни другие в своей антисоветской, антикоммунистической деятельности славы не обретут. В течение какого-то времени какую-то часть людей им еще удастся вводить в заблуждение, но рано или поздно обманутые прозреют и пригвоздят клеветников к позорному столбу.

Разбор работ идеологов антисоветизма, занимающихся проблемами состояния ислама и жизни мусульман в СССР, показывает, что многие их концепции построены на утверждении, что социалистическому обществу не удается преодолеть религиозность населения и национализм в отношениях между народами, что будущее принадлежит не социалистическому интернационализму и последовательному научному атеизму, а национализму и религии. Жизнь, практика социалистического и коммунистического строительства в нашей стране красноречиво свидетельствуют о полной несостоятельности этих тезисов.

ГОСТИ НАШЕЙ СТРАНЫ О ПОЛОЖЕНИИ МУСУЛЬМАН В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

«Сегодня повсеместно в СССР можно убедиться в том, как положительно изменилась жизнь мусульман. В течение 60 лет они перешли от периода застоя и экономической отсталости на уровень развитых европейских народов в области промышленности и сельского хозяйства, достигли вершин в современных науках... Не следует придавать особого значения ложной информации, извращающей жизнь мусульман СССР. «Факты» в ней подчас бывают сфабрикованы людьми, имеющими корыстную цель. Гораздо лучше поддерживать с братьями-мусульманами СССР тесную связь».

Министр вакуфов по делам ислама
и священных мест Иордании
Кямиль Шериф

«Мы были во многих районах Советского Союза, встречались с большим числом мусульман. Мы видели, что они отправляют религиозные обряды так же, как и мусульмане арабских стран. Мы видели прогресс и процветание в республиках Средней Азии и в Казахстане. Что же касается деятельности мусульманских религиозных организаций, особенно Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, то она многогранна и великолепна».

Начальник управления
по делам религий
при премьер-министре Туниса
Камал ат-Тарзи

«Большое число различных наций, последователи более четырех десятков религий и религиозных направлений живут в СССР в дружбе и согласии. Это результат мудрой политики Советского государства. Большое значение здесь имеет гарантируемая государством свобода совести. Мы удостоверились в этом, побывав в Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Алма-Ате и Волгограде. Мы широко общались с мусульманами, свободно разговаривали, вместе молились и убедились, что религиозные убеждения и национальные традиции здесь искренне уважаются».

Заместитель председателя
Национального консультативного совета
Иордании
Ахмед Керим Тарауна

«Мусульмане СССР пользуются равными гражданскими правами, они активно участвуют в политической, экономической и социальной жизни. А ведь это и есть настоящий ислам в действии. Самым большим вкладом в дело ислама и наилучшим следованием исламской философии является активная деятельность мусульман СССР в области укрепления

мира во всем мире, разоружения, достижения справедливых отношений между всеми нациями и расами».

Генеральный секретарь
Совета по делам религиозной гармонии
и мира (Индия)
Ахмад Сарфраз

«Я хочу выразить чувство удовлетворения тем впечатляющим прогрессом, которого достиг Советский Союз в области техники, сельского хозяйства, науки и культуры.

Мы увидели, что мусульмане СССР трудятся на благо страны. Они не зрители в этой жизни, а ее полноправные участники. Я видел, как наряду с сохранением национальных, культурных и исторических особенностей жизнь мусульман обогащается и развивается».

Государственный министр
Турецкой республики
доктор *Лютфю Доган*

«Я отправился в Советский Союз с небольшим чемоданчиком знаний об экономике, истории и географии страны и двумя огромными чемоданами, набитыми предрассудками и недоверием. Я проехал более 15 тысяч километров по Советскому Союзу, меняя направление по своему желанию, свободно пользуясь кинокамерой. Поскольку мне была предоставлена полная свобода в отношениях с мусульманами, христианами, иудеями, вольнодумцами, то я думаю, что правительство СССР совершенно не практикует антирелигиозной политики. Я был приятно поражен тем, что в центральном правительстве есть Управление по делам религий, в то время как в большинстве европейских стран наличие подобных управлений представляется парадоксальным.

Эта поездка явилась для меня откровением. Я, естественно, сжег мои чемоданы недоверия и предрассудков и возвра-

тился с тяжелым чемоданом, полным дружбы к замечательному народу. Что же касается притеснений, от которых якобы страдают советские мусульмане, даже преследований, могу заявить, что подобные утверждения не отвечают реальным фактам».

Ректор Исламского института
при Парижской мечети
Абу Бакр Хамза

«Свобода религии в СССР — это истина, и я видел ее своими глазами, сам это почувствовал. Мечети, соборы и другие религиозные учреждения и святые места находятся в Советском Союзе повсюду. Мусульмане, христиане, иудеи повсеместно могут выполнять свои религиозные обязанности. Следует понимать, что Советское государство не призывает никого быть нерелигиозным или религиозным, верить или не верить в ту или иную религию».

Бывший великий шейх «Аль-Азхара»
доктор *Мухаммад Мухаммад аль-Фаххам*

В общем хоре клерикалов от антикоммунизма, участвующих в пропагандистских акциях против Советского Союза, отчетливо звучат голоса эмигрантских религиозных организаций. Созданные в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции оказавшимися на Западе представителями крайне реакционной части православного духовенства и интеллигенции, они связали свою судьбу с теми буржуазными кругами, которые не оставляют надежд на реставрацию в нашей стране капитализма, на крушение социализма. Разные цели и задачи ставят они перед собой, но их объединяет общее — неприятие коммунистической идеологии, социалистического строя, стремление любой ценой остановить закономерный ход общественного развития.

Пополнив в послевоенное время свои ряды нашедшими прибежище на Западе предателями родины, сотрудничавшими с фашистами, а впоследствии так называемыми инакомыслящими, а точнее отщепенцами, променявшими свою страну на «буржуазный рай», эти организации претендуют на то, чтобы играть все более заметную роль в антикоммунистической пропаганде. Они прибегают к клевете на советский строй, к провокационным вымыслам, имеющим целью вызвать оппозиционные настроения верующих в нашей стране к существующему государственному строю, пытаются дезинформировать общественное мнение. Именно этим в основном занимается так называемая карловацкая церковь, представляющая собой группировку реакционного православного духовенства монархической ориентации, осевшую в Соединенных Штатах Америки.

«Русская зарубежная церковь»: идеология и политика

В составе сил международной реакции, выступающих с позиций воинствующего антикоммунизма и ведущих подрывную деятельность против стран социалистического содружества, вот уже почти 60 лет подвизается весьма активная религиозно-политическая группировка, образовавшаяся в среде русской эмиграции. Сама себя она претенциозно называет «русской православной церковью за границей», или «русской зарубежной церковью». Но и на Западе и у нас она больше известна под названием так называемого «карловацкого раскола», данным ей поместными православными церквами.

Созданная монархическими кругами русской эмиграции как духовный оплот антисоветских сил и церковный штаб контрреволюции, карловацкая религиозно-политическая группировка превратилась ныне в вымирающую, не имеющую теперь на Западе серьезного влияния группировку, которая и поныне остается на правом фланге политической реакции, выступая под знаменами самого оголтелого антикоммунизма и активно поддерживая акции империалистических кругов Запада, направленные против сил мира и социального прогресса.

Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с историей, современным состоянием, идеологией и практической деятельностью этой реакционной религиозно-политической группировки.

* * *

Организационное оформление крайне правых сил русской церковной эмиграции произошло в конце 1921 г. на так называемом Общем собрании представителей русской заграничной церкви, созванном в сербском городке Сремски Карловци. Впоследствии это собрание было переименовано его участниками в Русский всезаграничный церковный собор. В нем участвовали бежавшие за кордон антисоветски настроенные епископы и священники во главе с бывшим митрополитом киевским и галицким Антонием (Храповицким), а также царские чиновники, представители русской знати и высшие чины разбитых белых армий — озлобленные и экстремистски настроенные враги молодой Республики Советов.

Карловацкий собор сразу же продемонстрировал свой не церковный, а чисто политический характер. Он призвал к консолидации эмигрантских сил на антисоветской основе, выступил за организацию новой интервенции стран Антанты против Советской России с целью насильственного восстановления в стране монархической формы правления. Был создан зарубежный церковный центр, не имевший прецедентов в истории православия. Он объявил себя не зависящим от Московской патриархии, прекратив с ней отношения.

Так образовалась не признанная ни одной христианской конфессией «русская православная церковь за границей», руководимая архиерейским синодом с митрополитом Антонием во главе, организация не столько религиозная, сколько политическая, претендовавшая на роль духовного вождя русской эмиграции.

После смерти в 1936 г. митрополита Антония, сломленного крахом надежд на скорую реставрацию в России дома Романовых, карловацкую группировку возглавил митрополит Анастасий (Грибановский). Он провел в 1938 г. в тех же Сремских Карловцах второй собор, на котором была подтверждена антисоветская и антикоммунистическая направленность всей политической и идеологической деятельности лидеров «русской зарубежной церкви». Незадолго до смерти митрополит Анастасий отошел от руководства карловацкой группировкой, оказавшись не в состоянии справиться с междоусобицей внутри архиерейского синода.

С 1964 г. эту организацию возглавляет митрополит Филарет (Вознесенский), при котором в сентябре 1974 г. в американском городке Джорданвилле прошел третий собор, не внесший никаких изменений в идеологию и политику карловацкой псевдоцеркви.

Первоначально руководство карловацкой группировки ориентировалось главным образом на империалистические круги стран Антанты, всячески пытаясь склонить их к новому туру вооруженной борьбы против Республики Советов. Красноречивым свидетельством этого служит обращение архиерейского синода к участникам Генуэзской конференции, направленное митрополитом Антонием от имени карловацкого собора в феврале 1922 г. В этом обращении политиканствовавших церковников звучал призыв к правительствам европейских стран и США не признавать Советское государство, оказать на него давление (вплоть до организации новой интервенции) с целью восстановления дореволюционных порядков.

Однако капиталистическим государствам, попавшим в то время в тиски социально-экономического и политического кризиса, было не до интервенции, и эти призывы не получили поддержки, что и поныне расценивается карловацкими лидерами как серьезный просчет Запада.

В конце 30-х годов карловацкие политиканы от религии сделали ставку на германский фашизм, в котором они увидели своего союзника по борьбе с «безбожным большевизмом». Так, в «благодарственном

адресе», преподнесенном Гитлеру митрополитом Анастасием в 1938 г., фюрер немецких фашистов возводился в ранг «вождя в мировой борьбе за мир и правду» и призывался к скорейшей агрессии против Советского Союза. Вторжение немецко-фашистских захватчиков в нашу страну карловацкий епископат и духовенство встретили с нескрываемым восторгом. В своих проповедях и статьях они благословляли гитлеровцев на жестокую расправу с советскими людьми, преданными социалистической Родине и коммунистическим идеалам. Официальный орган карловацкого архиерейского синода «Церковная жизнь» в первом номере 1942 г. заявлял в редакционной статье «Православная церковь против коммунизма»: «По всему земному шару русская зарубежная церковь с напряженным вниманием следит за ходом войны на Востоке, молитвенно поддерживая самоотверженных бойцов против безбожников и всегда готовая по мере своих сил и возможностей помогать этой борьбе».

Для ведения религиозно-политической пропаганды в пользу немецко-фашистских оккупантов карловчане создали в Белграде специальные миссионерские курсы. Имелось в виду, как заявил в своем выступлении на третьем соборе митрополит Филарет, делая экскурс в прошлое, «возможность перенесения миссионерской работы на русскую территорию».

Профашистски настроенные сподвижники митрополита Анастасия изо всех сил стремились вбить клин между членами антигитлеровской коалиции и всячески пытались отговорить западных союзников от активной поддержки советского народа, принявшего на себя главный удар немецкой военной машины. Так, проживавший в те годы в США карловацкий архиепископ Виталий (Максименко) публично заявлял, что «долг каждого православного русского человека всеми силами бороться против антихристовой Советской власти», и письменно обращался к президенту Ф. Рузвельту с просьбой не оказывать помощи Советскому Союзу в борьбе с германским фашизмом.

Руководство карловацкой группировки активно помогало гитлеровцам и сотрудничавшим с ним изменникам Родины сколачивать из разного рода отщепенцев, предателей и просто обманутых, запуганных людей войсковые соединения для боевых и охранных действий на стороне фашистского рейха. В частности, митрополит Анастасий и подведомственное ему духовенство непосредственно участвовали в формировании на территории Югославии так называемой «русской охранной группы» (впоследствии была переименована в «русский охранный корпус»), которая использовалась немецко-фашистским командованием для борьбы с национально-освободительным движением югославского народа. Карловацкие иерархи поставили полковых священников в казачий корпус фашистского генерала Панвица. Митрополит Анастасий оказывал всяческую поддержку предателю Власову: «духовно окормлял» его приверженцев, сеял в их сердцах ядовитые семена злобы и ненависти к социалистическому строю, к преданной ими Родине. Все эти действия «церковного Власова», как именовало карловацкого лидера его охвостье, широко афишировались прогитлеровской печатью.

В конце второй мировой войны митрополит Анастасий с остатками архиерейского синода поспешно бежал, страшась возмездия за свое сотрудничество с гитлеровским режимом, из Югославии: сначала в Вену, затем в Карловы Вары, а оттуда вместе с власовским штабом в Фюссен — поближе к швейцарской границе. После неудавшейся попытки утвердиться в нейтральной Швейцарии карловацкий лидер и его ближайшее окружение осели в Мюнхене, где их пригрели западные оккупационные власти, стремившиеся использовать епископат и духовенство «русской зарубежной церкви» в собственных целях.

Угождая новым хозяевам (и оплачивая их гостеприимство), сподвижники митрополита Анастасия занялись религиозно-политической обработкой так называемых «перемещенных лиц», среди которых были не только предатели своего народа, добровольно сотрудничавшие с фашистскими оккупантами и потому старавшиеся скрыться в лагерях от советского правосудия, но и люди, попавшие в плен и силой вывезенные на каторжные работы в Германию, не имевшие вины перед Родиной, но сбитые с толку антисоветской пропагандой. Первых карловчане укрывали в специально созданных пунктах (типа «Дома милостивого самарянина» в Мюнхене, «Комитета помощи православным беженцам» в Гамбурге и т. п.), снабжали латиноамериканскими и австралийскими паспортами и нелегально отправляли за пределы Европы, а вто-

рых подбивали к отказу от возвращения на Родину, агитировали оставаться в странах Запада.

Митрополит Анастасий с готовностью присоединил свой голос к хору трубадуров «холодной войны», развязанной империалистическими кругами Запада. Так, в пасхальном послании 1948 г. он призвал западных милитаристов «очистить СССР от большевиков» огнем ядерного оружия, заявив при этом, что «этот страшный опустошительный огонь имеет не только разрушительное, но и свое очистительное действие»[1]. В таком же каннибальском духе высказывались и другие карловацкие лидеры, исходившие злобой на советских людей, вышедших победителями из войны с немецко-фашистскими захватчиками и твердо стоящих на страже мира во всем мире.

Старания карловацкого епископата и духовенства по сотрудничеству с апологетами «холодной войны» и поборниками воинствующего антикоммунизма были положительно оценены империалистическими кругами и должным образом вознаграждены. В 1950 г. митрополит Анастасий и другие руководители «русской зарубежной церкви» получили право на въезд в США, чем они сразу же и воспользовались, рассчитывая подчинить своему влиянию довольно многочисленные приходы американской митрополии.

Штаб-квартира карловацкой религиозно-политической организации вначале располагалась в г. Махопаке, а затем перебазировалась в Нью-Йорк, где с 1958 г. и по настоящее время занимает небольшой особняк на северо-восточной окраине Манхэттена. Фактическим же центром «русской зарубежной церкви» стал Свято-Троицкий монастырь, находящийся близ г. Джорданвилля (штат Нью-Йорк). В монастыре размещена духовная семинария, которую за 30 лет ее существования окончили чуть больше ста человек. Там же находится и типография, где печатается церковно-политическая литература — от календарей, листовок, брошюр и книг до двухнедельного журнала «Православная Русь» (официальный орган карловацкой группировки) и ежемесячного приложения к нему «Православная жизнь». И в периодике и в книгах карловчане используют дореволюционную орфографию.

[1] Цит. по: *Троицкий С.* О неправде карловацкого раскола. Париж, 1960, с. 81—82.

Карловацкому архиерейскому синоду подчинено около 350 церковных приходов, объединенных в 14 епархий: 5— в Северной Америке, по 4 — в Западной Европе и Южной Америке и 1 — в Австралии. Количество храмов в епархиях колеблется от 1 (чилийско-перуанская епархия) до 77 (германская епархия — в ФРГ). Многие из этих храмов оборудованы в бывших гаражах, складах, дачных домиках и городских квартирах. Часть приходов вообще не имеет постоянных храмов и проводит богослужение на квартирах прихожан.

Карловацкая псевдоцерковь испытывает острую нехватку служителей культа. По заявлению митрополита Филарета на страницах «Православной жизни», во всех карловацких епархиях «священнослужителей не наберется и 300, причем большинство их — в преклонном возрасте». Так, например, в США и Канаде в начале 70-х годов было 109 карловацких приходов, а священники имелись лишь в 94. Официальный орган архиерейского синода с тревогой писал в 1976 г. о катастрофическом уменьшении числа желающих пополнить состав клира карловчан: «Так мало готовых идти на жизненный путь пастыря»,— а потому «все чувствительнее в наши дни недостаток духовенства и увеличивается число приходов, не замещенных пастырями».

Ни одна поместная православная церковь не признает за карловацкой группировкой права называться церковью и не находится в каноническом общении с ней. Не входит последняя и во Всемирный совет церквей — руководящий орган экуменического движения.

Это состояние самоизоляции вынуждены признать сейчас сами карловацкие лидеры. Нашу организацию, заявил, в частности, архиепископ Виталий (Устинов) в «Православном вестнике Канады» в 1974 г., «повсюду не любят или недолюбливают. Мы очень одиноки». У «зарубежной церкви», сказал при открытии третьего собора карловчан митрополит Филарет, «много врагов и нет (!) или почти нет друзей, мы одиноки в мире». Карловацкая группировка, констатировал уже в 1979 г. архиепископ Аверкий (Таушев), «одинокая духовно в современном мире».

* * *

Идейно-политические установки карловацкой группировки, выработанные ее руководством еще в начале 20-х годов, не претерпели с тех пор сколько-нибудь значительных перемен. Они изложены в материалах всех трех соборов, а также в многочисленных выступлениях и публикациях карловацких лидеров.

Центральное место в этих установках отведено антисоветизму и антикоммунизму, возведенному в ранг религиозной доктрины и составляющему краеугольный камень идеологии «русской зарубежной церкви». Исходным моментом данной доктрины является извращение социальной сути Великой Октябрьской социалистической революции, а также влияния революционного процесса на судьбы нашей страны и ход всемирной истории.

Радикальный социальный перелом в судьбах России, наступивший благодаря Великому Октябрю, изображается карловчанами как случайный эпизод русской истории, якобы лишенный объективных предпосылок для успешного развития. Революция характеризуется как «заговор», «верхушечный переворот», не имеющий-де общенародного характера, как «солдатский бунт». Между тем Великая Октябрьская социалистическая революция, пролетарская по своему содержанию, была вместе с тем глубоко народной революцией, свидетельством чего явился союз рабочего класса и крестьянства, совместная борьба всех трудящихся против угнетателей. Власть помещиков и капиталистов в России была сметена не «заговором», не локальным «бунтом», а могучим революционным потоком, в котором под руководством Коммунистической партии объединились социалистическое движение рабочего класса за свержение буржуазии, революционная борьба крестьянства против помещиков, национально-освободительное движение за равноправие народов.

Уже почти шесть десятилетий карловацкие издания повторяют давно опровергнутые жизнью суждения о том, будто социалистическая революция прервала движение России по пути социального прогресса. «Что же составляло подлинную сущность революции,— утверждает «Православная Русь», как обычно, не утруждая себя аргументами,— как не обнаружение выбытия из жизни исторической России». Революцию

стремятся изобразить некоей аномалией, в ходе которой русский народ якобы «стал отклоняться от своего подлинно исторического пути». В действительности же не «выбытие из исторической жизни», а всесторонний общественный прогресс крупнейшей державы мира — вот что дала нашей стране Великая Октябрьская социалистическая революция, положившая начало избавлению человечества от гнета эксплуататоров. Она оказала глубочайшее воздействие на весь последующий ход мировой истории, открыв эпоху всеобщего революционного обновления мира — эпоху перехода от капитализма к социализму.

В идеологическом арсенале лидеров карловацкой группировки важная роль отведена искажению сущности социалистического государственного и общественного строя, насаждению у своих приверженцев враждебного отношения к Советской власти. В частности, широко распространяются домыслы о «несоответствии» социалистического строя общественным условиям России, о «неподготовленности» к нему народов страны и т. п. Между тем более чем шестидесятилетняя история существования первой в мире страны социализма, идущей по пути коммунистического строительства, убедительно доказала прочность социалистического строя в СССР, наличие у Советской власти всенародной поддержки, а у советского народа — готовности строить коммунизм. Однако карловацкие иерархи и их ближайшее окружение закрывают глаза на реальное положение вещей и с помощью клеветы стремятся поддержать в эмигрантской среде дух антисоветизма. Со страниц изданий «русской зарубежной церкви» и с амвонов карловацких храмов раздаются открытые призывы к «свержению» Советской власти.

Острие своей критики карловацкая религиозно-политическая группировка направляет против идеологии марксизма-ленинизма, научного коммунизма. Откровенный антикоммунизм был продиктован ее идеологами уже на соборе 1921 г., принявшем решение «осудить лжеучение социализма и наиболее последовательную форму его — большевизм или коммунизм как учение антихристианское в своей основе». Верность этому антикоммунистическому курсу карловацкие лидеры сохраняют поныне. «Мы должны,— заявлял, в частности, архиепископ Никон (Рклиц-

кий),— с еще большей готовностью обличать безбожный коммунизм». А деятели собора 1974 г. обратились ничтоже сумняшеся к советским людям с призывом «отвергнуть в своей жизни марксизм-ленинизм».

Идеологи карловацкой группировки всячески пытаются опорочить научный коммунизм в глазах мировой общественности, приписывая ему цели и задачи, которых он никогда не ставил и ставить не мог. Так, например, редактор журнала «Православная Русь» архимандрит Константин (Зайцев) уверял своих читателей, будто «истребление христианского человечества остается прямой задачей коммунистической сатанократии, открыто вещаемой, подготовляемой и осуществляемой». Такие же уверения, лишенные каких бы то ни было оснований, раздаются со страниц карловацких изданий и поныне. В частности, официальный орган «русской зарубежной церкви» утверждал в 1976 г., что якобы «основной задачей коммунизма является уничтожение религии».

Идейная борьба коммунистов против религиозной идеологии преподносится карловчанами как чисто административное преследование духовенства и верующих, как репрессирование и даже физическое уничтожение «чудовищами-атеистами» религиозных людей. Именно такие заведомо ложные мысли высказывались участниками собора 1974 г. — как докладчиками, так и выступавшими в прениях. Не сходит эта клевета и со страниц карловацкой печати.

Таким образом, карловацкая группировка является для нас классовым противником, руководствующимся в своей деятельности глубоко реакционными политическими и идеологическими целями. Этот противник учитывает, чем является для трудящихся нашей страны Советская власть и какое место в духовном развитии социалистического общества занимает коммунистическая идеология, а поэтому и стремится бить прежде всего по этим целям. Вынашивая свои глубоко реакционные замыслы, карловацкие лидеры предпринимают попытки совершить невозможное — подорвать идейно-политические устои социалистического строя, вселить в эмиграцию надежды на возможность возвращения Страны Советов к дореволюционному состоянию.

Хотя главным в идеологической деятельности реакционных кругов русской церковной эмиграции являются выпады против советского общественного и государственного строя, клевета на социализм и коммунизм, они понимают, что одного отрицания недостаточно для того, чтобы иметь сколько-нибудь значительное число приверженцев. Нужна позитивная программа, способная увлечь массы. Необходимость такой программы была констатирована еще на первом карловацком соборе. Широко дебатировалась эта проблема участниками собора 1938 г., что нашло свое отражение в «соборных деяниях». Наконец, постоянно обращались к ней и организаторы собора 1974 г., уделившие программным установкам «русской зарубежной церкви» большое внимание.

Что же предложили своим приверженцам в качестве общественного идеала лидеры карловацкой религиозно-политической группировки?

Такой идеал они ищут и находят не в настоящем или будущем, а в далеком прошлом. И в этом есть своя логика. Настоящее капиталистического мира, в котором приходится жить эмигрантам, настолько безотрадно, что даже политиканы от религии не решаются предлагать его в качестве социально-политического образца. Сами же карловацкие иерархи характеризуют его как мир, глубоко бесчеловечный, духовно уродующий человека. «Тупое холодное безразличие почти ко всему, что несет на себе печать идейности, и искание во всем одной лишь личной выгоды,— читаем на страницах официального органа «русской зарубежной церкви»,— вот чем характеризуется наше время». Безотрадность настоящего порождает неуверенность в будущем и даже страх перед ним. Остается один выход — обращаться за идеалами к прошлому, что и делают карловацкие лидеры.

Играя на неудовлетворенности большей части русской эмиграции настоящим и их неуверенности в будущем, эксплуатируя националистические чувства эмигрантов, верхушка «русской зарубежной церкви» выдвинула в качестве программы будущего социального устройства России требование возврата к «святой православной Руси» допетровских времен. Сформулированное деятелями второго карловацкого собора, это требование проходит красной нитью и через итоговые материалы третьего. Так, например, в «Послании III Всезарубежного собора русской православной церкви за границей православному русскому

народу на родине» «соборные отцы» публично поклялись «в своей верности идеалу прошлой и будущей православной Руси».

Допетровская «святая Русь» рисуется карловацкими идеологами в самых розовых тонах. Ее преподносят верующим из эмигрантской среды как некий «золотой век» в истории России, характеризуют как идеальное воплощение христианских принципов государственного, церковного и общественного устройства.

Однако в описаниях «святой Руси» начисто отсутствует конкретность. И в этом нет ничего удивительного. Если называть вещи своими именами, то пришлось бы сказать, что воспеваемая карловчанами «святая Русь» — это не что иное, как общество, основанное на социальном неравенстве, политическом бесправии масс, господстве домостроевского уклада жизни и т. п. Превозносить это общество и объявлять его идеалом социального устройства в XX в. могут только политические банкроты, начисто лишенные исторической перспективы, каковыми карловацкие лидеры и являются на самом деле.

С момента своего возникновения и по настоящее время карловацкая религиозно-политическая группировка является организацией монархического толка, выражающей интересы той части русской эмиграции, которая мечтает восстановить в России самодержавную форму правления, возвратив на царский трон династию Романовых. И в церковных проповедях и на страницах своей печати карловацкие иерархи, священнослужители и солидаризирующиеся с ними именитые миряне широко пропагандируют идеи монархизма. Не за горами то время, уверял своих приверженцев архиепископ Никон, когда Христос «восстановит в России удерживающего зло — православного царя». А архиепископ Аверкий постоянно подчеркивал в своих поучениях, что идея монархии «свята и дорога» карловчанам, поскольку они считают самодержавие «исторической исконной формой управления России» (Православная Русь, 1979, № 7).

Рядовым прихожанам карловацких храмов стараются внушить, что самодержавие якобы является христианским идеалом государственной власти и что требование почитать царя как «помазанника божия» представляет собой православный догмат веры, нарушение которого влечет за собой отлучение от церкви.

Непринятие идей монархизма квалифицируется карловацкими политиканами в рясах как противорелигиозная деятельность, якобы лишающая верующего минимальной надежды на «спасение». Существование самодержавия объявляется необходимой предпосылкой процветания православия. «По учению святых отцов,— говорилось, в частности, на соборе 1938 г.,— монархическая власть есть опора церкви». Эти же идеи высказываются на страницах карловацкой печати и в настоящее время.

Руководителями карловацкой группировки создан и всячески поддерживается в эмигрантских кругах культ последнего царя Николая II. Этого душителя русской революции карловчане включили в состав так называемых «российских новомучеников» и ведут кампанию за то, чтобы официально причислить к «лику святых» и его самого и всю его семью. Правда, судя по сообщениям карловацкой печати, идея канонизации членов царской семьи в качестве новых святых не только не находит поддержки в среде русской эмиграции, но и вызывает весьма серьезные возражения. Однако руководство «русской зарубежной церкви», не привыкшее считаться ни со здравым смыслом, ни с мнением большинства, исподволь ведет дело к канонизации, заявляя при этом, что «при решении этого вопроса нужно не большинство, а сознание христовой правды».

Демонстрируя свои монархические чувства, карловацкая иерархия провожает в последний путь каждого члена «дома Романовых»; это событие используется в качестве повода для политических выступлений с требованием реставрации самодержавия в нашей стране. Каждый очередной претендент на «всероссийский престол» неизменно получает благословение иерархической верхушки «русской зарубежной церкви», с которой он поддерживает постоянные контакты. В настоящее время карловацкая иерархия считает главой «дома Романовых» самозваного «самодержца» — великого князя Владимира Кирилловича, которому на банкете, устроенном в Нью-Йорке по случаю окончания третьего собора, были отданы царские почести.

Лидеры карловчан широко контактируют с разного рода монархическими организациями и объединениями, имеющимися в русской эмиграции, охотно

предоставляя им страницы своих изданий — в том числе и официального органа «русской зарубежной церкви».

Советские люди с понятным презрением наблюдают за бесплодными попытками реакционных кругов русской церковной эмиграции гальванизировать труп монархизма, справедливо воспринимая эти попытки как одно из доказательств антисоветской деятельности верхушки «русской зарубежной церкви».

Таковы в общих чертах идеологические ориентиры карловацкой религиозно-политической группировки, которыми она руководствуется на протяжении своего существования.

Что же касается чисто религиозных аспектов ее деятельности, то им карловацкие лидеры уделяют сравнительно мало внимания, неизменно относя их на второй план. Это дает основание рядовым прихожанам карловацких храмов упрекать своих архипастырей и пастырей в чрезмерном пристрастии к политике — в ущерб своим церковным обязанностям. И хотя «Православная Русь» объявляет такие упреки «клеветническим обвинением», факты свидетельствуют об их обоснованности.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с конфессиональной деятельностью карловацких иерархов и священнослужителей,— это амбициозное притязание руководства «русской зарубежной церкви» на непогрешимость в решении религиозно-церковных проблем. Свою организацию они объявили «единственной сейчас истинной, свободной христианской церковью», исповедующей «чистое бескомпромиссное православие». Все христианские конфессии и деноминации карловчане относят к еретикам и схизматикам, обвиняя их в вероотступничестве (апостазии). «В наши дни,— утверждается на страницах официального органа карловацкой группировки,— почти все поместные православные церкви полностью отступили или отступают от исконного православия». Эти церкви обвиняются в «лжеправославии». Что же касается католиков и протестантов, то их объединения карловацкие лидеры (Православная Русь, 1979, № 7) отказываются считать церквами, заявляя, что они «отпали от истинной церкви». Подобные претензии на монопольное владение «истинной христовой верой», призванные как-то оправдать в глазах рядовых прихожан карловацких храмов полную изоляцию «русской зарубежной церкви» в современном христианстве, давно высмеяны не только официальными представителями христианских церквей, но и русской эмигрантской печатью.

Категорическое отрицание необходимости нововведений в вероучении, каноническом строе церковной жизни и богослужебной практике — вторая характерная черта религиозных воззрений карловацких иерархов и священнослужителей. Стремясь отстоять право на существование в качестве самостоятельной церковной единицы (это право, как уже было отмечено выше, отрицается не только поместными православными церквами, но и остальными христианскими конфессиями), деятели карловацкой группировки выдают себя за самых строгих блюстителей традиций — поборников «истинного христианства», ревнителей «чистоты православия». Мы, заявляют карловацкие лидеры в своем официальном органе, «решительно отметаем всякую модернизацию нашей святой непорочной веры в духе нечестивого богоотступнического времени», «истинное православие есть только то, которое не принимает и не допускает ни в чем — ни в учении, ни в практике церковной — никаких новшеств».

В религиозном традиционализме карловацкой иерархии и духовенства много нарочитого и напускного, демонстративного. Он больше необходим им для камуфляжа, для оправдания изоляции; последнюю пытаются преподнести не как следствие политиканства карловацких лидеров, а всего лишь как следствие их ревности о «чистоте и неповрежденности христианской веры». Фактически же руководство «русской зарубежной церкви» легко и часто нарушает любые ортодоксальные предписания. Уже само существование карловацкой группировки является нарушением основополагающих церковных канонов. Особенно охотно идут карловчане на нарушение ортодоксальных установок в тех случаях, когда такое нарушение облегчает им ведение антисоветской пропаганды: сплошь и рядом превращают богослужения в митинги, вносят политику в церковную проповедь, предоставляют политиканствующим антикоммунистам страницы своих церковных изданий и т. п. Допускается отход от православных традиций и для

того, чтобы удержать в ограде карловацких храмов ту часть прихожан, которая не проявляет религиозного рвения: сокращается продолжительность церковных служб, привлекаются в хор явно нерелигиозные люди, прощается несоблюдение постов и т. д.

Для конфессиональных воззрений карловацкой иерархии характерны резко выраженные антиэкуменические настроения. Современное движение за достижение общехристианского единства, возглавляемое Всемирным советом церквей (ВСЦ), подвергается постоянным нападкам в карловацкой печати. Экуменизм определяется идеологами «русской зарубежной церкви» не иначе как ересь. Именно так охарактеризовал его в одном из своих рождественских посланий митрополит Филарет, такие же оценки дают экуменическому движению и другие карловацкие лидеры. Формально свое неприятие экуменизма карловчане объясняют преобладанием в ВСЦ протестантских конфессий и деноминаций и господством в экуменической идеологии панпротестантских религиозных концепций. Однако фактической причиной такого неприятия являются соображения не религиозного, а политического характера. Карловацких лидеров не устраивает наличие в составе ВСЦ церквей и объединений из Советского Союза и других социалистических стран, а также поддержка значительной частью участников экуменического движения некоторых прогрессивных тенденций современного общественного развития: например, борьба за мир и международную безопасность, осуждение расизма и колониализма, солидарность с борцами против апартеида на юге Африки, разоблачение происков международного империализма и сионизма на Ближнем Востоке, критика милитаристских устремлений империалистических кругов Запада и т. п.

Даже при решении религиозно-церковных проблем руководители и идеологи карловацкой организации на первое место ставят свои политические симпатии и антипатии, что лишний раз характеризует их как политиканов от религии

* * *

Карловацкая религиозно-политическая группировка находится в стане международной реакции, о чем убедительно свидетельствуют не только ее идеология,

но и практическая деятельность, имеющая откровенно антикоммунистическую направленность и ориентированная на активное противодействие прогрессивным тенденциям общественного развития. Примеров такой деятельности более чем достаточно.

Епископат и священнослужители «русской зарубежной церкви» стоят в одной шеренге с теми, кто враждебно относится к разрядке международной напряженности и является противником мирного сосуществования государств, принадлежащих к противоположным социально-политическим системам. Каждый факт обострения империалистическими кругами Запада международной обстановки встречался и встречается карловацкими деятелями с неприкрытым ликованием. Зато успехи в осуществлении политики мирного сосуществования повергают их в уныние.

Советский Союз с первых дней своего существования выступает за мир, за всеобщее разоружение, за неприменение силы в международных отношениях. Тенденция к разрядке напряженности на мировой арене, ныне ставшая доминирующей чертой развития отношений между странами,— это прежде всего результат воздействия на ход международных событий мира социализма, его успехов в деле социального прогресса, его примера миролюбивой внешней политики, закономерный итог целенаправленной политики содружества социалистических стран. Сейчас есть все основания сказать, что важнейшие пункты Программы мира, разработанной XXIV и развитой XXV съездами Коммунистической партии Советского Союза, успешно выполняются. Это отвечает чаяниям всего человечества, является огромным выигрышем в интересах всех народов и государств.

Однако силы милитаризма и международной реакции не теряют надежды на то, чтобы вернуть человечество в окопы «холодной войны», держать его в страхе перед термоядерной катастрофой. Живут этой надеждой и лидеры русской церковной эмиграции, предпринимающие самые различные акции по предотвращению разрядки международной напряженности.

Прежде всего, карловацкие лидеры стараются уверить Запад, будто от разрядки напряженности выигрывает только Советский Союз и другие социалистические страны, тогда как капиталистическим держа-

вам она якобы не дает ничего позитивного. Мирное сосуществование государств с различными социальными системами преподносится западной общественности как некая «ловушка», в которую «сатанинская сила коммунизма» якобы старается заманить «свободный мир». Сознательно замалчивается тот факт, что в длительном и устойчивом мире кровно заинтересовано все человечество, справедливо усматривающее в таком мире гарантию своего дальнейшего существования.

В угоду милитаристам утверждается, будто подлинного мира «нет и не будет в человечестве», поскольку тот мир, которого добиваются народы, якобы не имеет ничего общего с миром в христианском духе (мир в душе, мир с богом). «Мир Христов, мир истинный, духовный,— заявил митрополит Филарет в рождественском послании 1975 г.,— противоположен тому миру, о котором кричат теперь всякие мирные конференции».

Идею всеобщего мира карловчане пытаются скомпрометировать перед верующими на том основании, что она пропагандируется, в частности, людьми, свободными от религиозного влияния. Так, архиепископ Аверкий прямо заявил, что призывы к миру и всеобщему разоружению отвергаются им и его приверженцами, ибо «исходят в настоящее время по большей части от лиц или далеких от истинного христианства или прямо враждебных церкви». «Можем ли мы верить,— патетически восклицал он,— в искренность речей о мире, когда они произносятся людьми, принципиально отвергающими веру в бога!»

Особую неприязнь карловацких лидеров вызвало подписание в Хельсинки соглашений, открывающих путь к установлению прочного мира в Европе. В злопыхательской заметке «Два мира» официальный орган «русской зарубежной церкви» попытался очернить и саму хельсинкскую встречу глав тридцати пяти государств и подписанный ими Итоговый документ: встреча была названа «актом великого обмана», а документ — «клочком бумаги». «Подписанный в Хельсинки мир,— заявлял автор заметки,— ведет к разрушению духовных и материальных ценностей».

Выступая против улучшения отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, карловацкие церковники-политиканы солидаризируются с крайне реакционными кругами Соединенных Штатов, стремящимися удержать правительство США на позициях «холодной войны». Американскую общественность пытаются запугать всякими «ужасами», якобы неизбежными в случае ослабления конфронтации США против СССР, в частности, угрозой «инфильтрации коммунизма» на американский континент, которую объявляют неотвратимой в случае расширения контактов между правительственными, деловыми, общественными и культурно-просветительными организациями обеих стран.

Голоса карловацких лидеров отчетливо звучат в хоре противников подписанного в Вене советско-американского договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Ими прилагалось немало усилий, для того чтобы настроить против этого договора и американских политиков и рядовых американцев, прежде всего из числа эмигрантов.

Лидеры карловацкой группировки блокируются с различными антикоммунистическими организациями, объединениями, группами и отдельными лицами, враждебно настроенными по отношению к нашей стране. В частности, широкие связи установились у них с деятелями «Народно-трудового союза» (НТС) — белоэмигрантской реакционной организации, активно сотрудничающей со спецслужбами империалистических государств.

«Народно-трудовой союз» во время второй мировой войны находился в распоряжении гитлеровских властей, помогал немецко-фашистским захватчикам совершать злодеяния на временно оккупированной территории Советского Союза и других стран. После разгрома гитлеровской Германии активисты НТС вели антисоветскую обработку «перемещенных лиц», вербуя агентуру для подрывной деятельности, а также пополняя состав своей организации. Опираясь на поддержку международной реакции, НТС ныне активизирует свою антисоветскую деятельность.

В практике «Народно-трудового союза» много общего с деятельностью «русской зарубежной церкви», что и объединяет две эти антикоммунистические организации в их борьбе против социалистического строя в СССР и господствующего в нашем обществе научного мировоззрения. Формы этого сотрудничества весьма разнообразны, а само оно облегчается тем,

что некоторые активные деятели НТС (Г. А. Рар и другие) одновременно занимают видное положение и в карловацкой группировке. Идеологи «русской зарубежной церкви» используют в пропагандистских целях клеветнические материалы о мнимых «гонениях на веру и церковь в СССР», фабрикуемые и поставляемые им «Народно-трудовым союзом». Именно на таких материалах был построен, в частности, доклад уже упоминавшегося Г. Рара на третьем соборе «Страждущая церковь на родине, ее подвижники и ее хулители», не содержавший даже намека на истину. В свою очередь, в изданиях НТС пропагандируется идеологическая и политическая деятельность карловацкой группировки.

Тесные контакты установлены лидерами «русской зарубежной церкви» с представителями так называемого Центра по изучению религии и коммунизма. Этот центр, членами «ответственной коллегии» которого являются, в частности, профессиональные антикоммунисты Г. Веттер и Н. Струве, специализируется на дезинформации мирового общественного мнения относительно положения религии и церкви в Советском Союзе.

В настоящее время руководство карловацкой группировки обрело союзника и единомышленника в лице А. Солженицына, выдворенного из нашей страны за действия, несовместимые с высоким званием гражданина СССР. Оказавшись на Западе, этот «убежденный антикоммунист», как охарактеризовала А. Солженицына карловацкая печать, сразу же нашел себе место в шеренге антисоветских сил. Он активно включился в антикоммунистическую деятельность, которая и привела его прямым путем к сотрудничеству с самыми реакционными кругами русской эмиграции, вдохновляемыми иерархами «русской зарубежной церкви».

По просьбе митрополита Филарета А. Солженицын обратился к третьему собору карловацкой организации с пространным письмом, в котором заявил, что относится «с полным сочувствием» к антикоммунистической идеологии и антисоветской деятельности «русской зарубежной церкви» и огорчен лишь тем, что она находится в состоянии конфронтации с другими эмигрантскими церковными объединениями. Повторив в письме дежурные домыслы западной импе-

риалистической пропаганды о наличии в СССР преследований за религиозные убеждения и фальсифицировав данные о деятельности церковных организаций в нашей стране, он главное внимание уделил подстрекательству антикоммунистических сил Запада на более решительное противостояние прогрессивным тенденциям общественного развития. В частности, А. Солженицын призвал лидеров карловацкой группировки вывести свою организацию из состояния самоизоляции и сосредоточить свои усилия на сплочении русской эмиграции ради активизации ее политической и идеологической деятельности против советского общественного и государственного строя, против социалистического образа жизни и коммунистического мировоззрения.

Это письмо, широко разрекламированное эмигрантской прессой, заменило карловацкому епископату и духовенству «священное писание» — стало для них своего рода «Библией антикоммунизма». Вот лишь несколько свидетельств тому. В «Послании III Всезарубежного собора русской православной церкви за границей православному русскому народу на родине», которое преподносится читателям как чисто церковный документ, Библия процитирована трижды, а письмо А. Солженицына — 7 раз! Примерно такое же соотношение библейских и солженицынских цитат дано в обращении собора карловчан к американской православной церкви — 3 и 5. Можно ли после всего этого принимать всерьез утверждение карловацких лидеров, будто их деятельность носит не политический, а исключительно религиозный характер?!

Блокируясь с антикоммунистическими организациями всякого рода, деятели карловацкой группировки львиную долю своих пропагандистских усилий направляют на дезинформацию русской эмиграции и западной общественности относительно положения религии и церкви в Советском Союзе, а также на извращение сути научно-атеистического воспитания советских людей.

Карловацкая печать старательно замалчивает тот факт, что в нашей стране легально существуют многие религиозные объединения, в том числе и такие, которые в дореволюционное время (в условиях восхваляемой карловчанами «святой православной Руси») либо преследовались царизмом и церковны-

властями (например, старообрядцы), либо подвергались всяческим организационным ущемлениям, затрудняющим их нормальное функционирование (баптисты, мусульмане). Не попадает на ее страницы и информация о том, что в городах и селах Советского Союза открыто действуют свыше двадцати тысяч церквей, костелов, синагог, мечетей, кирх и молитвенных домов двадцати пяти конфессий и деноминаций, где удовлетворяют свои религиозные потребности представители всех национальностей, населяющих СССР. Ничего не сообщается о наличии в СССР монастырей, средних и высших церковных учебных заведений, об издании церковной литературы: Библии, Корана, молитвенников, календарей, сборников проповедей, журналов и т. п.

Зато самые невероятные измышления о «гонениях на веру и церковь в СССР» перекочевывают из номера в номер «Православной Руси», «Православной жизни» и других изданий карловацкой группировки. Заимствуются эти измышления из писаний Г. Якунина, Л. Регельсона и других им подобных клеветников, которых карловацкие лидеры представляют русской эмиграции и западной общественности в качестве представителей некоей мифической «катакомбной церкви в СССР». При этом карловацких политиканов в рясах нимало не смущает то обстоятельство, что не только официальные представители религиозных объединений нашей страны, но и посещающие СССР зарубежные церковные деятели неоднократно заявляли о наличии в Советском Союзе нормальных условий для удовлетворения верующими людьми своих религиозных потребностей. «У нас,— заявил в своем интервью мексиканский священник Хулио Гарсиа, побывавший в Советском Союзе,— бытует мнение, что здесь за спиной епископа стоит представитель власти с винтовкой в руках, что духовенство находится под контролем. Думают, что для вхождения верующих в храм требуется пропуск от гражданских властей. Однако я видел своими глазами, что люди здесь свободны. В храм ходят все, кто желает, а кто не хочет — не ходит. За время своего пребывания здесь я не заметил ни одного негативного акта по отношению к верующим со стороны неверующих» [1].

[1] Журнал Московской патриархии, 1976, № 11, с. 15.

Выдавая желаемое за действительное, карловацкие фальсификаторы уверяют своих приверженцев, будто основная масса верующих в СССР не приемлет социализм, находится в оппозиции к советскому правительству и составляет нечто вроде «внутренней эмиграции». Между тем подлинная картина совершенно иная. Верующие советские люди, за очень небольшим исключением в лице отдельных религиозных экстремистов и антиобщественно настроенных элементов, глубоко преданы социалистическому общественному и государственному строю, активно поддерживают внутреннюю и внешнюю политику Советского правительства, любят свою Родину и ненавидят ее врагов. «Члены церкви,— писал один из видных богословов русской православной церкви,— не мыслят себя иначе как гражданами своего Отечества, и поступают во всем так, как это свойственно членам советского общества. Епископы, священники, диаконы, миряне, монашествующие осознают советскую систему как закономерную и провиденциальную норму политического и социального устройства, добровольно избранную самим народом, и в ней живут, участвуют и поддерживают ее» [1].

К клевете прибегает карловацкая печать и при характеристике содержания, задач, форм и методов научно-атеистического воспитания трудящихся нашей страны.

Прежде всего искажается существо марксистско-ленинского атеизма как неотъемлемой черты диалектико-материалистического мировоззрения. Атеизм трактуется как простое отрицание веры в бога, примитивный нигилизм, якобы не содержащий в себе ничего позитивного, и преподносится как мировоззренческая позиция, якобы предполагающая полное пренебрежение к духовной деятельности, игнорирование моральных и эстетических ценностей, провозглашающая решительный отказ от высоких идеалов,— словом, как вопиющая бездуховность, низводящая человека до уровня животного. Сознательно замалчивается тот факт, продемонстрированный успехами атеистического воспитания в СССР, что атеизм не просто отвергает религию, а идет дальше. Он вытесняет религию более высокими формами духовной жизни, начиная с

[1] Журнал Московской патриархии, 1972, № 12, с. 41.

глубоко научного мировоззрения, оптимистического мироощущения, подлинно человечной морали и кончая высоким уровнем социальной активности, ростом самосознания и широким спектром культурных запросов.

Массовый атеизм, ставший реальностью в Советском Союзе благодаря радикальным социальным преобразованиям, культурной революции и огромной воспитательной деятельности партийных и общественных организаций, карловацкие идеологи объявляют следствием насилия над гражданами СССР со стороны «безбожной сатанинской власти». Делая такие заявления, фальсификаторы из «русской зарубежной церкви» не только извращают факты, им достаточно хорошо известные, но и попирают элементарную логику.

В самом деле, характеризуя современное состояние религиозности в капиталистическом мире, лидеры карловацкой группировки рассуждают вроде бы вполне логично. Они признают (куда же денешься от фактов, бросающихся в глаза прихожанам их храмов!) повсеместное падение влияния религии и церкви на общественную и личную жизнь все большего числа людей. На страницах изданий «русской зарубежной церкви» то и дело встречаются высказывания такого рода: наше время — «время всеобщего шатания в делах веры и церкви»,— признается «общее оскудение в наши дни веры и благочестия», констатируется, что «у многих людей исчезла вера в бога» и т. п. Обрисовывая религиозную обстановку в США, один из карловацких иерархов заявил: «К сожалению, за последние 50—60 лет вера в бога стала постепенно ослабевать среди американцев. И она на наших глазах слабеет с каждым годом, почти гаснет... Храмы пустуют, а места циничного разврата переполнены».

Есть логика и в рассуждениях карловацких идеологов относительно причин падения религиозности на Западе (в том числе и в среде русской эмиграции). Это падение они объявляют действием целого ряда факторов объективного и субъективного характера: влиянием научно-технического прогресса, условий жизни, школьного и вузовского образования, семейного воспитания и т. п.

Но как только в карловацкой печати заходит речь о секулярных процессах, происходящих в нашей стране, логика приносится в жертву антисоветизму и попирается самым бесцеремонным образом. Кризис религии в социалистическом обществе подается как следствие «произвола коммунистической власти», объявляется результатом «козней атеистов», итогом «насильственного удушения веры».

Такая же заведомая тенденциозность с применением «двойного стандарта» допускается карловацкими лидерами и при выявлении причин все усиливающегося дефицита учащихся церковных школ и нехватки кадров священнослужителей во всем мире. Когда речь идет о Западе, то все это объясняется карловчанами весьма здраво: они признают наличие у современной молодежи светских настроений и интересов, отмечают влияние на нее «новых веяний» и т. п. Но как только разговор переходит на нашу страну, все объяснения сводятся к примитивно-клеветническим утверждениям, будто советскую молодежь «атеисты-сатанисты» насильственно удерживают от поступления в духовные учебные заведения и от принятия церковного сана.

Цель фальсификаций такого рода ясна. Преобладание среди советских граждан лиц с атеистическим миропониманием наглядно и убедительно опровергает утверждения карловацких идеологов об «исконной религиозности русского народа» и его «невосприимчивости» к научно-атеистическому воспитанию, о «незыблемости устоев религии» и ее «неискоренимости» в социалистическом обществе. Поэтому-то иерархи «русской зарубежной церкви» и распространяют домыслы о том, будто резкое и устойчивое понижение уровня религиозности в социалистическом обществе, ставшее общеизвестным фактом,— явление противоестественное, искусственно вызванное применением административного насилия.

Для расширения сферы своей идеологически диверсионной деятельности и в целях активизации религиозно-политической пропаганды в традиционно антисоветском и антикоммунистическом духе «русская зарубежная церковь» создала целый ряд объединений: комитетов, фондов, центров, братств, сестричеств и т. п.

Эти объединения имеют двоякое назначение.

Одни из них рассчитаны на религиозно-политическую обработку различных слоев и групп русской эмиграции с целью поддержания у них националистических и монархических настроений, антисоветского духа. Сюда относятся, в частности, «Российский церковный и культурный центр Владимирово», функционирующий при Покровском кафедральном соборе в Чикаго, «Культурно-просветительное общество» в канадской епархии, два братства и семь сестричеств в германской епархии (ФРГ) и др. Имеются несколько молодежных и детских организаций: «Кружок владимирской молодежи», «Патриотическая организация русских разведчиков», «Национальная организация русских разведчиков», «Национальная организация русских скаутов», «Организация витязей» и т. п. Почти во всех этих объединениях религиозно-политическое воспитание детей и юношей сочетается с военным — расчет на то, чтобы подготовить организаторов и непосредственных участников «освобождения России от безбожников большевиков».

Другие предназначены для изыскания способов непосредственного воздействия на советских людей. Именно такой организацией является, в частности, так называемое братство «Православное дело», существующее с 1959 г. и возглавляемое архиепископом женевским и западноевропейским Антонием (Барташевичем) — убежденным монархистом, всячески добивающимся возведения последнего русского царя из дома Романовых в ранг «святого мученика».

С самого начала своего существования «Православное дело» засылает в нашу страну религиозно-политическую литературу антикоммунистического содержания. В последние годы оно стало направлять свои антисоветские материалы по почте — в адрес наших учреждений и отдельных граждан. В этих письмах и бандеролях листовки и брошюры не столько религиозного, сколько политического характера, рассчитанные на то, чтобы пробудить у своих адресатов интерес к религии, заронить в их сознание сомнение в правильности научно-материалистического мировоззрения, настроить их против коммунистической идеологии и советского образа жизни. В листовках и брошюрах предпринимается попытка дискредитировать в глазах советских людей коммунистический общественный идеал и одновременно объявить его «практически

неосуществимым». В них сеются семена розни между верующими и атеистами, причем последние изображаются врагами верующих, якобы унижающими и оскорбляющими их религиозные чувства.

Карловацкий собор 1974 г. принял решение о расширении и активизации идеологической деятельности «Православного дела». В частности, предложено создать отделы братства в Северной Америке, Канаде и Австралии (до этого они имелись лишь в Западной Европе). Рекомендовано подключить к деятельности братства молодежные организации «русской зарубежной церкви» и т. п. Выполняя это решение, руководство и актив «Православного дела» стараются мобилизовать русскую эмиграцию на более активное участие в акциях по религиозно-политической обработке советских граждан. Однако вдохновители братства вынуждены признать, что им приходится вести «трудную работу». Действительно, советские люди, воспитанные в духе беззаветной преданности социалистическому строю и коммунистическим идеалам, дают достойный отпор идеологическим диверсантам в рясах, разоблачают их замыслы, противопоставляют их происка гражданскую и мировоззренческую зрелость.

В настоящее время руководство карловацкой группировки предприняло еще одну попытку активизировать свою антикоммунистическую деятельность. Для этой цели используется приближение тысячелетия со времени принятия христианства на Руси, исполняющегося в 1988 г. С санкции архиерейского синода в 1977 г. создана Комиссия по подготовке к 1000-летию крещения Руси, которая начала издавать с 1978 г. журнал «Русское возрождение», назвав его «независимым русским православным национальным органом». Судя по содержанию первых номеров журнала, главное внимание уделяется комиссией не предстоящему юбилею, а делам иного рода: распространению домыслов о неком «религиозном возрождении» в СССР, усилению клеветнической кампании против нашей страны и стран социалистического содружества, разжиганию антикоммунистической истерии в среде русской эмиграции, которую со страниц журнала призывают «поднять и развернуть знамя принципиального антикоммунизма».

* * *

Как прошлое, так и настоящее «русской зарубежной церкви» неопровержимо свидетельствует о том, что она является не столько религиозной, сколько политической организацией, находящейся в антикоммунистическом лагере и занимающейся подрывной идеологической деятельностью против Советского Союза и других социалистических стран.

Уже давно карловацкая группировка переживает глубокий кризис, лишающий ее перспектив на дальнейшее существование. Проявления этого кризиса весьма многообразны.

Усиливается изоляция «русской зарубежной церкви». Достаточно сказать, что на соборе 1974 г. не была представлена ни одна христианская конфессия или деноминация. Все острее становится критика идеологии и практики карловацкой группировки, высказываемая официальными представителями христианских церквей. Так, например, архиепископ фиатирский и великобританский Афинагор в докладе, посвященном «русской зарубежной церкви» (прочитан в Лондоне в 1976 г.), назвал карловацкую группировку «самозванной», «антиканонической» и даже «разбойничьей», а проводившиеся ею соборы — «лжесоборами».

Углубляется конфликт епископата и духовенства «русской зарубежной церкви» с мирянами — конфликт, который раскалывает эту организацию на враждующие группировки. Карловацкая печать пестрит жалобами на непочтительность многих прихожан к своим «пастырям» и «архипастырям». Так, архиепископ Аверкий сетовал на наличие в карловацких приходах лиц, которые, «обуреваемые гордыней, самоуверенно делают сами себя неумолимыми и безжалостными судиями не только собратий-прихожан, но и самих пастырей». Один из деятелей карловацкой группировки, протопресвитер Георгий Граббе, при наречении его во епископа манхеттенского признался: «Выпады против меня в печати и еще больше в анонимных письмах уже очень давно стали обычным явлением в моей жизни. Не оставался я и без угроз. Не обошлось без этого и в последние дни».

Одной из причин конфликта между мирянами и карловацким клиром является отказ последнего допустить прихожан к более активному участию в организации приходской жизни, в управлении приходом.

Обычно этот отказ мотивируется «неканоничностью» демократических начал церковной жизни. «Основы церковного благочестия и благочиния колеблются,— твердит карловацкая печать,— если догматические и канонические установления устава церкви начинают трактоваться «демократически»». Однако истинная причина отказа иная. Учитывая наличие в среде мирян недовольства политиканством клира, карловацкая верхушка опасается, что расширение прав прихожан приведет к усилению в приходе церковных тенденций в ущерб политическим. Поэтому она поносит тех прихожан, которые требуют перестройки приходской жизни на демократических началах. Из номера в номер «Православной Руси» переходят высказывания карловацких идеологов о принципиальной недопустимости таких начал. «В церкви Христовой,— заявлял архиепископ Аверкий,— нет и не может быть места никакой «демократии». «В церкви,— вторит ему П. Мар,— нет и не должно быть места к выявлению взглядов и убеждений демократического характера, далеко отстоящих от церковной жизни... Если же народ сам захочет вести приход во имя «демократичности»... то отравлен будет самый воздух прихода».

Снижается уровень религиозности и церковно-политической активности многих верующих карловацкой ориентации, о чем вслух говорилось на соборе 1974 г. Сетования по этому поводу раздаются и в послесоборное время. Карловацкие иерархи признаются, что для «большинства» русских эмигрантов, которых считают принадлежащими к «русской зарубежной церкви», принадлежность к православию «имеет чисто формальное значение, ни к чему, в сущности, не обязывающее». «Как правило, учения православной церкви они не знают, да им и не интересуются, уходя целиком в свои чисто житейские интересы. Чем отличается православие от других исповеданий и религий, им не известно, а когда заводится с ними разговор на эту тему, то они обыкновенно любят утверждать, что все веры одинаковы и что все равно, к какой бы вере ни принадлежать, лишь бы быть «хорошим человеком». У многих посетителей карловацких храмов отмечается отсутствие должной религиозной настроенности, небрежность в соблюдении элементарных культовых предписаний. Карловацкая печать характеризует их как «людей, которые свое общение с церковью сводят

лишь к тому, чтобы «при случае» мимоходом «забежать» в храм после сытного завтрака, послушать там «красивое» пение, сделать несколько небрежных (наподобие чистки пуговиц) крестных знамений без всякого смысла и значения, поставить две-три свечки, расталкивая всех молящихся, невзирая на торжественность момента богослужения, раскланяться со всеми знакомыми и вскоре откланяться, не собираясь совершенно оставаться в храме дожидаться конца службы в общей молитве, предпочитая покурить в ограде церкви, поболтать со знакомыми такого же «духовного» калибра».

Но еще больше, чем рост в среде прихожан религиозного индифферентизма, тревожит карловацких лидеров уход все большего числа русских эмигрантов с позиций воинствующего антикоммунизма, усиление в эмигрантских кругах симпатий к своей бывшей Родине, здравого подхода к оценке революционных преобразований, осуществленных в СССР. С тревогой констатирует «Православная Русь» наличие среди «окормляемых» карловацкой группировкой русских эмигрантов тех, кто «находит оправдание революции и превозносит имя товарища Ленина». На это же сетует и «Русское возрождение».

Неуклонно падает влияние карловацкой иерархии на молодые поколения русских эмигрантов. Весьма красноречивое признание этого факта сделал протоиерей В. Лукьянов, представивший собору 1974 г. доклад «Воспитание молодежи». «Как приходской священник,— сокрушался он,— могу свидетельствовать, что наши современные приходы существуют и держатся еще первым поколением эмиграции. Второе поколение на три четверти ушло в американский благобыт и среду и редко посещает церковь... В третьем поколении русской православной молодежи положение таково, что о нем можно говорить разве только с горькими слезами. Приблизительно только четверть этого поколения посещает храм... Между пастырями... и этой «оцерковленной» частью четверти третьего поколения произошел разрыв». Такие же признания делались карловацкими лидерами и в послесоборное время. В частности, «Православная Русь» констатировала, что опекаемые карловацкой группировкой церковные школы «охватывают сравнительно небольшой процент русских детей».

Однако, даже агонизируя, карловацкая религиозно-политическая группировка продолжает отравлять международную атмосферу миазмами антикоммунизма. Поэтому при определении круга идейно-политических противников нашего общественного и государственного строя и выявлении зарубежных центров антикоммунистической и антисоветской пропаганды нельзя не учитывать идеологически диверсионную и политически реакционную деятельность «русской зарубежной церкви». Советская общественность должна иметь точное представление о содержании и формах идеологических диверсий, совершаемых антикоммунистами в рясах, политиканствующими церковниками, претендующими на роль религиозных лидеров русской эмиграции, чтобы давать достойный отпор этим ставленникам международной реакции.

О ЧЕМ ПИШУТ КАРЛОВАЦКИЕ ПОЛИТИКАНЫ

«Государственной формой, способной создать обстановку, свободную от игры страстей, является только самодержавная монархия, которую мы по этой именно причине считаем единственной государственной формой, отвечающей принципам святого православия».

«Наш журнал», Аргентина

«Получить снова царя может только Россия, молитвенно распростершаяся в благоговейном покаянии пред своим преданным ею последним царем».

«Православная Русь», Джорданвилль, США

«Собор считает необходимым увеличение рассылки миссионерской литературы в Россию из Европы и Америки, для чего рекомендует создание братств «Православное дело» при приходах нашей церкви и постоянное общение между ними из Европы и Америки».

Из резолюции III Всезарубежного собора
так называемой Русской православной церкви
за границей

И еще одна эмигрантская организация, именуемая Русским студенческим христианским движением, выполняет «социальный заказ» буржуазной реакции. Ее руководители стремятся любой ценой угодить своим западным покровителям, принимают участие в различных пропагандистских кампаниях, выступая под фальшивым предлогом «защиты христианства в СССР». В действительности таким путем камуфлируется антисоветизм, ставший основой всей деятельности этой организации. И это отчетливо проявляется в признаниях ее нынешних идеологов, прямо заявляющих о том, что они пытаются внести «посильный вклад» в дело преобразования «нынешнего государственного устройства в России».

О почти шестидесятилетнем пути Русского студенческого христианского движения, о его сегодняшних днях рассказывает публикуемый материал.

Под флагом РСХД

В выходящем в Париже «Вестнике Русского христианского движения» по давней традиции печатается краткое изложение целей и задач этого движения. «Русское студенческое христианское движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной церкви и привлечения к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом...»

Что ж, для объединения, созданного на религиозной основе, подобные устремления вполне естественны. Однако в действительности деятельность движения сплошь и рядом выходит за рамки тех задач, которые оно определило для себя более полувека назад. РСХД является одним из звеньев клерикального антикоммунизма, давним рупором воинствующего антисоветизма. Об этом красноречиво свидетельствует весь сложный путь движения, та активность, которую оно проявляет в последнее время.

Немного истории

Хотя официально начало Русскому студенческому христианскому движению положил состоявшийся в 1923 г. в чехословацком городке Пшерове съезд эмигрантской молодежи, его истоки уходят еще в дореволюционные годы. Попытки создать студенческие объединения на христианской основе предпринимались в России на рубеже прошлого и нынешнего столетий. Их обычно связывают с именем протестантского миссионера барона Николаи, который первоначально вел работу среди студентов-лютеран, а затем и среди православных. Но сводить все к деятельности умелых миссионеров — значит игнорировать все другие факторы возникновения студенческого христианского объединения, и прежде всего объективные факторы, игравшие здесь главную роль.

Нельзя не учитывать, что миссионерская деятельность Николаи, а затем приглашенного им видного деятеля Всемирного студенческого христианского движения американца Дж. Мотта началась в период революционного подъема в России перед первой русской революцией. Именно поэтому она нашла понимание в тех кругах церковной России, которые со страхом следили за волнениями в студенческой среде, делали все возможное, чтобы нейтрализовать революционные настроения учащейся молодежи. Однако первоначально все эти попытки окончились неудачей. Молодежь так и не удалось увести в русло религии.

Более успешно пошло дело у миссионеров после поражения революции, когда среди части студенчества проявились глубокое разочарование, пессимизм, настроение безысходности. Если в первый свой приезд в Россию Джон Мотт был встречен в студенческой среде враждебно, то во время второй своей миссии в 1909 г. он мог быть вполне удовлетворен ее результатами. По его инициативе возникли библейские кружки в Петербурге и Москве, Харькове и Одессе, Риге и Томске. В них участвовали студенты, относившиеся к различным христианским направлениям. Их объединяло совместное изучение «священного» писания.

В 1913 г. эти кружки стали рассматриваться как единое движение, которое было принято во Всемирную христианскую студенческую федерацию.

Великие перемены, которые принес на российскую землю октябрь 1917 г., внесли перелом и в судьбы отдельных людей, разбросанных по земле революционными бурями. Многие из участников студенческих библейских кружков очутились в эмиграции. Вполне объяснимый вдали от родины инстинкт к объединению вызвал к жизни целый ряд эмигрантских сообществ, ставивших перед собой различные задачи и цели. При активной поддержке западных студенческих христианских объединений, и в первую очередь Всемирной студенческой христианской федерации и Христианского союза молодых людей (YMCA), был созван съезд эмигрантской молодежи, провозгласивший создание Русского студенческого христианского движения.

В эмигрантской литературе, освещающей историю РСХД, как правило, проводится мысль о том, что возникновение движения за рубежом было результатом стихийного движения оказавшейся за пределами России молодежи к объединению на основе христианства, в котором виделась некая твердыня, способная устоять в водовороте событий того времени. Это явно не так. Эмигрантскую молодежь направляла опытная рука. Свидетельство тому — активность международных молодежных организаций, представители которых присутствовали на Пшеровском съезде, их готовность сразу же оказать финансовую поддержку движению и участие в создании и дальнейшей деятельности РСХД русских религиозных философов Н. Бердяева, С. Булгакова, Л. Зандера и других, выдвинувших идеи «нового христианства», в котором видели путь к «переустройству России». Именно Бердяев определял задачу движения как создание клеток христианского общества, реальное, а не внешне условное оцерковление жизни (Вестник РСХД, 1926, № 2, с. 8, Париж).

Не было случайностью, что движение с первых же его шагов возглавил бывший уже маститым профессор В. Зеньковский, что значительное влияние на позиции РСХД оказали антикоммунистически настроенные представители русской религиозно-идеалистической философии. Ставка на объединение молодежи под знаменами христианства делалась в расчете на ее участие в борьбе против советского строя в России, представавшего в глазах его противников в качестве

практического воплощения в жизнь «безбожного коммунизма».

Становление движения происходило отнюдь не гладко и не безболезненно. Ведь в его ряды влилась молодежь с различными взглядами и настроениями, с различной оценкой происходивших событий. Часть ее находилась под глубоким влиянием православного консерватизма, отрицавшего возможность существования межконфессиональных объединений, каковым стало РСХД. Один из деятелей движения, Н. Зернов, писал об антагонизме «между русской интеллигенцией, полной миссионерского рвения, захваченной грандиозными планами переустройства мира, и традиционной, семинарски воспитанной средой духовенства».

Примечательно, что идею создания РСХД поддержал митрополит Антоний (Храповицкий), возглавивший так называемый карловацкий раскол с откровенно монархической ориентацией. Он даже присутствовал и выступал на состоявшемся в 1925 г. съезде движения в Сербии.

Сам по себе этот факт говорит о многом. Ярый враг Советской власти, представитель крайне реакционной части церковной эмиграции, митрополит Антоний видел, что значительная часть членов РСХД не разделяет монархических настроений. Он не настаивал поэтому на включении движения в сферу влияния возглавляемого им карловацкого раскола, выступавшего за восстановление монархии в России. Но он стремился вовлечь РСХД в орбиту антисоветизма, вынашивая планы создания широкого фронта против Советской власти.

Далеко не все участники движения понимали, какая роль им отводится. Многие из них даже не помышляли о политической борьбе. В тот период христианство для них было основой для объединения оторванных от родной земли людей, оказавшихся в чуждой среде. Христианская вера была спасительной отдушиной, в которой могли раствориться сомнения и смятения, мучительные раздумья, растерянность, царившая среди молодежи, заброшенной на чужбину. Неприятие Советской власти еще не означало непременной борьбы с ней. Однако курс РСХД определяла не эта часть молодой эмиграции, а те идеологи движения, которые сделали ставку на воинствующий

антисоветизм, на апелляцию к общественному мнению западных стран, ища в нем поддержку и сочувствие, рассчитывая направить его против новой России.

Лидеры движения делали акцент на строках его программного положения, провозглашавших долгом РСХД свидетельство «о подлинном лике России в напоминании о страданиях русского народа». Практически речь шла о злобной клевете на первое в мире социалистическое государство, на те преобразования, которые происходили на земле России. Разумеется, делалось все возможное для расширения масштабов этой деятельности. Велась активная миссионерская работа среди эмигрантской молодежи, организовывались специальные лагеря, в которых молодые люди подвергались соответствующей идеологической обработке, был основан Свято-сергиевский богословский институт в Париже для подготовки новых православных пастырей, вышедших из лона РСХД. Началась издательская деятельность. В 1925 г. тиражом 300 экземпляров был отпечатан на ротаторе первый номер журнала «Вестник Русского студенческого христианского движения». Его первым редактором был Н. Зернов, а затем в этой роли выступали Г. Федотов, В. Зеньковский, Л. Липеровский.

«Вестник» выходит по сей день с перерывом, вызванным лишь второй мировой войной. Ознакомление с его содержанием на протяжении почти полустолетия (журнал не выходил с 1939 по 1949 г.) дает возможность составить представление об эволюции Русского студенческого христианского движения, о тех сложных зигзагах, которые оно делало на своем пути. Именно эта эволюция привела его в наши дни на путь откровенного антисоветизма, даже не всегда прикрываемого религиозными одеждами.

Если в свой первый период движение исповедовало антисоветизм под прикрытием лозунгов сохранения русской культуры, русской самобытности, которые якобы находятся под угрозой гибели в результате Октябрьской революции, защиты христианской веры, то со временем религиозный аспект отошел на второй план, играя лишь формальную роль, а на первый выдвинулся аспект политический.

Перед нами номера «Вестника РСХД» пятидесятилетней давности. Почти в каждом из них религиозно-

философские статьи, материалы богословского характера, хроника деятельности движения. Постоянно печатаются знакомые авторы — Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк, В. Зеньковский и другие. Публикуются и соответственным образом интерпретированные сообщения о «гонениях на религию» в СССР. Антикоммунистическая и антисоветская направленность «Вестника» той поры не может вызвать сомнений, но вместе с тем РСХД не впадало в откровенное политиканство, пытаясь именно в христианстве искать обоснование своим позициям.

В первую очередь в этом движение разошлось с другим белоэмигрантским объединением — так называемым карловацким расколом. Крайний политический консерватизм, монархическая ориентация карловчан оказались неприемлемыми для той части эмиграции, которая видела путь к реализации своих целей и надежд не в закосневшей атмосфере Русской православной церкви, а в «новом христианстве». Нельзя не учитывать, что в ряды РСХД входили в основной своей массе представители интеллигенции и либеральной буржуазии, возлагавшие на церковь значительную долю ответственности за разразившиеся в России революционные события. Не случайно многие представители эмигрантской молодежи отказались следовать за карловацкими иерархами, а заявили о желании попасть под юрисдикцию митрополита Евлогия, управлявшего русскими приходами в Западной Европе.

Это взаимное отчуждение усилилось, после того как летом 1926 г. созванный карловчанами так называемый Собор зарубежного епископата осудил контакты РСХД с инославными, вынес решение «не разрешать членам православной церкви организовываться в кружки», которые находились бы в сфере влияния неправославных и нецерковных организаций. Лидеры движения восприняли это решение как направленное против РСХД, так как в нем была названа YMCA (Христианский союз молодых людей) — межконфессиональная организация, с которой движение поддерживало тесные контакты, получало от него материальную помощь.

Позицию РСХД по отношению к карловацкому расколу выразил Г. Федотов в опубликованной на страницах «Вестника» в 1930 г. статье «К вопросу о

положении в русской церкви». Он признает, что и в редакции и в руководстве движения «не было единомыслия» по вопросу об отношении к карловчанам, но считает, что оценивать реальную обстановку следует более разумно, чем это делают главари раскола. Повторяя бывшие в ходу домыслы о «войне», которую якобы Советская власть объявила религии и церкви, он в то же время оправдывает политику патриарха Тихона в последний период его деятельности, его отказ от борьбы с новой властью в России. По словам Г. Федотова, это было разумно, ибо «новая церковная политика» вместе с отходом от политиканства означала усиление «борьбы за душу народа».

Примечательно содержащееся в статье утверждение, что «пытаться вернуть церковь на путь политических заговоров, сделать из нее орудие реставрации — безумное и злое дело. Те, кто стоят за него — карловацкая иерархия за рубежом,— не только внешне, но и внутренне отрезают себя от русской церкви».

В то же время лидеры РСХД выступали с осуждением Русской православной церкви, возглавлявшейся преемником патриарха Тихона патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием. Последний обвинялся в том, что он не ограничился позицией лояльности по отношению к Советскому государству, а «вступил в союз с атеистической властью». Тем не менее руководители движения заявляли: «Мы должны быть готовы к тому, чтобы определить духовную связь с российской церковью помимо внешнего формального подчинения ее иерархии». Одновременно они подчеркивали, что «возвращение зарубежной церкви в карловацкую юрисдикцию означало бы ее удушение в политике, в человеконенавистничестве и злобе».

Как будто все ясно. Путь политиканства был безапелляционно объявлен неприемлемым для РСХД. Однако на практике все оказалось сложнее, и громогласные декларации сплошь и рядом предавались забвению в процессе практической деятельности движения. Эта противоречивость между словом и делом в конечном счете отражала смятение, которое переживала эмигрантская молодежь, вовлеченная в круговорот бурных событий того времени. Вроде бы реалистично в известной мере оценивая создавшуюся обстановку, лидеры движения сплошь и рядом участвовали в антисоветских кампаниях, при каждом

удобном случае включались в акции, проводившиеся против СССР буржуазным пропагандистским аппаратом. Дух воинствующего антисоветизма витал в стане РСХД.

Это объясняется в какой-то мере политическими позициями руководящего состава движения. Нельзя не учитывать, что оно находилось под сильным влиянием идеологов «нового христианства», заквашенного на антикоммунизме. Выступая против старого, «остановившегося религиозного сознания», которое формировалось в рамках русского православия, провозвестники «нового христианства» связывали религиозное возрождение с «решительным отрицанием коммунизма» во всех его проявлениях.

Уместно упомянуть об отношении идеологов «нового христианства» к фашизму, что характеризует известную двойственность, противоречивость их позиций. Об этом отношении можно судить по статье Н. Бердяева «Об идеологическом кризисе движения», опубликованной в № 9—10 «Вестника» за 1933 г. Бердяев высказывается крайне отрицательно о фашизме, в силу того что он «носит антихристианский характер», стремится подчинить религию и церковь «своим государственно-национальным интересам», проводит милитаризацию молодежи. В статье звучит предупреждение об опасности внесения «националистически-фашистской политики» в движение. И в то же время Бердяев старается отыскать в фашизме «рациональное зерно». Он, в частности, отмечает, что «в Италии фашизм заключает в себе и положительные элементы и во главе его стоит замечательный человек». Вряд ли здесь нужны какие-либо комментарии!

А ведь эти строки писались тогда, когда фашизм уже показал свое лицо. Они писались во Франции, которая, по словам самого Бердяева, «жила в ужасе предчувствуемых катастроф». Двойственность позиций идеологов движения несомненно сказалась на его деятельности в предвоенные годы, связанной с активными выступлениями в русле антисоветизма и пассивностью в борьбе против фашизма.

Значительный переворот в сознании многих представителей русской эмиграции, в том числе и участников движения, произошел в период второй мировой войны. Движение в известной мере свернуло свою

деятельность, ибо его ответвления в разных странах мира оказались изолированными друг от друга. Те члены РСХД, которые своими глазами смогли увидеть, что такое фашизм, приняли участие в движении Сопротивления. Некоторые предпочли отсидеться, заняв позиции сторонних наблюдателей. Но были и такие, которых антисоветизм привел на службу к фашистам.

После окончания войны многие представители русской эмиграции, разделявшие патриотические чувства по поводу великой победы советского народа, приняли советское гражданство, раскаявшись в былых ошибках. Однако ряды эмиграции пополнились за счет лиц, которые в силу тех или иных обстоятельств оказались в годы войны на Западе. Были среди них и предатели Родины, унесшие ноги от справедливого возмездия народа за сотрудничество с фашистскими захватчиками. Они вымещали свою злобу и ненависть в активном участии в разного рода антисоветских акциях, что, помимо прочего, давало им возможность материально поддерживать свое существование. Ведь антисоветизм всегда являлся ходовым товаром на западном пропагандистском рынке. Представители «новой эмиграции» влились в состав РСХД.

Перелистывая номера «Вестника», издание которого было возобновлено в 1949 г., невольно обращаешь внимание на то, что сугубо эмигрантские проблемы отступают на задний план. И это понятно. Победа Советского Союза во второй мировой войне развеяла последние иллюзии представителей старой эмиграции относительно крушения Советского государства, показала несостоятельность надежд на реставрацию капитализма в России, заставила эмигрантов пересмотреть свои взгляды на то, что их пребывание на Западе является «временным состоянием». Настало время окончательного их примирения с участью «людей без родины». И это, естественно, не могло не наложить отпечаток на характер публикаций в «Вестнике».

В сентябре 1953 г. в США состоялся общий съезд РСХД. Он проводился в обстановке глубоких противоречий, особенно остро проявившихся в движении в этот период. Даже в официальном сообщении о съезде отмечалось, что он отразил внешние и внутренние перемены, а также изменения как в православном сознании, так и в мировом христианстве, хотя и «не оправдал всех ожиданий, которые были с ним связаны» (Вестник РСХД, 1953, № 30).

На съезде был принят новый устав РСХД, а также ряд постановлений, определяющих задачи движения. В них в большей степени, чем прежде, проявился дух клерикализма. Было подчеркнуто, что члены движения должны принимать участие в современной жизни, руководствуясь только заветами Христа, ибо «нет в истории и в жизни вопросов, которые не могли бы быть разрешены в свете христианства».

Отчетливо проявилась и антикоммунистическая направленность движения. Вновь было подтверждено, что РСХД видит свой христианский долг «в борьбе с безбожным материализмом», в «свидетельстве перед миром о подлинном лике России... в напоминаниях о страданиях русского народа и в призыве к помощи жертвам большевизма». И хотя делалась оговорка, что движение «не имеет политической программы и не является политической организацией», одновременно подчеркивалось, что оно не исключает у своих последователей возможности «активного участия в политической борьбе против коммунизма». На съезде было провозглашено: «Мы совершенно отвергаем коммунизм как антихристианское и богоборческое начало, противостоять которому должен каждый член церкви Христовой».

Нужно ли говорить о том, что эта последняя формула перечеркивает все рассуждения о том, что РСХД стоит вне политики, не имеет политической программы. Политическое кредо движения изложено вполне определенно. И не случайно клерикальный антикоммунизм рассматривает РСХД как один из своих отрядов, который в меру сил и возможностей может быть использован в борьбе против коммунизма.

На деятельность РСХД в послевоенный период бесспорно наложила отпечаток «холодная война». Выступления лидеров движения становятся более откровенными и воинственными, члены движения ведут активную работу среди советских граждан из числа так называемых перемещенных лиц, агитируя их против возвращения в Советский Союз. Они оказывают помощь и содействие «невозвращенцам», запятнавшим себя предательством, сотрудничеством с гитлеровскими захватчиками.

Конечно, политиканство лидеров РСХД не было таким прямолинейным, как, например, у карловацких иерархов. Но сам факт вовлечения движения в его орбиту был очевиден.

В выступлениях идеологов РСХД первых послевоенных лет гораздо чаще начинают встречаться рассуждения о грядущих судьбах России, о путях ее преобразования, которые они видят лишь на христианской основе. «Будущее России,— заявляют они,— зависит в чрезвычайной степени именно от того, насколько миряне будут проникнуты идеей перестройки всей жизни на церковной основе» (Вестник РСХД, 1953, № 28, с. 2). Их клерикальные устремления отражаются в требованиях предоставить церкви в будущей «свободной России» особую роль в политической и культурной жизни.

В этой связи следует упомянуть о выступлении на страницах «Вестника» протоиерея Владимира Родзянко, в котором отмечалось, что «если церковная и духовная жизнь совпадают», то «церковность — истина», если же они не совпадают, то она «убивающая буква». По его словам, «если православной церковности нет совсем, то нет и настоящей духовной жизни» (Вестник РСХД, 1952, № 27, с. 1).

Разумеется, в позициях тех, кто стоял в этот период во главе движения, были расхождения. Это обусловлено известной разношерстностью его участников, среди которых были и светские и духовные лица, люди, стоявшие на различных политических позициях, по-разному представлявшие себе назначение РСХД и свое собственное положение. Были размежевания по более принципиальным и менее принципиальным вопросам. Были глубокие разочарования, приводившие некоторых участников движения к отходу от него. Противоречия в рядах РСХД особенно обострились в связи с усилением политиканства, в котором отдельные участники движения видели отход от провозглашенных им принципов, от тех задач, которые стояли перед ним как перед движением религиозным.

Особенно отчетливо политиканство лидеров РСХД проявляется после того, как заметную роль в руководстве движения начал играть ярый антисоветчик Никита Струве. Его деятельность в качестве редактора «Вестника Русского студенческого христианского движения» привела это издание к повороту в сторону откровенного антисоветизма. Это еще более усугубилось, когда на Западе оказались эмигранты из Советского Союза, променявшие свою Родину на обещанный им «буржуазный рай». Среди них были так называемые инакомыслящие, заявившие о своем неприятии советского строя, а также лица, которые выехали из СССР в Израиль, но осевшие в европейских странах, так и не добравшись до «земли обетованной».

В настоящее время «Вестник» мало чем отличается от других выходящих на Западе антисоветских изданий, содержание которых составляют ложь и клевета на советский строй, тенденциозная информация о Советском Союзе. И в этом нетрудно убедиться, перелистав отдельные номера этого издания, вышедшие в последние годы.

Листая «Вестник»

С февраля 1974 г. «Вестник» получил новое название. В нем исчезло слово «студенческое». Он стал именоваться просто «Вестником Русского христианского движения». В редакционной статье, опубликованной по этому поводу, говорилось о том, что, сохраняя свои «прежние идеалы», издание становится печатным органом «чего-то большего». Чем же?

В данном случае авторы редакционной статьи, подразумевая то, что в ряды движения влились покинувшие Советский Союз отщепенцы, именовавшие себя «инакомыслящими», предприняли попытку превратить «Вестник» в орган своего рода «инакомыслия», рассчитывая сделать его действенным оружием в борьбе против сил социализма. С откровенной беспардонностью на обложке журнала, где ранее печаталось «Париж — Нью-Йорк» — места его издания, редакторы «Вестника» стали добавлять слово «Москва». «Мы дерзновенно прибавляем «Москва»,— писали они,— хотя по условиям сегодняшнего дня никакой постоянной и организованной связи с ней быть не может».

Действительно, дерзновенно и ничем не оправдано, хотя смысл подобной акции можно понять. «Вестник» объявил о том, что он будет в большей степени помогать «духовному возрождению в России», а следовательно, оказывать поддержку тем отдельным лицам, которые враждебно относятся к советскому строю,

экспортировать чуждые советским людям идеи, подстрекать к сопротивлению государственной власти. Иными словами, на повестку дня встал вопрос о прямом вмешательстве в жизнь нашего государства.

И отнюдь не случайно страницы журнала были предоставлены матерым антисоветчикам, вроде Солженицына, имя которого появляется едва ли не в каждом номере. Печатаются отрывки из его произведений, приводятся его высказывания, публикуются его речи, письма, обращения.

Редакторы «Вестника», который продолжает оставаться официозом РСХД, предоставляют страницы издания для материалов, искажающих современную жизнь в Советском Союзе, восхваляющих тех церковных иерархов, которые во главе с патриархом Тихоном были организаторами церковной контрреволюции. Они не останавливаются даже перед кощунственными попытками возвести в ранг героя-освободителя предателя Власова, а заодно и обелить его приспешников, сотрудничавших с гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны.

Характер подобного рода публикаций определяется тем, что в числе авторов постоянно выступают лица либо высланные из Советского Союза и лишенные гражданства СССР, либо выехавшие на Запад и подвизающиеся ныне на ниве антисоветизма. Как ни парадоксально, в христианском журнале печатаются материалы ярых сионистов, которые в искаженном виде преподносят положение евреев в СССР. Так, постоянным его автором стал сионист М. Агурский, присылающий свои опусы из Израиля. Появилась даже рубрика «Христианство и иудаизм», где печатаются статьи, с одной стороны, рекламирующие сионизм, а с другой — пропагандирующие антикоммунизм.

В значительной степени направленность журнала определяется позицией Н. Струве, которая недвусмысленно определена в написанных им передовых статьях. Струве пытается оправдать отход от сугубо религиозных проблем, активное вторжение «Вестника» в мир политиканства. В передовице, опубликованной в № 100, он, в частности, заявляет, что «в церкви движение видит не только «сокровищницу», не только «святыню», но творческую силу, призванную преображать мир». Многие, по его словам, хотели бы, чтобы «Вестник» ограничивался узкоцерковными проблемами, но он-де не может стоять в стороне от «грядущего преображения жизни».

Еще более отчетливо эта позиция изложена в передовице к № 121 «Вестника», носящей весьма недвусмысленное название «Какими средствами бороться за церковь?». Ссылаясь на апостола Павла, который якобы выступал «как гражданин римского государства и требовал от римских властей строгого соблюдения законности», Н. Струве заявляет, что христиане должны активно вмешиваться в общественно-политическую жизнь, «требовать от власти, чтобы она исполняла свое божие назначение, соблюдала законность и осуществляла справедливость». По-своему трактуя библейский принцип, он подчеркивает, что власть может быть и не «от бога», превратиться в «богоборческого зверя». И христиане обязаны содействовать тому, чтобы власть исполняла ту функцию, «которая ей определена богом» (Вестник РСХД, 1977, № 121, с. 4—5).

Выводы из этих рассуждений следуют вполне однозначные. И они находят выражение в той деятельности Русского студенческого христианского движения, на которую направляют его лидеры. А эта деятельность все больше и больше выходит за рамки религии, и вряд ли сегодня могло бы кого-нибудь удивить, если бы в названии движения исчезло слово «христианское», точно так же как из названия «Вестника» было изъято слово «студенческое».

Характерным для публикаций «Вестника» является то, что из плана чисто теоретического, как это было еще несколько десятилетий назад, они переходят в план практический. Религиозно-философские статьи заменяются материалами, провоцирующими конфликт между верующими и неверующими, подстрекающими верующих к активной борьбе против «богоборческой власти» в СССР. В ход идут отнюдь не новые клеветнические измышления о попытках физического уничтожения религии в Советском Союзе (подобные домыслы еще два десятилетия назад обнародовал Н. Струве в своей книге «Христиане в СССР»), о гонениях на церковь и верующих и т. д.

Источниками для этого служат разного рода письма и заявления ряда находящихся в Советском Союзе лиц, которые давно находятся не в ладах с Советской властью и пытаются «прославиться» в качестве «бор-

цов» за права человека, снабжая тенденциозными писаниями западную реакционную прессу. В «Вестнике» постоянно мелькают имена Г. Якунина, Л. Регельсона, Е. Барабанова и некоторых других инакомыслящих, представляющих якобы «религиозную оппозицию» в СССР. На самом же деле никого они не представляют, а являются просто клеветниками, пытающимися сделать себе карьеру на ниве антисоветизма.

Вырождение «Вестника», как и всего Русского студенческого христианского движения, помимо прочего проявляется и в том, что на место игравших в нем значительную роль видных религиозных философов Бердяева и Зеньковского, Булгакова и Франка приходят дилетанты-недоучки, единственным багажом которых служат ложь и клевета на советский строй. А это, в свою очередь, приводит к тому, что движение все в большей степени теряет свою специфику, превращаясь в практически ничем не отличающуюся от других антисоветскую организацию, использующую в своей деятельности стандартный набор методов антисоветской пропаганды.

Правда, движение продолжает именоваться христианским, а это обусловливает специфику его антисоветизма. Стремясь доказать «утопизм марксизма» и его реального воплощения в построенном в нашей стране социалистическом обществе, идеологи РСХД облекают систему своих доводов в религиозную форму и выдвигают в качестве единственного выхода из тупика, в который якобы привел Россию путь социализма, иной путь — христианский. Но, отрицая классовое деление общества, классовую борьбу, не желая видеть несправедливостей окружающего мира, они, по сути дела, увековечивают эти несправедливости, ибо христианский путь «любви», а не коммунизм на самом деле является утопией. И утверждение, что «добро сильнее зла, любовь, а не ненависть и классовая борьба является подлинной силой прогресса» (Вестник РСХД, 1973, № 107, с. 164),— это не подтверждаемая человеческим опытом утопия, далекая от реальности.

В то же время идеологи РСХД не желают видеть успехов Советского Союза, тех разительных перемен, которые произошли на нашей земле за годы Советской власти. Они не желают считаться с реальностью, живя в мире безжизненных схем, руководствуясь лишь чисто субъективными представлениями.

На протяжении всей истории РСХД ее лидеры говорили о неразрывной связи движения с Россией. Эта связь особенно подчеркивается сейчас, хотя она основывается лишь на участии в движении ряда лиц, сравнительно недавно покинувших Россию. Вряд ли это дает право говорить серьезно о какой-либо действительной связи РСХД с Россией. Но руководителям движения крайне важно поднять его авторитет, показать тем кругам, которые оказывают ему материальную и моральную поддержку, что оно существует не зря. Отсюда и проистекают заявления о том, что движение оказывает влияние на советских граждан, «помогает встать на ноги зародившейся христианской общественности». В данном случае желаемое выдается за действительное, равно как и утверждение, что в России «Вестник» «ждут с нетерпением, зачитывают до дыр» (Вестник РСХД, 1973, № 107, с. 253).

На самом же деле РСХД не имело никогда живой связи с Россией. Предпринятые в последнее время попытки установить контакты с «инакомыслящими христианами» в СССР, публиковать их писания вряд ли могут дезориентировать широкое общественное мнение в этом отношении. Стремление поднять престиж переметнувшихся на Запад бывших советских граждан, ныне сотрудничающих с РСХД, зачастую выглядит по меньшей мере смехотворно. Статьи о поэзии Ю. Домбровского не сделают его большим писателем, а опусы вроде напечатанного в № 123 «Вестника» под претенциозным названием «Пушкин и Бродский» ничего, кроме иронии, вызвать не могут.

Что касается измышлений о положении религии и церкви в СССР, то они черпаются из реакционной западной прессы, из клеветнических заявлений отдельных отщепенцев.

Видимо, понимая, что разглагольствования о вкладе РСХД в борьбу за «преобразование России» уже изрядно поднадоели и нужны какие-то практические действия, которые могли бы показать реальные «заслуги» движения на ниве антисоветизма, в последнее время оно активизировалось в отношении засылки религиозно-пропагандистской литературы в СССР под видом «помощи верующим в России». РСХД организует сбор средств для приобретения литературы на русском языке и контрабандной засылки ее в СССР.

О какой же литературе идет речь? О религиозной? Отнюдь нет. В специальном листке, в котором руководство РСХД призывает всех присылать деньги и книги, дабы помочь «духовному возрождению» советских людей, говорится, что «священное» писание посылать не надо, что нужны книги богословские, философские, журналы «Вестник», а также писания Франка, Бердяева и других. Эти последние имена позволяют понять, что интересуют РСХД прежде всего работы тех русских религиозных философов, которые выступали с антикоммунистических позиций, пытались доказать несостоятельность марксистского учения, несостоятельность социалистического пути развития России, предлагая взамен его путь неохристианства. Эти идеи и стремятся распространять в Советском Союзе те, кто в настоящее время стоит во главе Русского студенческого христианского движения, не останавливаясь перед далеко не праведными путями их распространения и солидаризуясь в этом с карловацкими раскольниками, много лет экспортирующими в СССР контрабандным путем подрывную литературу.

Засылают они в нашу страну и произведения Солженицына, грязные антисоветские пасквили западных сочинителей, которые любой ценой стараются очернить советский образ жизни, социалистическую действительность. Уместно поставить вопрос, почему распространением этих изданий занимается организация, которая носит название христианской? Ведь они не имеют никакого отношения к религии, написаны сплошь и рядом людьми неверующими. Разве не свидетельство это прямого участия РСХД в антисоветских пропагандистских акциях?

Впрочем, свидетельств таких можно привести много. И еще одно из них — публикация на страницах «Вестника» материалов, имеющих откровенную политическую окраску. При этом зачастую даже не делается попыток облачить их в религиозные одежды, как-то увязать с христианскими взглядами и представлениями, хотя в «Вестнике», как и прежде, подчеркивается, что он призван помогать выработке христианского мировоззрения, готовить «защитников церкви».

Справедливости ради уместно заметить, что временами лидеры РСХД все же вспоминают о назначении руководимого ими движения. Они организуют съезды,

разного рода встречи христианской молодежи, порой обсуждают богословские проблемы, которые им и надлежит обсудить. Но все это даже в официозе движения занимает второстепенное место, а на первое выдвигается совсем иное, определяющее фактически деятельность РСХД.

Давно прошли времена Пшерова и Хопова, времена юношеских порывов и иллюзий, которые строили молодые люди, стоявшие у истоков Русского студенческого христианского движения. Нескончаемые восторги, которые вызывались выступлениями Бердяева и Булгакова, Зеньковского и Зандера, сменились пессимизмом и разочарованием. Ушла молодость, наступила старость. Явно или неявно у многих членов движения проявилось неверие в тот путь, который они для себя избрали. Задача движения, которую некогда сформулировал Бердяев, оказалась несбыточной. Все получилось наоборот: произошло не «оцерковление жизни», а обмирщение религиозной жизни. Движение вынуждено было стать на путь решения сугубо мирских задач, подчиниться законам жизни, расплачиваться делом с теми кругами, от которых получало поддержку и с помощью которых сумело выжить в водовороте событий современной эпохи.

Утопические прожекты идеологов РСХД никому не были нужны, и движение оказалось перед необходимостью повернуться лицом к реальности.

Иллюзии и реальность

Быть может, кто-то из последователей РСХД и поныне живет в мире несбыточных грез, перечитывая пожелтевшие от времени номера «Вестников», воскрешающие страницы истории движения. Нынешние судьбы движения вполне определенны. Оно стало придатком буржуазного пропагандистского аппарата, прилагая усилия к тому, чтобы играть роль своеобразного центра, связывающего западный мир с якобы расширяющимся в СССР «духовным возрождением». В ход идут самореклама, самовосхваления, дабы привлечь к себе внимание западных покровителей, ибо, несмотря на получаемые подачки, положение РСХД явно незавидное.

И не случайно то и дело руководители движения взывают к помощи, обращаясь к организациям и к от-

дельным лицам оказать РСХД финансовую поддержку. Ради этого они прибегают к откровенной лжи, расписывая свои заслуги. В опубликованном в первом номере за 1978 г. «призыве», подписанном нынешним председателем РСХД архиепископом Сильвестром, вице-председателями А. Шмеманом и А. Князевым и секретарем движения Н. Струве, говорилось, например, о том, что в результате деятельности РСХД в России «ширится процесс духовного раскрепощения, избавления от страха перед режимом, тысячи вчерашних атеистов возвращаются к вере и церкви».

Все это можно было бы принять за юмор, если бы не говорилось вполне серьезно. Разумеется, подобные сказки рассчитаны на людей, которые не знают нынешней России, живут представлениями, которые формируются у них под влиянием западной прессы, искажающей действительное положение вещей. Только человек, находящийся в полном неведении относительно Советского Союза, может поверить всему этому.

А чего стоит содержащееся в том же «призыве» утверждение, что ««Вестник» стал одним из самых популярных журналов в России», а это будто бы говорит «о популярности идеологии движения в сегодняшней России, об уважении к нему». Поистине идеологи РСХД в самовосхвалении преступили все границы.

Для того чтобы заручиться свидетельством «авторитетов» на этот счет, лидеры движения обращаются к разного рода антисоветчикам, которые расточают похвалы своим единомышленникам, выступающим от имени РСХД. Как высочайшую оценку своей деятельности они преподносят слова Солженицына, который заявляет, что, будучи «постоянным и последовательным читателем «Вестника», не находит другого чтения на русском языке, которое «давало бы такую высокую духовную вертикаль» (Вестник РСХД, 1977, № 122, с. 6). Оценка весьма недвусмысленная, и то, что официоз движения дает «духовную вертикаль» матерому антисоветчику,— свидетельство его политической направленности. Не удивительно, что Солженицын выделяет «Вестник» среди других зарубежных изданий на русском языке. Ведь именно в «Вестнике» он находит то, что импонирует ему в наибольшей степени.

Что касается роли этого издания, как и всего Русского студенческого христианского движения, в духовном влиянии на советских людей, то о ней вообще нельзя говорить сколько-нибудь серьезно. Сравнительно небольшая эмигрантская группа, свернувшая на путь откровенного антисоветизма, не только не оказывает никакого влияния на наших людей, но в подавляющем большинстве случаев вообще им неизвестна. И если мы ведем разговор о ней, то совсем не потому, что видим в ней какую-то политическую силу, какую-то опасность для нашей страны, а для того, чтобы дать отповедь фальсификаторам и дезинформаторам, стремящимся отвести РСХД несвойственное ему место в современной идеологической борьбе.

РСХД стремится укрепить связи с сегодняшней Россией, устанавливая контакты с ничтожной кучкой так называемых инакомыслящих, тех, кто желает покинуть пределы СССР или уже их покинул. Им предоставляется место для выступлений на страницах «Вестника», им создается реклама. Но ведь совершенно очевидно, что отнюдь не они являются подлинными представителями сегодняшней России и не имеют никаких прав говорить от ее имени. Выдавая их голоса за «голос России», лидеры движения просто-напросто идут на подлог.

В наши дни движение переживает тяжелый кризис. Собственно, трудностей на его пути всегда было немало, ибо само по себе оно возникло и сложилось на зыбкой почве. Именуемое «русским», оно никогда не имело связей с русской действительностью. А это заранее предопределило его несостоятельность. Ныне, когда неизмеримо возрос авторитет Советского Союза на международной арене, когда в условиях развития культурных связей на Западе все больше и больше узнают о нашей стране, общественность становится труднее дезинформировать, как это пытаются делать приверженцы РСХД. Те, кто материально поддерживал движение, понимают его бесперспективность и не проявляют желания делать ставки на заведомо проигрышные номера. Это и заставляет руководство РСХД взывать о помощи, чтобы не дать погибнуть «центру православия и русской культуры» за границей. Вот даже как именуют они себя!

Но сегодня все это уже никого обмануть не может. Как не могут обмануть пророчества идеологов движения о том, что 70-летие революции в СССР уже праздноваться не будет, ибо «советский опыт оказался раз-

венчанным» (Вестник РСХД, 1977, № 122, с. 3—4). Это иллюзии, которыми они себя тешат, ибо трудно предположить, что сами верят собственным пророчествам. Но те, кто пока еще находятся под их влиянием, должны иметь какую-то перспективу. И если реальной перспективы нет, надо идти на обман, расписывать будущее в радужных тонах, давать явно несбыточные обещания, не давая затухнуть вере, которая поддерживает в какой-то мере движение.

Стремление выйти за пределы тех задач, которые были поставлены перед РСХД в период его возникновения, находит теоретическое обоснование в писаниях руководителей движения. Так, например, протоиерей А. Князев пишет: «В современной мировой религиозной конъюнктуре такая организация, как РСХД... не может не видеть для себя новое призвание — откликаться не только на одни местные нужды, но вести работу, отвечающую на религиозные искания как России, так и всего христианского Запада. Конечно, нельзя не остановиться перед грандиозностью такого задания. Но надо осознавать неизбежность его принятия для всякой православной организации, ставящей для себя миссионерские цели перед религиозным положением всего современного мира» (Вестник РСХД, 1971, № 100, с. 29).

Размах, как видим, широкий. Но и это иллюзии, рассчитанные на обман общественного мнения, а заодно и еще одна попытка преувеличить роль и значение РСХД. А они отнюдь не изменились после того, как получили подкрепление в лице людей, покинувших Родину и готовых на все ради заработка. Напротив, пополнение рядов движения за их счет еще в большей степени скомпрометировало его, обнажило его сущность как антисоветской организации, поставившей себя на службу западной реакционной пропаганды.

Да, таким и предстает Русское студенческое христианское движение в настоящее время, все более смыкаясь с карловацким расколом, несмотря на некоторые расхождения во взглядах, которые практически принципиального значения не имеют. Ведь та же активная деятельность по контрабандной пересылке религиозно-пропагандистской литературы в Советский Союз лишь повторяет то, чем издавна занимаются карловчане через созданное ими братство «Православное дело». А проповедь антисоветизма, более откровенная и настойчивая, чем несколько десятилетий назад, свидетельствует о неизбежном, в конечном счете, смыкании путей всех тех организаций, которые стоят на одних и тех же позициях, хотя как будто и расходятся в представлениях о формах и методах борьбы против Советской власти. И если не так-то давно могло показаться, что карловацкий раскол и Русское студенческое христианское движение говорят на разных языках, теперь совершенно очевидно, что они имеют общий язык, общие цели и общие задачи. И этим общим является их антисоветизм, попытки любой ценой повернуть историю вспять.

Тщетные надежды! Тщетны и их ориентация на западную реакцию и их упования на то, что «религиозное возрождение» даст импульсы для перемен в Советском Союзе, ожидаемых ими почти шесть десятилетий. Еще одна иллюзия, ибо нет никакого «религиозного возрождения», а равно и надежд на перемены. И этим предопределяется участь Русского студенческого христианского движения, не имеющего будущего.

В планах клерикального антикоммунизма важная роль отводится разного рода религиозным организациям, поставившим своей целью евангелизацию населения СССР и других социалистических стран. «Славянская миссия», «Подпольная евангелизация», «Иисус для коммунистического мира», многие другие миссии и братства пытаются оказывать постоянное идеологическое воздействие на граждан социалистических государств. Миссионерство служит для них прикрытием деятельности, сплошь и рядом выходящей за рамки религии.

Достаточно познакомиться с деятельностью чрезвычайно активизировавшейся в последние годы организации, которая носит название «Славянская миссия». Ее руководители утверждают, что они проявляют заботу лишь о том, чтобы как можно больше людей в славянских странах узнали о «спасительной вести» Иисуса Христа, последовали за ним и тем самым обеспечили бы себе спасение в потустороннем мире, но их слова расходятся с делами, весьма далекими от тех, что декларируются. Об этом красноречиво говорят факты. А их немало. Это и содержание литературы, которую стремятся нелегально провозить в нашу страну эмиссары «Славянской миссии», и их попытки собирать тенденциозную информацию о положении религии и церкви в социалистических государствах, и различные провокационные акции, к которым прибегают западные миссионеры.

В предлагаемом очерке рассказывается об одной из таких акций, которая, подобно многим другим, не увенчалась успехом.

Кому это выгодно?

«Добрые советы»

— А это брат мой во Христе, Эрланд...

И Стефан кивнул в сторону длинноволосого молодого человека, только что смиренно переступившего порог комнаты.

Столь неожиданное и таинственно-странное — не сразу вдвоем, а по очереди — появление «братьев» не вызвало, однако, удивления хозяйки. Догадывалась: так нужно, конспирация!..

Все шло по плану, детально разработанному еще там, дома, в Стокгольме, согласно «добрым советам» штаб-квартиры. «Добрые советы»... Именно так был озаглавлен лист с подробными инструкциями-наставлениями, полученными в канун отъезда в Москву. Еще

там, дома, лист был разорван на мелкие клочья. Теперь осталась только память. И по части адресов тоже. Без всяких бумажек, справочников, ничего не спрашивая у встречных, уверенно следовал Стефан — он за главного — к нужному дому, будто всю жизнь прожил в Киеве и именно в этом районе. На метро до станции «Большевик», а там уже рукой подать до «брата» Якова Гавришева.

А законы конспирации продолжали действовать. Сперва в дом зайдет Стефан, а минут через десять Эрланд.

Хозяйка встретила радушно:

— Присаживайтесь, гости дорогие. Обедать будем...

Вскоре появились Иван Левчук, Михаил Михайлов, известные Стефану люди, активные деятели неофициальной общины[1]. Все, что можно и нужно было сказать о них, сказано в Стокгольме, в штаб-квартире.

А вот и хозяин. Разговор идет оживленный, общий. Стефан за переводчика: он хорошо владеет русским. Говорят больше хозяева, а гости слушают и лишь изредка задают вопросы. Поначалу говорят туманно, иносказательно, но понять можно: их не устраивают условия регистрации религиозных общин в СССР, они против «мирских законов». Стефан ставит несколько вопросов, формулируя их хитро, с закавыкой. Ему надо выяснить — так шеф требовал — взаимоотношения зарегистрированных общин с теми, кто, противясь закону, не хочет регистрироваться. А потом уже без закавыки, напрямик:

— Я попросил бы привести факты, на основании которых можно сделать выводы о том, что в СССР преследуют верующих.

Худощавый, подвижный, он поднялся с места и молча стал мерить шагами комнату. Потом остановился, и снова вопрос в упор:

— Что скажете?

Брат Яков бормочет, называет какие-то две фамилии и тут же спешит добавить:

— Люди эти отказались служить в армии. А власти за такое по головке не гладят...

Разговор удовлетворяет Стефана пока не в полной мере. Договорились еще об одной встрече.

[1] Это общины, не признающие советских законов о религиозных культах.

А сейчас надо мчаться в другой конец города, к Вере Шупортяк. И снова конспирация. Стефан войдет первым. Если он не выйдет из дома Веры минут через десять, значит, Эрланд может быть спокоен: его тоже ждут.

С благодарностью принято очередное пополнение пропагандистского арсенала, все то, что может быть использовано против «мирских властей». И снова Стефан допытывается: каково оно, соотношение сил среди верующих, тех, кто лояльно относится к Советской власти, и тех, кто не хочет признать ее законы. Уставившись на хозяйку дома своими острыми, холодными глазами, которые многое повидали за неполных тридцать два года, он елейным голосом говорит:

— Нам нужны материалы о том, как Советское государство преследует за веру. Мы ваши братья. Хотим помочь вам...

И, с хрустом пережевывая огурцы — гостям предложен ужин,— Стефан лихорадочно делает какие-то заметки в своем блокноте.

...Вечером в гостинице, в номере туристов, раздался телефонный звонок. Трубку снял Стефан. Кто-то по-английски попросил его к телефону, назвав при этом настоящую фамилию эмиссара. Он не сразу обрел дар речи: для всех киевских знакомых турист — «брат Стефан». Кто он, этот человек, назвавший его фамилию? И Стефан не отозвался, пока не услышал:

— Говорят из бюро сервиса.

— Да, да... Я вас слушаю...

— Завтра в десять утра в холле вас ждет гид. Вам предлагается экскурсия по Киеву.

Для бюро сервиса это будни, это естественно, как вдох и выдох. Для «туристов» — непредвиденное осложнение. Как среагировать? Кажется, другого выхода нет.

— О, прекрасно! Мы благодарим вас...

Эмиссары, едва ступив на советскую землю, легко освоились с мыслью, что никакие они не туристы и приехали сюда отнюдь не для того, чтобы любоваться красотами природы и архитектурными памятниками Ужгорода, Львова, Киева, Москвы, Смоленска. Но прикрытие есть прикрытие, нельзя пренебрегать им. И при всей заполненности дней их жизни в Советском Союзе делами, весьма далекими от туризма, пришлось с утра отправиться — будь она неладна! — на экскурсию. Молодой гид, влюбленный в свой родной город, восторженно говорил о древнем Киеве, окунался в историю и снова возвращался к сегодняшнему дню. Но при всем этом гид не мог не заметить, что опекаемые им иностранцы не проявляют никакого интереса к экскурсии. Гости, кажется, считают ее принудительной. Стефан демонстративно поглядывает на часы, давая понять: «Закругляйтесь, молодой человек, пора кончать...»

В 13 часов, не скрывая радости, они расстались со своим гидом. Это была их первая и последняя экскурсия за все 12 дней пребывания в СССР. Какое им дело до чудесного Днепра, до Вечного огня на могиле солдат, отдавших жизнь за спасение человечества от фашизма? У них полно других забот. Через час на квартире Веры Шупортяк должно состояться важное для них свидание. Туда приедет жена «великомученика» проповедника Георгия Винса, осужденного за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй.

Отступление первое

Советские законы исключают какое-либо ущемление прав верующих, преследование граждан за религиозные убеждения. Но еще в декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» было решительно подчеркнуто, что свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка, не сопровождаются посягательствами на права граждан. И всякое такое нарушение дает органам власти право принимать необходимые и порой весьма строгие меры. Были приняты меры и в отношении Георгия Винса, одного из руководителей самозваного так называемого «совета церквей».

Впервые Винс был осужден советским судом в 1966 г. за организацию тайного издания «Братских листков», журнала «Вестник спасения» с призывом не выполнять советские законы о религиозных культах, за клеветнические измышления, порочащие наше государство. Проведя три года в местах, достаточно отдаленных, он вернулся в Киев. Жить так, как живут все советские граждане, не пожелал. И прежде всего

не пожелал трудиться. Инженер стал тунеядцем. А как быть с семьей? В ход пошли солидные поборы с единоверцев. Нигде не работая, он продолжал свою неблаговидную деятельность.

Винс организует нелегальные собрания с проповедями, в которых религия — лишь прикрытие для клеветнических измышлений об отношении Советского государства к церкви. Свадьба Шупортяк усилиями Винса превращается в сборище фанатиков, на котором он, Винс, проповедник, выступает с подстрекательской речью, с призывом к братьям и сестрам не соблюдать советские законы, не участвовать в общественной жизни, наглухо отгородиться от общества. А среди слушателей много юношей и девушек. И это его очень устраивает.

Пастырь не брезговал и провокациями. Служил в Советской Армии солдат Иван Моисеев. Был он из семьи верующих, баптистов. Службу нес хорошо, несколько раз объявляли ему благодарность и даже поощряли — на десять суток отпустили домой повидаться с родными. И вот однажды случилась трагедия. Солдат купался в Азовском море недалеко от Керчи и утонул. Все, кто был на берегу — отдыхающие, врачи, местные жители,— более трех часов боролись за жизнь солдата. Спасти его не удалось. Как того требовал закон, была экспертиза, следственные органы оперативно провели расследование печального происшествия и установили: роковая случайность. Товарищи Ивана Моисеева по службе немедля сообщили родителям, выразили соболезнование, и гроб с телом Ивана был отправлен в Молдавию, в село, где проживали отец и мать покойного. И вот тут-то на арене появились Винс и иже с ним. Срочно стряпается лживая версия о «мученической смерти юного брата во Христе»; Иван пострадал за веру, в армии его до смерти довели.

В печати появляются гневные письма советских воинов, осуждающие кощунственные домыслы. Брат покойного солдата Семен Моисеев тоже выступает в печати. «Не могу молчать,— пишет он,— когда кое-кто плетет всякую чепуху, замахивается на наши советские порядки, бросает тень на советских людей». Семен изобличает провокаторов. На похоронах они подсовывали людям чистые листки бумаги, требуя поставить свои подписи. А дальше уже начинал действовать «аппарат» Винса. На Западе пошла в ход сочиненная от имени «родителей и односельчан» фальшивка — «Дело Изана Моисеева». Эхо пропагандистской шумихи разносится по многим странам: «Солдат Иван Моисеев пострадал за веру». «Дело Моисеева» становится темой номер один клеветнических статей и радиопередач разных «голосов» Запада. Где-то печатаются листовки, подготовленные Винсом и его соратниками. Листовки тайно переправляются на Запад.

Между тем органы Советской власти стали получать письма, полные недоумения:

«Как же так, ходит по нашей земле тунеядец, нигде не работает, занимается пакостными делами и живет припеваючи?»

Инженеру Винсу было предложено поступить на работу. Спокойно, вежливо разъяснили ему, что наше общество не терпит тунеядцев. Секретарь неофициально действующего «совета церквей» — это не работа. Инженер Винс отказался подчиняться закону. Дело о паразитическом образе жизни Винса перешло в суд. Было принято решение трудоустроить его по специальности в принудительном порядке. После десяти лет тунеядства за счет поборов с верующих работа в лаборатории показалась ему архитягостной. И через три месяца проповедник, сбежав с производства, стал укрываться и от семьи и от правосудия. Выходящий в американском городе Честер журнал «Посланец правды», издающийся на средства антисоветчиков и украинских националистических центров, с прискорбием сообщил читателям о «героической смерти» от голода в советских застенках двух видных «борцов за веру» — Г. Винса и И. Бондаренко: «Эти славные герои оставили для нас не только большие могилы, но и вдохновляющие примеры высокого духа в борьбе за веру евангельскую». А «славный герой» Г. Винс тем временем весело гулял на шумной свадьбе брата во Христе И. Бондаренко...

Но долго скрываться от правосудия не удалось. Был суд. И Винс был осужден. А на Западе снова поднят шум, бьются в истерике оголтелые антикоммунисты, прикрывающиеся церковным саном, мастера всяких фальсификаций, идеологических диверсий: «Спасите Винса!»

Что еще можно предпринять, в какие колокола ударить, чтобы нажить на «деле Винса» политический

капитал, да покрупнее,— вот что больше всего интересует «брата» Стефана в беседе с супругой пастора. Потом разговор переходит на дела житейские. Мадам Винс жалуется на здоровье, и Стефан с готовностью предлагает: «Может, вам какие-нибудь шведские лекарства прислать?.. А может, еще что посущественнее?» И испытующе смотрит на собеседницу. В глазах ее вспыхивают хищные огоньки. Да, есть заботы и посущественнее...

Беседа их затянулась, и Стефан нервничает. Слишком уплотнен «рабочий» график. Сегодня надо снова повидаться с «братом» Яковом. Успеть бы! Он ждет их в метро.

«Туристы» долго блуждали по улицам города — так требуют «Добрые советы»,— пока вновь не нырнули в метро. На одной из станций вышли, сели в автобус и помчались по Харьковскому шоссе. Небольшой переулок. Одноэтажный домик. Здесь их уже ждут все те же знакомые по первой встрече. Стефан внимательно оглядывает это небольшое сборище: «Что скажете? Чем сможете порадовать?»

Разговор долгий, но сегодня он уже вполне устраивает гостей.

...Плотно закусили. Гуляли по саду. Говорили о радиостанции «Ибра» в Португалии, она на русском языке передает религиозные проповеди, ловко начиненные антисоветчиной, ложью, измышлениями «слуг господних». И снова запись в блокноте — шеф особо подчеркнул: «Надо узнать, как нас слушают».

Расходились тайно. Поодиночке. С интервалами. Оглядываясь по сторонам.

Ночью Стефан уничтожит все записи и будет заносить шифром в свой блокнот всю ту гнусную информацию, что удалось ему заполучить в Киеве у нужных людей.

Нужные люди! «Братья» Стефан и Эрланд и их хозяева знают, с кем им дело иметь. Их не интересуют просто верующие, так сказать, рядовые в пастве. У «братьев», у их шефа на учете та небольшая кучка из числа вожаков, активистов неофициальных баптистских общин, из числа, я бы сказал, отщепенцев в семье верующих, что пробавляются подачками с Запада, что торгуют пасквилями, клеветническими письмами — вы мне шведское пальтишко, магнитофончик, а я вам — «дело солдата Моисеева», «дело проповедника Библенко»... Эти торговые свои операции «братья» вершат в глубокой тайне — а что, если верующим станет известно, кто есть кто, если откроется перед ними истинное лицо пастырей, «борцов за свободу совести». Скандал! И, сунув кому рублевку, а кому костюм, сшитый в Стокгольме, «брат» Стефан держит эту акцию в строжайшем секрете. Он шифром записывает и про беседу с «братьями» и «сестрами», и про душещипательный разговор с мадам Винс. И конечно, отчет о «дарах», о том, кому сколько и чем плачено.

...«Туристы» покидали Киев в самом радужном расположении духа. Программа реализуется успешно. В бережно хранимом блокноте есть записи, которые после небольшой обработки — а мастера на сей счет имеются — можно передавать в прессу и радио антикоммунистов. Правда, записей таких пока немного. Но впереди Москва, там главные встречи, главные беседы. А в пути снова работа. Надо знать, где можно остановить машину, чтобы в случае надобности вскрыть имеющийся в ней тайник.

Ба, знакомые все лица!

...Голландец Теодор Фоорт, слушатель Ленинградской духовной академии, весной 1976 г. для коротких пасхальных каникул избрал Стокгольм. Позже станет известно, что поездка в Швецию была отнюдь не туристским вояжем. Его ждало там дело, не имевшее ничего общего с богословием. Разговор о «деле» состоялся в штаб-квартире «Славянской миссии», обосновавшейся на окраине Стокгольма, в тихом квартале частных особняков. Фоорт без труда разыскал дом № 37 по улице Вестерленд и представился там полному мужчине с одутловатым, мясистым лицом. На лице этом не дрогнул ни один мускул, когда Теодор назвался голландцем, но оно сразу оживилось при упоминании Ленинграда.

— Алекс Милитс,— с готовностью отозвался хозяин.

Через несколько минут они беседовали как давние друзья. Милитса интересовал круг знакомых Фоорта в Ленинграде, возможности общения с ними, настроения. Теодор перечислял, а собеседник, кивая головой, коротко бросал: «Кто еще? Еще!» Воспитанник духов-

ной академии мучительно вспоминал близких ему людей, называл имена и профессии, давал беглые характеристики, а Алекс молча мотал головой: «Нет, не подходит». Наконец он решил, что ему следует более точно обозначить круг интересующих его людей. И он это сделал, недвусмысленно дав понять, что его, Милитса, члена «Народно-трудового союза» и корреспондента журнала «Посев», абсолютно не интересуют все названные Фоортом ленинградские знакомые голландца, даже если он ведет с ними самые острые, принципиальные богословские диспуты. Ему, Милитсу, надо знать, есть ли у Фоорта на примете люди, хоть чем-то недовольные Советской властью, обиженные ею или считающие себя обиженными, наказанные ею за что угодно.

Это строки из репортажа «Вторая ипостась Теодора Фоорта», опубликованного в 27-м номере «Огонька» в 1977 г. Я вспомнил о нем сразу же, как только начал листать протоколы допроса «братьев», приехавших в СССР летом 1977 г. под прикрытием туристской визы и бесславно завершивших свой вояж в Бресте. Теперь уже без конспирации, под собственными фамилиями: Сарельд Бенгт-Гуннар — это «брат» Стефан; Энгстрем Нильс-Эрик — это «брат» Эрланд.

— Чье задание вы выполняли? — спрашивает следователь.

— «Славянской миссии».

— Где она находится?

— В пригороде Стокгольма, Бромма, улица Вестерленд, дом 37... Небольшая частная вилла...

— Вы сообщили о том, что некоторым советским людям эмиссары «Славянской миссии» вручали на территории СССР деньги в советских рублях. Откуда попадали в шведскую «миссию» советские рубли?

— Глава «Славянской миссии» Мартинссон как-то сказал мне, что он должен получить десять тысяч советских рублей от Алекса Милитса.

Тогда меня и осенило: ба, знакомые все адреса, лица, фамилии! Воспитанник Ленинградской духовной академии голландец Теодор Фоорт, орудовавший на берегах Невы по заданию «Славянской миссии», был выдворен из СССР. Нам неведомо, где он сейчас, одумался ли, занялся ли настоящим делом, но, приобщаясь к жизнеописанию братьев во Христе из Швеции, мы узнали, что их хозяева, равно как и голландца,— обитатели одного и того же особняка на окраине Стокгольма, дом 37 по улице Вестерленд, продолжают развивать бурную антисоветскую деятельность.

На КПП

Будучи знатоком Библии, магистром философии согласно университетскому диплому, академиком торговых дел согласно его мирской жизни, Сарельд никогда не преувеличивал силу логики, разума и темные дела свои предпочитал укрывать многозначащим девизом: «К вящей славе господней». Как известно — а ему-то это уж в точности известно,— когда-то таким девизом иезуиты прикрывали свои изуверства во имя укрепления владычества папы, им оправдывались страшные преступления против человечества и прогресса. И я легко представляю, как Сарельд и Энгстрем возвращались домой с ощущением радости исполненного долга перед Мартинссоном и богом, как ненадолго останавливались в пути, чтобы не торопясь помолиться, а заодно еще раз глянуть в заветный багажник с тайником и, подмигнув друг другу, сказать: «Отлично мы с тобой, брат мой, поработали! К вящей славе господней!»

Да, шефу хватит надолго этой бочки дегтя, что везут они с собой. И шефу и всем клиентам, всем соратникам его. «Возрадуемся, брат мой!» И снова в путь. И снова течет за горизонт широкая лента асфальта, мчатся навстречу туристские «Волги» и «опели», «фольксвагены» и «Жигули». С бешеной скоростью проносятся поля, живописные белорусские леса и перелески, укутанные в сады коттеджи.

Но по мере приближения к Бресту в радость стала вплетаться тревога. Казалось бы, не впервые, не новичок он в таких операциях, Сарельд Бенгт. С 1963 г. на этой ниве пасется. В седьмой раз совершает вояж в СССР — к нам везет религиозно-пропагандистскую антисоветскую литературу, магнитофоны, пиджаки и башмаки (дары «пострадавшим за веру»), а от нас — все то, что в любой форме, в любой интерпретации можно использовать, дабы очернить, оклеветать Советское государство, его политику и идеологию. Уже в третий раз едет Сарельд по советской земле все на той же машине, все с тем же тайником. Казалось бы,

нет оснований нервничать. Но сердцу и нервам не прикажешь. Вот он, брестский КПП. Волнуясь, Сарельд притормаживает свой «форд-консул-2000». Пошаливают нервы, слегка дрожат пальцы, но надо немедля брать себя в руки, мило улыбаться, весело, на не очень-то чистом русском языке поприветствовать пограничников, инспектора таможни, а главное, психологически убедить себя: «Все, что делаешь ты, делаешь к вящей славе господней». Сразу легче станет!

С явно наигранным спокойствием молодые люди выходят из машины, любезно показывают паспорта, с готовностью раскрывают чемоданы: «Извольте, смотрите!» Затем следует традиционный вопрос: «Есть ли в автомашине предметы, скрытые от досмотра таможни?» «О нет...» — отвечает Сарельд.

Инспектор таможни просит отойти от машины, сейчас он будет осматривать ее. «Туристы» уже не так бойко выполняют указания таможенников. По безупречно гладкому, почти детскому лицу Энгстрема пробегает тень беспокойства. А Сарельд держится: улыбается и даже пытается шутить...

— Я обратил внимание,— рассказывал инспектор таможни,— на резервуар в багажнике. По виду он напоминал топливный бак, к которому, однако, не были подведены ни горловина, ни бензопровод. Показалось подозрительным: для такого типа машины топливный бак слишком мал по объему.

И вот уже ясно — тайник! Инспектор вежливо, но в достаточной мере решительно попросил открыть замаскированный тайник. И тут-то Сарельд сорвался — куда делись приветливая улыбка, шутка, наигранное спокойствие. Он уже был не в силах сдержать накопившееся раздражение:

— Не позволю. Машина принадлежит моей родственнице, и я категорически отказываюсь что-то трогать в ней...

Инспектор доложил начальству, и было решено просверлить в баке несколько дыр, посмотреть, что там лежит. Немедленно приступили к делу. Сарельд неистовствовал, кричал, вырывал из рук дрель, угрожал:

— Вы будете отвечать по всей строгости законов. Я требую выдать гарантийный документ на возмещение всех расходов, связанных с ремонтом машины.

Инспектор молча наблюдал за работой помощников, а Сарельд аж позеленел от злости. Он буйствовал, обрушился потоком гневных слов, ругательств — шведских, английских,— и среди всяких других документов, повествующих о начале этой одиссеи, есть специальный акт, зафиксировавший недостойное поведение Сарельда в ходе таможенного досмотра.

Наконец операция по сверлению дыр закончена, и теперь сотрудники таможни пристально всматриваются: что там, в тайнике? Оказалось, что он до отказа заполнен какими-то бумагами.

— Прошу вас открыть тайник, господин Сарельд.— Инспектор по-прежнему вежлив, предупредителен, строго соблюдает «протокол».

А Сарельд уже потерял контроль над собой. Последняя надежда — золотые руки соотечественников, Роланда Ларссона и Ганса Хабенихта. В «Славянской миссии» они только тем и занимаются, что мастерят тайники в машинах. Авось русские не смогут сами проникнуть в полость, что изнутри накрепко закрыта с помощью специальных стопорных выступов, приводимых в движение электрическими сервомоторами, хитро включенными в специально изготовленную электросеть.

Увы, «золотые руки» подвели. Тайник был вскрыт, и взору собравшихся предстала кипа бумаг, книг, справочников, писем, документов, копии приговоров, обвинительных заключений, всевозможные декларации, заявления, подборка материалов — груда антисоветской печатной продукции.

Мы еще будем иметь возможность детальнее познакомить читателей с содержимым тайника, прокомментировать кое-какие письма и документы.

...Сарельд понял: карта бита, надо выходить на любимую и, как ему казалось, куда более надежную сейчас орбиту — «к вящей славе господней». Он уже не улыбался, но и не хмурился, не шутил, но и не огрызался. В глазах его светилась покорность.

Он смотрит сейчас на окружающих томными, приглашающими к доверию глазами и усталым, ровным голосом просит лист бумаги. Он хочет сделать заявление. Признание? О нет! Признание будет потом, а пока все та же ложь, прикрытая библейскими цитатами, торжественно озаглавленная: «Таможенным властям г. Бреста. Моим ближним. Я верующий. Я поддерживаю братские отношения со всеми христианами,

независимо от того, являются ли они новообращенными или были давно крещены, независимо от того, где они проживают...» Засим — пространное кредо Сарельда-гуманиста, утверждающего, что в Советском Союзе живет большое число христиан, которые, по его словам, якобы преследуются за свои убеждения. Далее следуют призывы к верующим защитить пострадавших...

Хорошо наигранная пластинка! Кто позвал господина Сарельда на помощь «пострадавшим», кто за спиной его — молчок! «Я по собственной инициативе». Живет на белом свете вот этакий сердобольный малый, и, не считаясь с расходами, отправляется в дальние края, в чужую страну «спасать» незнакомых ему людей, и, не считаясь с расходами, мастерит, опять же «по собственной инициативе», тайник в своей машине, и везет груду клеветнических материалов, чтобы оболгать страну, в которой вот уже 60 лет церковь отделена от государства, в Конституции которой записано: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается».

Из биографии «брата» Стефана

Я листаю протоколы первых допросов. Следователям пока немногое удается узнать от находящихся под следствием «туристов». Лишь позже, из их собственных признаний, станут известны подробности путешествия братьев в Киев и Москву. А пока они лаконичны в ответах.

Сарельд Бенг-Гуннар, 1945 г. рождения. Работает частным переводчиком. Живет в Швеции, в Эскильстуне. Путешествовал по маршруту Ужгород — Львов — Киев — Орел — Москва — Смоленск — Минск — Брест. Вместе с ним — Энгстрем Нильс-Эрик, 1951 г. рождения. Ассистент в лаборатории фирмы «Стуракоппарберг».

Некоторые страницы из биографии эмиссаров пока остаются за кадром. Брат Стефан, например, не считает нужным уточнять, что Сарельд — это его вторая фамилия. Под первой, настоящей, Перссон, он в свое время совершил такой же вояж в Ленинград вместе с Маргарет Хек. За враждебную деятельность, прикрываемую религией, их с позором выдворили из города на Неве. Однако акция эта ничему не научила Сарельда. В том же амплуа, с теми же заданиями он отправился в Польшу. Его и оттуда выдворили. Тогда он призадумался: может, перейти на другую орбиту? И отправился миссионером в Иорданию. В 1971-м вернулся домой, исполнив свою «священную миссию» на Ближнем Востоке. И его снова потянуло на советскую землю. Стал оформлять туристическую визу. И вдруг осечка! Отказано. Он ухмыльнулся и сказал ближайшим друзьям: «Считайте, что Перссона Бенгта больше не существует». В «Славянской миссии» появился новый сотрудник — Сарельд.

Еще в гимназии он решил изучать французский и русский. Окончил физико-математическое отделение философского факультета. Магистра философии не увлекла деятельность учителя физики, математики, химии. Он пошел другой дорогой: решил совершенствовать знание русского языка и поступил на курсы... военных переводчиков. Там, по признанию Сарельда, его готовили к допросу будущих советских военнопленных. И готовили, видимо, усердно. Русский язык он знал в совершенстве, что, однако, не мешало ему потребовать: «Допрос вести на английском языке». Ну что же, это его право.

...Следователь объявляет: «Вы подозреваетесь в проведении активной антисоветской деятельности. Признаете ли вы себя виновным?» — «Частично».— «Это ваша автомашина?» — «Нет. Я взял ее напрокат у своей родственницы Ингейерд Линден».

Поначалу Сарельд отмалчивался или ронял более чем лаконичные стереотипные ответы. Но иногда он затевал спор со следователем — на темы религиозные. И случалось, что следователь в полемическом задоре огрызавшемуся, неуступчивому Сарельду наносил удары его же оружием — постулатами Библии: этого «турист» уж никак не ожидал.

Спорили и по одному из самых острых вопросов. Сарельду терпеливо втолковывали, что в Советском Союзе если кое-кого из числа верующих и приходится привлекать к ответственности, то не за веру, а за антиобщественные действия, за несоблюдение законов,

за такое тенденциозное препарирование фактов, которое используется нашими врагами на Западе, а то и попросту за грубую клевету на самое святое для советского человека. Позже Сарельд скажет, что эти беседы открыли ему глаза на многое. Возможно. Хотя более вероятен другой вариант: он и до этих бесед понимал, где правда жизни. Но ему нужна была иная правда, та, что требовалась Мартинссону, его хозяевам и клиентам. А этим нужна не правда, а люди, готовые поставлять в самой разной форме неправду о Советском Союзе: «Караул, преследуют верующих! Нет свободы совести! Помогите».

Отступление второе

В битве за души антикоммунисты готовы использовать любую возможность. Одни ловят «рыбку», сиречь души, в среде интеллектуалов, другие, прикрываясь религией, тянутся к тем немногим руководителям, активистам общин, которые в борьбе за власть, за мирские блага, щедрую подачку готовы действовать по указке идеологических диверсантов, шпионов, проникающих к нам из капиталистических стран. Среди этих других — «Славянская миссия».

...Заседает совет «миссии». В особняке на Вестерленд. Сюда разрешено приходить только особо доверенным. Среди них и Сарельд. Впрочем, сегодня без него, опытнейшего эмиссара, не обойтись. Он докладчик. Он будет рассказывать о своих поездках в СССР, о встречах с «гонимыми рабами божьими», об их настроениях, о расколе в семье баптистов, о соотношении сил в борьбе за руководство, о делах, тайно творимых вожаками «совета церквей».

Мартинссон одобрительно кивает головой, расточает улыбки: «Я же говорил вам, господа. Отлично идут дела. Приятные вести привез нам господин Сарельд от братьев и сестер наших. Раскол среди баптистов нарастает. Нужно действовать активно, расширять круг людей, отправляемых в помощь страждущим под игом безбожной власти... Нужно, чтобы о них знал весь мир».

Шеф «Славянской миссии» потирает руки: в СССР баптисты раскололись и во весь голос заявили о себе так называемые «инициативники», раскольники. Раскольников этих, помнится Мартинссону, в свое время называли прокофьевцами. Но сейчас шефу «миссии» не хочется вспоминать об этом. Когда-то и он, Мартинссон, ставил на эту «лошадку» — господина Прокофьева, идеолога раскольников. Ему казалось, что бунтарь Алексей Прокофьев окажется надежным союзником в борьбе с коммунизмом и коммунистами. Трижды его арестовывали за антисоветскую агитацию и пропаганду, с точки зрения шефа «Славянской миссии», это высшая оценка. Пять с плюсом! Западная пресса изощрялась в сочинении разных небылиц о его «мужестве и стойкости». Человека со средним образованием объявляли «выдающимся интеллектуалом», а сам он, кокетничая с верующими, скромно говорил о себе: «Я наименьший из святых». И вот гром среди ясного неба: Прокофьев отлучен от церкви, «пал в грехе прелюбодеяния». Казалось бы естественным, что падкие на сенсации буржуазная печать, радио поспешат растрезвонить: в России предводителя «братьев во Христе» отлучили от церкви за прелюбодеяние. Похотливым оказался. Бросив жену, завел другую, бросив другую, заимел любовницу, молоденькую. Но о событии этом в буржуазной прессе не появилось ни одной строчки. Не пожелали раскрывать истинные лица «отважных борцов за веру».

Но это уже история. Мартинссон не склонен ворошить ее страницы. А сегодня как складывается ситуация? Он, конечно, не может не знать, что сегодня подавляющее большинство верующих, многие служители культа одобряют политику Советского государства, соблюдают требования закона. Но зато радостно ему читать, слушать донесения своих эмиссаров: в Советском Союзе все еще продолжает активно действовать группа ярых противников Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов — ВСЕХБ, который якобы продался коммунистам и всячески потворствует любым ограничениям деятельности церкви со стороны Советской власти. Он, Мартинссон, отчетливо представляет, что в основе раскола не разное толкование веры, а борьба за власть в секте. Он-то знает, что за расколом — кризис баптистской церкви: оскудевает вера, и многие баптисты потянулись «к миру». Вот и предпринимаются попытки одолеть этот кризис призывами к еще большей замкнутости, к разрыву всяких связей «с миром», требованиями объявить войну

«мирским» властям и их законам. Кое-кто из фанатиков пошел еще дальше: запретить атеистическую пропаганду в школах...

В журнале «Вестник спасения», тайно распространяемом, цинично и откровенно главари раскольников поучали своих приверженцев: «Человеку, если он желает жить по-божьи, приходится идти против течения всего порядка мирского... И, что удивительнее всего, нередко вразрез со взглядами и обычаями большинства верующих... Нужны большая решимость и устойчивость для постоянного исполнения тех обязанностей, которые вершатся втайне».

Яснее не скажешь — втайне вести войну с «мирскими властями» (властями советского народа). Я читал эти призывы в «Братских листках», где-то напечатанных и нелегально изданных «советом церквей». Вожаков этого совета больше всего волнует проблема детей, молодежи. Здесь они требуют особой активности. От слов — к делу. Воевать так воевать с «мирскими властями». Благо в войне этой гарантирована самая активная поддержка Запада, разного толка отщепенцев — и тех, что орудуют в нашей стране, и тех, что предали Родину и окопались в антисоветских центрах за ее рубежами.

Было бы преувеличением говорить о том, что экстремистов-раскольников поддерживают массы верующих. Они потеряли многих своих приверженцев, которые поняли, что курс главарей «совета церквей» — это курс карьеристов, авантюристов, борющихся за власть, личное благоденствие, что курс этот бесперспективен и рассчитан на недалеких, чем-то обиженных людей. С тем большей энергией, не брезгуя никакими средствами, вожаки «совета церквей» стараются представить Западу свое движение «большой оппозицией» Советской власти: чем «больше» оппозиция, тем больше платят. Используя эти материалы, господин Мартинссон устраивает пресс-конференции, дает интервью, заполняет антисоветскими статьями свою газетенку «Свет на Востоке» и подбрасывает солидную порцию «уголька» в антисоветскую топку духовного брата своего, друга и соратника пастора Майкла Бурдо, руководителя созданного в Лондоне специального Центра по изучению религии и коммунизма. («Славянская миссия» действует в тесном контакте с этим центром, скажет позже Сарельд.) Пастор некогда стажировался в Московском университете и в англиканской церкви слывет крупным советологом. Религиозный обозреватель радиостанций Би-Би-Си и «Свобода», он объявляет раскольников «смелыми борцами за свободу», «апостолами XX века». «Они будут страдать, но не пойдут на компромисс с мирской властью». На книжных прилавках появляется «исследование» Майкла Бурдо «Религиозное движение в СССР. Протестантская оппозиция советской религиозной политике». Руководители официально зарегистрированного ВСЕХБ преданы анафеме — это «идущие на компромисс с властями, отступающие от принципов своей веры». Стараниями мартинссонов и бурдо западная пресса запестрела шлягерами: «Оппозиция к Советской власти среди верующих». И летят по разным тайным каналам на Запад и за океан донесения о «размахе движения», о «преследовании за веру».

С перепугу...

Теперь, кажется, настала пора поближе познакомиться с этими донесениями, с содержимым тайника машины «форд-консул», с документами, что должны были попасть в логово идеологических диверсантов. Их можно было бы разделить на две категории: грубая клевета, беспардонная фальсификация и ловко препарированные, тенденциозно поданные факты, искажающие сущность политики КПСС и Советского государства.

Бумаги уготованы для господ Мартинссона, Майкла Бурдо, для приготовления соответствующими радиями соответствующих проповедей и дурно пахнущих статеек, для мартинссоновской газетенки «Свет на Востоке» — ее охотно перепечатывают в «Посеве» и прочих антисоветских изданиях.

Тошно цитировать эти бумаги. И все же одну из цитат привести хотелось бы: «Пробудившиеся от позорного страха ученые и неученые умы колышут сегодня порабощенную Русь, и мы радуемся за таких людей, как Солженицын, Сахаров, Гинзбург, Орлов, Турчин, Бонэр, и многих других».

Вот и радовались бы на здоровье, зачем же заниматься делами, подчеркиваю, делами, за которые закон требует в тюремную камеру сажать? Не для того

ли, чтобы пособить господам мартинссонам и бурдо в Европе, некоторым политическим деятелям за океаном в их антикоммунистической пропаганде?

Вся эта гнусь — клеветнические письма, обращения — заняла сегодня свое место там, где собраны неопровержимые вещественные доказательства. Я долго рассматривал их — и те, что в шкафу следователя, и те, что во дворе: поблескивающий синевой «форд-консул-2000» со вскрытым тайником, отлично теперь рассматриваемым. С отвращением листаем и мерзостные «Братские листки» и отпечатанные на гектографе бюллетени «Совета родственников узников». Один из них был целиком посвящен Винсу, другой — более скромному «деятелю церкви» шоферу В. Хайло из города Красный Луч. В свое время его судили за хищение социалистической собственности. Теперь он занялся «хищением душ» своих же детей. Отец запрещал им заниматься общественной работой, настраивал против учителей и комсомола. Судили его и за дикое изуверство: объявив, что однажды он сподобился узреть «сходящего с неба ангела», шофер не без корысти занялся «изгнанием нечистого у больных...».

Рядом с «Братскими листками» «братский привет из США»: издающаяся там мини-газета «Церковь вокруг мира» предоставила полосу измышлениям «матери советского диссидента Георгия Винса» — так ее и представили на потребу публике. Тут же лежат заявления в Комитет по правам человека в ООН и письмо-благодарность доктору Муну, директору Американского библейского института, за присланные религиозные кинофильмы и брошюры с пояснительным текстом на русском языке. На яркой обложке одной из них, «Профессор и пророки»,— марка будущей Олимпиады в Москве; доктор Мун, как видите, тоже готовится к ней... И вдруг в ворохе этих бумаг промелькнули две яркие брошюры советских авторов. Одна называется «Законодательство о религиозных культах», другая — «Диверсия без динамита».

— Зачем вы везли в Швецию советскую антирелигиозную литературу?

— Задание Мартинссона,— не задумываясь отвечает Сарельд.

Понять интерес шефа «Славянской миссии» к этой литературе вообще-то нетрудно. Ловко интерпретируя

тенденциозно препарируя работы советских авторов, большие мастера подобных дел из лагеря советологов выводят читателей и радиослушателей все на ту же волну: «В социалистических странах идет наступление на религию, преследуют верующих, порабощают совесть».

В тайнике автомашины лежат еще две советские книги — справочники-схемы по Москве и Киеву. Куплены по заданию шефа и предназначены эмиссарам, едущим в СССР: легче нужных людей найти; спрашивать у прохожих, обращаться в «Горсправку» категорически запрещено.

— Зачем вы все это положили в тайник?

Сарельд растерянно разводит руками и едва слышно говорит:

— С перепугу.

А потом вносит поправку:

— В целях конспирации. Наличие такой литературы в наших сумках могло бы вызвать подозрение в таможне.

«Строго соблюдать конспирацию!»

Среди многих заповедей руководителей «Славянской миссии» эта, пожалуй, на первом месте. Сарельд с перепугу прячет в тайник советскую атеистическую литературу, а Мартинссону чудится, будто в Стокгольме «агенты КГБ» следят за особняком на улице Вестерленд. Он совершенно серьезно говорит об этом Сарельду и вновь напоминает ему: «Тайна, тайна и еще раз тайна, брат мой».

Даже сам факт существования «миссии» мог быть известен только тем немногим, коих счел нужным приблизить к делам своим господин Мартинссон. В сравнительно недавнем прошлом засекречен был и адрес «миссии».

Читая протоколы допросов, я обратил внимание на одно из первейших наставлений «миссии»: в случае провала — замок на уста! Если и придется открывать его, то быть предельно сдержанным, говорить о вещах малозначащих, имевших место лишь в последние три месяца. Вы не знаете, где, когда, от кого получили литературу, где, когда, кто передал для вывоза из СССР негативные материалы. Эмиссары так и пытались

держаться в начале следствия. Но слишком велика была тяжесть улик.

...Первым нарушил заговор молчания Энгстрем. Отнюдь не сентиментальный молодой человек, он вдруг... расплакался.

Вслед за Энгстремом заговорил и Сарельд. Картина пока еще медленно, но уже стала проясняться, и таинственная «знакомая» из Стокгольма, что снаряжала их в путешествие, направляла деятельность эмиссаров, обрела имя и фамилию: Лилиан Мулин, женщина весьма деятельная и заметная в «Славянской миссии».

Теперь эмиссары стали рассеивать туман, которым они старательно окутывали «Славянскую миссию». Во-первых, никакая она не «славянская», ибо в сфере ее пристального внимания не только славянские страны. А во-вторых, это не религиозная «миссия», а политическая организация, готовящая свои операции по всем канонам «плаща и кинжала», отчетливо представляющая, что она самым грубым образом вмешивается во внутренние дела других стран, действуя против этих стран.

— Мартинссон это понимал,— говорил Сарельд,— и старался отгородить саму «миссию» от ее эмиссаров. Он предложил создать рабочие группы, которые непосредственно занимались бы организацией выездов в СССР и другие социалистические страны. Рабочих групп было несколько. Группа Алвара Проссена, например, отвечала за печатание пропагандистско-религиозной литературы на славянских языках. У него сосредоточены адреса советских граждан, которые смогут поставлять «миссии» необходимую ей информацию. Группа Ларссона отвечала за тайник. Эмиссарам, а их человек тридцать, не разрешалось посещать особняк на Вестерленд. Он должен был оставаться вне подозрения. Все практические дела, связанные с выездами в социалистические государства, решали руководители рабочих групп. Их деятельность координировали Лилиан Мулин и я. Два раза в год эмиссары собираются на конференции по обмену опытом, информацией. Но не в здании «миссии», а где-то подальше от нее.

В лесном домике

...Узкими тропами, что расчертили напоенный ароматом весны лес, шли они к домику, укрытому в густой чаще. Их пятнадцать человек. Далеко не все знают друг друга. И почти никто не бывал в особняке на Вестерленд. Хотя всем ведомо, что главный хозяин обитает именно там. А вот поверенные его находятся здесь, в маленьком лесном домике. Сарельд Бенгт и Лилиан Мулин. Эти двое для них, рядовых,— начальство.

Не час и не два длилось совещание в лесном домике. Сперва долго спорили: не пора ли перестать пользоваться машинами с тайниками? Рискованно! Надо искать иные пути. Какие? Пока еще нет конструктивных предложений.

А денег затрачено предостаточно, машин с тайниками много: «форд-консул», «фольксваген», «пежо», «крайслер», «пикап», складной прицеп-фургон. Целый автопарк. И в мастерской Ларссона Роланда, что на улице Херсевиксвеген, 22, давно наловчились делать весьма хитроумные тайники. Правда, был случай, когда машина остановилась у советского мотеля и никак не удавалось открыть тайник. Скандал был грандиозный. Рассвирепевший Мартинссон грозил божьей карой и иными земными наказаниями. Но гроза миновала. Ларссон сменил пневмосхему на электрическую, и теперь, кажется, уже нет нареканий. И тем не менее люди в лесном домике одержимы сомнениями: не подведут ли тайники? Но последнее слово, как всегда, за Лилиан Мулин, а она женщина строгая и решительная. «Довольно! Обсуждение прекращается. Брат Мартинссон полагает...» А раз Мартинссон полагает, значит, будем «работать» с тайниками.

Начинаются уроки конспирации. Ветераны делятся опытом. И тут уже все взоры обращены к Сарельду. Как же, орел, прошел огонь, воду и медные трубы! Сарельд сияет. Сейчас он будет учить их, птенцов. Когда-то он сам получал первые «провозные» и не без труда усваивал правила конспирации. Тогда это было устное творчество, а сейчас имеется чуть ли не специальный учебник. «Добрые советы», разработанные Мартинссоном и его, Сарельда, родным братом — Перссоном Ларсом-Андерсом. Он гордится своим братом: «Я, кажется, не ошибся, когда привлек

его к делам «Славянской миссии». Мартинссон премного доволен им. Еще бы, с высшим образованием, занимается проблемами психологии и к тому же работает в ...министерстве обороны! И это сказалось на «Добрых советах»: нетрудно заметить, что к разработке их был причастен знаток психологии разведчиков.

«...Не пользуйся своей машиной в поездках по городу — опасно! Проезжай одну остановку (трамваем, автобусом, троллейбусом) лишнюю. Назад иди пешком и оглядывайся.

...Если садишься в автобус, садись последним, иначе «хвост» потянется за тобой.

...Пользуйся кодом в разговоре, шифром в записях... Одевайся скромно, ничем не выделяйся в толпе местных жителей.

...Если идешь к интересующему тебя лицу, то не сразу бери с собой материалы. Проверь, дома ли он».

Изучали «Добрые советы», предназначенные отъезжающим, и анкеты для возвращающихся домой: «Кого посетил, кому что передал, какие новые адреса можешь сообщить, какие были неисправности в технике?» И тут же вопросы-ловушки: «А вы не забыли уничтожить врученный вам листок с адресом людей, которых должны были повидать? А вы вернули карты-схемы, по которым изучали маршруты?» Анкеты сдавали Лилиан Мулин, она будет обобщать их.

...Уроки конспирации длятся долго.

— И еще запомните, господа,— Сарельд говорит негромко, спокойно, уверенно,— если у кого из вас и появится надобность установить контакт непосредственно с «миссией», то извольте через Ядерберга действовать. Этот официальный сотрудник «миссии» знает что к чему. А если вам удобно, то звоните по телефону 122045 Анне Карлссон. Она живет в Сундсвале и наделена господином Мартинссоном соответствующими полномочиями. Надеюсь, что вы не записывали этот номер телефона, а на всю жизнь запомнили его? Надеюсь, что мне нет надобности повторять азбучные истины — у вас нет бумаги и пера, есть только память. Вам будут даны адреса, фамилии, имена людей, интересующих «миссию». Прочтите листок, на котором все это записано, порвите и выбросьте его. Он вам больше не нужен. У вас есть память. Понятно?

...Повестка дня не исчерпана. Есть еще один серьезный вопрос — подготовка к Олимпийским играм. Надо полагать, что советские таможенники уже не смогут столь бдительно нести вахту — наплыв одних только туристов какой будет! Как эффективнее использовать такую ситуацию?

Кажется, уже обо всем договорились. Можно расходиться? Нет, не спешите, братья и сестры. Лилиан Мулин смотрит хмуро, сердито. Вспомнила что-то важное. Да, насчет машин с тайниками! Шеф снова просил напомнить: «Язык — на замке! Ни одной живой душе, даже самым близким родственникам, знать не дано об их существовании».

...В сумерках, соблюдая строгую конспирацию, они покидали засекреченный домик. Один за другим. В разных направлениях. Когда еще они встретятся? В сентябре, возможно. А пока за дело, в путь-дорогу!

Сарельду тоже надо готовиться. Скоро выезд. Как дела в мастерской! Завезли ли литературу — ее ведь там, в мастерской, в тайник загружать будут: конспирация! А вещи, те, что в подарок повезет, их тоже в тайник складывать надобно, куплены ли? Это, правда, не его забота. Есть для таких дел специальная «рабочая группа», есть деньги...

Отступление третье

Деньги! Откуда у «Славянской миссии» столько денег? Туристы нехотя проливали свет на финансовые проблемы.

Денег требовалось много. Литература, машины. Купленные машины оформлялись на подставных лиц. Им тоже надо платить. Страховка, налоги. А оплаты «туристских» поездок? А помощь страждущим «братьям во Христе»?

Мартинссон как-то сказал Сарельду, когда зашел у них разговор о финансах, что все проблемы решаются запросто: щедрые пожертвования единоверцев в Швеции. Но только ли единоверцев? Сарельд припомнил разговор с кассиршей Стурше. Есть такая «сердобольная» организация — «Международная амнистия». Так вот она перевела на текущий счет «Славянской миссии» тысячу крон. И обратилась с просьбой переслать те деньги в СССР, какой-то семье, главу которой якобы преследуют за веру. Фамилию Сарельд запамятовал, но не забыл той беседы с кассиршей.

Она советовалась с ним, как ловчее выполнить просьбу «благодетелей»...

И еще вспомнилась ему поездка с шефом в Осло, к коллегам. Там действует «Миссия за железным занавесом» со стариком Эверби во главе. Дружит он с Мартинссоном. Старик, человек деловой, выслушал рассказ Сарельда о его поездках в СССР и напрямик спросил: «Вам, вероятно, нужно много денег для таких поездок?» Мартинссон одобрительно кивнул головой. Лицо его сразу оживилось. Но он умел контролировать свои чувства и небрежно обронил: «Да, конечно!..» И так же небрежно обронил старик: «Кое-что пришлю...» И прислал 40 тысяч шведских крон. «Гуманист»!

Но это все крохи. Как-то Сарельд занялся подсчетами, сколько в год расходует «Славянская миссия». Получилась круглая сумма — миллион крон. Откуда-то он берется, этот миллион?..

Даю, чтобы ты дал

В трудном пути к установлению истины рубикон уже остался позади. И теперь вслед за недомолвками пошли уточнения: «Я не все сказал на прошлом допросе...» И стал решительнее пробиваться ответ и на тот главный вопрос: кто, где, когда вручил эмиссарам всю ту мерзость, что заполнила тайник? И тут мы приглашаем вас, читатель, в столичный мотель «Можайский», куда ясным майским утром «пришвартовались» наши путешественники.

Они недолго отдыхали. Некогда! Не гулять приехали — работать. Вечер застал их уже в пути. Шныряли по Москве в поисках нужной улицы, нужного дома. Как всегда, первым вошел в квартиру брат Стефан, а минут через десять — Эрланд.

Квартира Натальи Ивановны Варфоломеевой — своеобразная явочная квартира. Отсюда позвонят Саше Семченко: «Приехали гости. Не заглянете ли? Хотят видеть вас». И он примчался незамедлительно.

Саша Семченко — один из тех москвичей, на кого нацелили эмиссаров еще там, в Стокгольме. Ему нет тридцати. Проповедник баптистской общины. Сарельд привез ему письмо из Стокгольма от знакомого, от Араповича, директора Восточного библейского института в Швеции. А к письму приложение — пропагандистская литература. И скромный сувенир, видимо, по «спецзаказу»: бутылочка с красителем белого цвета для исправления печатных текстов и какой-то канцелярский автомат.

Брат Стефан сразу переходит к делу:

— Мне рассказывали о вас друзья, приезжавшие в Москву. Цель моя — собрать информацию о положении верующих в СССР.

— Число верующих в незарегистрированных общинах сокращается,— отвечает Семченко: ему ясно, что имеет в виду брат Стефан.— Люди считают, что установленные законом условия регистрации приемлемы.

Сарельд спешит перевести разговор на другую тему:

— Познакомьтесь вот с этой анкетой. Ее вопросы касаются наших радиопередач.

«Славянскую миссию» интересует эффективность ее радиопроповедей, основательно сдобренных антикоммунизмом. Семченко внимательно прочел анкету и иронически улыбнулся: «От моих ответов слышимость не улучшится...»

Стандартная схема действий эмиссаров дала небольшую трещину. Но Сарельд не расстраивается, что-то усердно записывает и терпеливо ждет: куда он поведет разговор, брат Александр?

Идет обычный в таких случаях процесс разведки, прощупывания: нужный ли «миссии» человек? А тут у эмиссаров сомнений нет. У молодого человека обширные связи с иностранцами. Александр говорит о них бойко, не скупясь на подробности, и, кажется, даже немного бравирует ими. Сыплются иностранные фамилии. Разные. Из разных стран. Одни отнесены к числу близких друзей, другие — к числу просто знакомых. Вот и тот, из Стокгольма, от которого привет передан.

— Он позвонил мне по телефону, сказал, что приехал в Москву как турист, и спросил: «Могу ли я повидать вас?» Мы договорились о встрече у входа в гостиницу. Долго гуляли по улице Горького. Гость назвал себя Сонсом, сказал, что скоро приедет в Москву из Швеции его друг по имени Бенгт и передаст привет.

И вот сейчас вопрос гостю: «А вы не Бенгт?» В ответ едва сдерживаемая улыбка и утвердительный

кивок головой. И еще вопрос: «А вы не сотрудник «Славянской миссии»?» — «Нет.— Пауза и уточнение: — Но я знаю ее руководителя».

Эмиссары встречались с братом Александром несколько раз. И на квартире Натальи Ивановны и в метро. Разговор шел все о том же. Названа фамилия известного на Западе радиопроповедника Ярла Пейсти, проповеди он читает на русском языке.

— Я знаю его сына, Давида. Он бывал здесь и очень интересовался возможностями нашей студии звукозаписи. Она оборудована в частном доме моего знакомого недалеко от Москвы, в Раменском...

Сарельд весь внимание. Это уже нечто интересное.

— Рад был бы побывать в вашей студии, послушать записи. Это возможно?

— Да, конечно.

На следующий день они встретятся в метро «Площадь Ногина». Выйдут на улицу, и там их уже будет ждать машина. Частная. Шоферу ничего не объясняли. Он все знает.

Хозяина нет дома. Но Саша чувствует себя здесь хозяином и уверенно ведет гостя в мансарду. Сарельд опытным глазом знатока подобных дел сразу оценил и место, выбранное для студии (глухое, подальше от «мирской суеты»), и саму студию: деньги, видно, вложены немалые. Кто дал? Зарплата брата Александра — 160 рублей. А тут тысячи плачены. Один электроорган «Вермона» чего стоит! А оборудование! Брат Александр не ждет вопросов. Сам рассказывает. Часть оборудования дал Ярл Пейсти, так сказать, натурой, а часть советскими рублями. Без расписки и с предупреждением: отчета не потребуется...

Сарельд с большим интересом рассматривает студию, слушает записи — это, так сказать, «готовая продукция». А на лице брата Александра не высказанный вслух вопрос: каково? Ответа он не слышит. Только вот, судя по вопросу, заданному Сарельдом, понятно, что эмиссар по достоинству оценил студию.

— В чем вы нуждаетесь? — поинтересовался гость.

— Содержание студии требует средств. Примерно тысячу рублей в месяц.

Сарельд промолчал. И только после недолгой паузы спросил:

— В какой форме лучше всего оказать вам помощь?

— В советских рублях.

— Я ничего не обещаю. Доложу в Стокгольме.

...Поздно вечером, вернувшись в мотель, Сарельд, как всегда, будет подробно шифром записывать все услышанное и увиденное. Суть записи такова: «полезный человек».

Они встретятся еще раз. Александр Семченко принесет письмо доктору Муну в США — благодарность за присланные кинофильмы. И кассеты с магнитофонными лентами для Ярла Пейсти. Это тоже в благодарность. «Do ut des». Железный закон римского права: даю, чтобы ты дал...

Отступление четвертое

Много дней спустя здесь, в Раменском, будет проведен обыск. Найдут пишущую машинку «Эрика», копирку. И текст клеветнического письма, адресованного Белградской конференции. Все на ту же тему: миф о гонениях за веру.

— Это вы печатали? — спросят хозяина дома.

— Я не печатал. В молитвенном доме какая-то женщина попросила меня откорректировать вот это письмо. Фамилии ее я не знаю...

— Обращаем ваше внимание на странное совпадение. Все дефекты вашей «Эрики» точно отражены в машинописном тексте. Значит, письмо печатали здесь, на этой машинке?

— Нет, нет... Это правленый экземпляр.— И истерический вопль: — Это не я!

Все ясно: в студии занимаются не только записями религиозных песен.

В те же дни был допрошен свидетель Александр Семченко. Поначалу он говорил, что получал от иностранцев, с которыми встречался в Москве, по 300—500 рублей в месяц, так сказать, на эксплуатационные расходы. Его спросили:

— Как же это вы так, молодой человек, клянчите подачки у иностранцев?

Он усмехнулся и цинично ответил:

— Подумаешь, триста рублей. Гроши!

А на следующий день Семченко снова даст показания:

— Я вам неправду сказал. Я не получал деньги на ежемесячные расходы. Мне единовременно Давид Пейсти дал.

Разведка

...Адрес Вадима Щеглова новый. У него еще никто из посланцев «Славянской миссии» не бывал. Сарельду и Энгстрему поручена первая разведка. Их встретила хозяйка — Зарина. Вадим на работе. «Мы приехали из Швеции, хотели бы повидать вашего мужа».

Она ничему не удивилась: кто дал им их адрес и какое у них может быть дело к ее мужу. Она любезно пригласила гостей в комнату. Стены увешаны иконами, картинами.

Развлекая туристов, хозяйка показала несколько фотографий — родных, друзей. На одной из фотографий Сарельд увидел знакомое лицо: «Где я его видел?» И сразу вспомнил — в шведских газетах. Академик Сахаров. Брат Стефан многозначительно посмотрел на фотографию, потом на хозяйку, но ничего не спросил, ничего не сказал. Фотография, видимо, показана не случайно. Художница стала щебетать об инакомыслящих, о «борцах за права человека», «за свободу совести». И тут же вопрос:

— Если бы мы дали вам кое-какие письма, вы взяли бы?

Сарельд сухо ответил «да», а в душе ликовал: «Разведка идет успешно».

Пришел Вадим. Познакомились. Разговор пошел по отработанной схеме: положение верующих в СССР. Стандартные вопросы, стандартные ответы: жалобы, сетования...

Потом, это тоже по схеме, беседа переключается на радиопроповеди. Сарельд задает вопросы все из той же анкеты:

— Вы слушаете религиозные проповеди по радио?

— Да.

— Какие станции?

— Разные. «Голос Америки», «Немецкая волна», Би-би-си, «Монте-Карло», «Ибра», «Ватикан».

— Слышимость?

— Не жалуюсь.

— Какие программы хотелось бы усилить?

— О религиозном воспитании детей.

Брат Стефан доволен. Есть чем порадовать шефа.

— Ваша жена хотела приготовить кое-что для отправки в Швецию. Пожалуйста...

Вадим поерзал на стуле, глянул на Зарину и нехотя ответил:

— Разрешите подумать. Я учту ваше любезное предложение...

Сарельд на мгновение растерялся. Что это — недоверие малознакомому человеку или нечто другое? Но сейчас ему не до аналитических размышлений, надо заходить с другого фланга. Брат Стефан показывает мини-брошюру, напечатанную в Бельгии на русском языке. «Обращение членов христианских церквей во Всемирный совет церквей», «Помогите, спасите от душителей свободы совести!»

— Вам знаком этот документ? Нет? Странно... Мы полагали...

Сарельд не счел нужным уточнять, что полагала «Славянская миссия» касательно степени информированности масс верующих о делах, творимых «властителями дум» их. Он протянул Вадиму «Обращение» и предложил:

— Почитайте!

Хозяин дома прежде всего стал внимательно изучать фамилии подписавших «Обращение».

— Вы их знаете? — настороженно спросил Сарельд.

— Не всех. Но кое-кто известен мне. И не лучшим образом могу отозваться...

Отступление пятое

Вадим Щеглов не сказал, кого именно он имеет в виду. Проповедника Алексея Прокофьева, о котором читатель уже кое-что знает? Или священника Дмитрия Дудко, «героя» религиозных программ разных «радиоголосов»: «жертва советского режима», «патриот России»? В годы войны «патриот» этот оказался на территории, временно оккупированной фашистами, и в городе Клинцы сотрудничал в фашистской газете «Новый путь». Гнусные статейки его были продиктованы давними, глубокими убеждениями автора. Он

так и напишет много лет спустя: «Я имею монархические убеждения, которые возникли под влиянием некоторых людей, живших при царской власти, а также в результате чтения монархической литературы». Он так и сформулирует свое кредо в отпечатанной на машинке рукописи «Преодоление соблазнов»: «За веру, царя и отечество! Революцию я не приемлю!» Это оставалось бы его личным делом, не вздумай он читать в Москве антисоветские проповеди с амвона Никольской церкви, ставшей в связи с этим местом паломничества иностранных корреспондентов.

А может, Вадим имел в виду Якунина, выступившего с письмом к патриарху, требуя, чтобы тот встал в оппозицию к Советскому государству? На Западе его письмо опубликовали с комментариями: «Набатный колокол, будящий церковное сознание».

А может, вот это имя привлекло настороженное внимание Вадима Щеглова — Лев Львович Регельсон, неизвестно каким образом попавший в эту компанию? Он вообще не имеет никакого отношения к православной церкви. И подпись свою, видимо, поставил лишь потому, что, как и Дудко, Якунин, люто ненавидит Советскую власть: в свое время в письме к христианам Португалии он призывал их остерегаться социализма, который, по его мнению, хуже салазаровского фашизма. Потому и поднят на щит империалистической пропагандой. А в кругу друзей борец за «свободу» распинался: «Я надеюсь на поддержку Солженицына в получении Нобелевской премии». Вот на кого рассчитывает один из авторов «Обращения».

До встречи!

...А тайник машины все еще пуст. Сиротливо прижались к боковой ее стенке кассеты для Ярла Пейсти, письмо Муну в Америку да шифрованные записи эмиссаров. И все. Маловато! Выражаясь языком рыбака, «самая мелочь». Но Сарельд знает, что главная встреча впереди: Анатолий Власов. Там можно ждать крупного улова. Об этом обнадеживающе сказано было в Стокгольме. Но сказано было и нечто настораживающее, тревожащее. Сарельд должен быть особо осторожным с ним, человеком, связанным с китами из мира диссидентов. Власов — это, конечно, заманчиво: есть основание надеяться на интересную информацию, «солидные» материалы, но в случае провала может грянуть гром — единый фронт диссидентов и «Славянской миссии». При одной такой мысли господину Мартинссону становится не по себе.

О связях Анатолия Власова с московскими инакомыслящими б р а т у Стефану говорили и в Киеве. Там тоже предупреждали: «Будьте осторожны с ним». Ну что же, такой опытный эмиссар, как Сарельд, может позволить себе и рискованную игру.

С Анатолием они уже знакомы. Сарельд познакомился с ним еще в семьдесят четвертом. Перед отъездом в Москву в составе туристской группы один из его друзей дал адрес Власова и настойчиво рекомендовал: «Побывайте у этого человека, не пожалеете». И он действительно не пожалел. Фанатик до мозга костей, пятидесятник, до крайности озлобленный, судим за нарушение советского законодательства, в «миру» — водитель троллейбуса, Власов долго, подробно рассказывал ему о якобы имеющих место преследованиях за веру. Жаловался: не хватает «нужной литературы». Гневался: мало еще помогают нам «братья» с Запада. Обнадеживал: «Нас тут не сломят советские законы».

Весной 1977 г., снаряжая своего друга, Пера Свенсона, в Москву, Сарельд сказал ему: «Вы обязательно должны навестить Анатолия Власова. Человек многообещающей деятельности. Он ждет от нас многого, а у вас, кажется, надежный тайник в машине».

И вот теперь он сам почти вслед за Свенсоном появился в квартире Власова. Анатолий сразу узнал гостя. Обнялись. Как же, старые знакомые!

— Я должен сообщить, брат мой, что все, переданное вами через Свенсона, получено.

Сарельд в «Славянской миссии» сам видел эту довольно большую стопку материалов, привезенных Свенсоном из Москвы от Власова. Он читал их и знает, что шеф был премного доволен. Не случайно вместе с литературой в тайник Сарельда были уложены дары брату Анатолию — костюмы, туфли. К башмакам имеется небольшой «привесок»: двадцать комплектов ротопленки для быстрого размножения текстов. И притом достаточно большими тиражами. А множительный аппарат уже был раньше получен Власовым от «Славянской миссии».

...Гостей угощали обедом. За столом говорили все на те же темы — положение верующих.

— Нам, брат мой Стефан, так туго приходится, что и неверующие помогать стали. Слыхали о таком человеке — Гинзбург? — Сарельд утвердительно кивнул головой.— Его в газетах диссидентом называют. Хороший человек... Он тоже помочь нам старается...

Братья уже собирались уходить, когда Власов будто невзначай спросил:

— Смею ли обременить вас, брат Стефан? Хочу некоторые документы послать с вами. Возьмете? — И вопрошающе посмотрел на Сарельда.

Если бы брат Анатолий знал, как жаждал Сарельд услышать эти милые его сердцу слова! И, не выдавая своей радости, гость ответил:

— Брат мой, разве могут обременить человека божьего угодные богу письма!

Разговор принял деловой характер. Анатолий шагал по комнате и задавал вопросы. Главный среди них: «Сумеете ли, брат мой, перевезти эти документы, скрыв их от таможни?» Сарельд не пожелал полностью раскрываться. Он ничего не сказал о тайнике, ограничившись лаконичным ответом: «Сумею».

Через день, как и было условлено, в точно назначенный час эмиссары снова приехали к Власову. Он их встретил на трамвайной остановке. Был вместе с сыном. «Он вас до дому проводит. А я тут по хозяйственным делам отлучусь».

Во дворе, у подъезда, на лавочке их поджидала Валентина, хозяйка. Она молча поднялась и проводила в квартиру. Вскоре заявился и хозяин. Теперь больше говорили о технике переправки материалов.

— У меня их нет. В другом месте лежат, жена привезет.

Валя мгновенно собралась и ушла. А тем временем появились «клиенты» меньшего калибра, из числа якобы «пострадавших за веру»: разумеется, судили их за те же дела — нарушение советских законов о религии, призыв к молодежи не подчиняться законам. У них свой интерес к братьям. С постной физиономией один из «пострадавших» бережно кладет на стол копии обвинительного заключения, приговора (кстати, не все листы). Делает он все это молча и пристально смотрит на Сарельда: что скажет брат? А у брата

сейчас нет времени на сентиментальные разглагольствования. Он по-деловому спрашивает:

— Вам эти бумаги нужны?

— Нет.

— Я могу их взять?

— Как хотите.

А Сарельд хочет так, как угодно Мартинссону. И забирает все эти материалы.

Тем временем вернулась хозяйка с увесистой сумкой.

— Это все для вас...

Теперь дело техники. Энгстрем работает с Власовым на пару — упаковывают. Анатолий, видать, конспиратор опытный. Завернул в газету кипу бумаг и заметил: на белом поле газетного листа карандашом выведены цифры: это на почте номер его квартиры пометили. И Власов тут же резко отрывает этот кусок газеты с номером квартиры.

Сарельд беглым, но достаточно острым и цепким взглядом окинул все принесенные документы и сразу обратил внимание на лежавшие чуть в стороне от прочих аккуратно сложенные сотни страниц. На самой последней значилось: «Составил и подготовил А. Гинзбург». Брата Стефана распирает от радости, но он и виду не подает. Полистает машинописные листы, адресованные разным лицам, в том числе и президенту Картеру, в разные организации, включая ООН, и спросит:

— Брат мой, а что с этими бумагами делать?

— Послать тем, кому адресованы,— невозмутимо скажет Власов.

...Настала пора прощания. Крепкие объятия, дружеские рукопожатия, Анатолий тепло провожает дорогих гостей.

— До встречи, братья мои!

Он не предполагал тогда, что встреча эта состоится в ближайшее время.

Отступление шестое

Под тяжестью улик, вещественных доказательств эмиссары признали, что предъявленные им письма, обращения, заявления и прочие документы с грубой бранью, хулой, клеветой на Советское государство — все это вручил им Анатолий Власов.

Развязка уже близка. Людям, ведущим это трудное следствие, все ясно. Но надо выполнить еще несколько юридических акций.

Лицом к лицу

...Москва. Конечная остановка троллейбуса № 4. Станция «Университетская». Пассажиры покидают салон троллейбуса. В кабине водителя сидит розовощекий, крепко сложенный молодой человек. Он хочет подняться с места, выйти, размяться — и вдруг...

— Вы гражданин Власов? — Водитель и не заметил, как кто-то вошел в уже пустой салон.

— Да, я. Что вам угодно?

— Вам придется прервать работу. Вот мое удостоверение, вот санкция прокурора.

...В квартире пятидесятника Власова идет обыск. Выражаясь языком правоведов, он проводится «в целях обнаружения обстоятельств, имеющих значение для расследования уголовного дела по обвинению...». Далее — статьи закона и краткая формула, выражающая суть дела Сарельда и Энгстрема.

Не станем перечислять все то, что со скрупулезной точностью было занесено в соответствующий протокол. Отметим лишь любопытные детали.

...Три коробки из белого картона. На лицевой стороне на английском языке: «Цветная лента для пишущей машинки «Эвергрин». Для длительного пользования. Высшее качество. Новый шелк...»

...Десять комплектов ротопленки иностранного производства... На листах надписи на английском, немецком...

...Транзисторный магнитофон западногерманского производства.

И еще один протокол: допрос свидетеля после обыска. Он краток. Анатолий Власов, не поднимая головы, не глядя на следователя, произнес заранее продуманные слова:

— В силу религиозных убеждений отказываюсь показать, от кого получил ротопленку и ленты для пишущих машин. Ни с кем из иностранных туристов в Москве и в других городах не встречался.

...И вот они вновь лицом к лицу. В Минске, на очной ставке. Расчувствовавшись, Сарельд бросается к Анатолию! «Прости, брат мой!..» Но Анатолий зверем смотрит на шведа, бессильная злоба охватывает его, он готов растерзать брата и, подойдя поближе к Сарельду, шипит:

— Ты Иуда, а не брат мой!

Власов не сообразил, что в драматической этой ситуации вопль сей выдал его с головой. Пройдет минута напряженной тишины. Анатолий возьмет себя в руки, а может, вспомнит наставления друзей в Москве и с непроницаемым лицом процедит сквозь зубы: «Не знаю их». И на все вопросы будет отвечать все в том же ключе: «Не скажу. Объяснять отказываюсь». А шведы продолжат свои показания: они подтверждают все, что показали на прежних допросах.

Свидетеля Власова спрашивают:

— Каким образом ваш домашний адрес попал к иностранцам?

— Его могли передать иностранцам знакомые мне верующие люди, которые в разное время выехали из СССР. Из числа таких лиц могу назвать Алика Горелика, жившего в Ленинграде.

...Я сидел рядом со следователем и чуть было не воскликнул: «Знакомые имена! Единый фронт!»

— Вы бывали дома у Гинзбурга?

— Да. Он пригласил меня на пресс-конференцию, которую проводил у себя дома.

— А вы зачем понадобились там?

— Я тоже давал интервью.

...Среди документов, лежавших в тайнике, были письма шофера Петренко из Латвии, адресованные в соответствующие советские организации, с просьбой разрешить ему выезд из СССР. Его допрашивали как свидетеля:

— Каким образом эти ваши документы попали к Власову?

— Я не знаю этого человека. Документы я передал в Москве доктору технических наук Юрию Мнюху. Он выехал в Израиль. Мне посоветовали связаться с ним как с видным борцом за права человека. Может, он и передал эти документы Власову.

...Последние вопросы следователя свидетелю Власову. Не поднимая головы, он едва слышно буркнул:

— Я на суде буду отвечать...

Ну что же, это его право.

Признание

За окном — жизнь большого мирного города Минска, так много горестей принявшего в первые же дни войны. И вдруг она вновь напомнила нам о себе в тишине вот этой небольшой комнаты, где молча сидят за столами люди, отдавшие много времени, энергии, духовных и физических сил, чтобы до конца распутать клубок каверзных дел идеологических диверсантов. Мы смотрим на голубой экран, всматриваемся в лица Сарельда и Энгстрема. Они говорят бесстрастно, монотонно, будто проповедь читают. Это видеозапись последних вопросов и ответов. Шведы признались во всем.

Тяжело вздыхает Сарельд. Что-то бормочет о раскаянии Энгстрем. Прокурор протягивает Сарельду лист бумаги.

— Это вы писали?

— Да, я.

Это собственноручно им написанное признание. Вот оно:

«Уже при первой поездке в 1963 году я содействовал вывозу материалов о положении верующих для дальнейшей публикации в Швеции.

...При моей последней поездке я также пытался вывезти большое количество материалов антисоветского характера с клеветой на общественный строй Советского Союза. В течение последних 4 лет создалась группа помощников «Славянской миссии», состоящая примерно из 25—30 человек. Я содействовал организации этой группы, привлекал шведских граждан к такого рода поездкам... В 1974 году я просил Анатолия Власова, пятидесятника, проживающего в Москве, чтобы он собирал для «Славянской миссии» статьи на религиозные темы из газет Советского Союза. Мне известно, что членами нашей группы был привезен множительный аппарат, который был сдан Власову. Мне также известно, кто из нашей группы привозил советскую валюту, которая была отдана пятидесятникам в Киеве. Кроме того, я знаю, что Мартинссон, руководитель «Славянской миссии», устроил денежную помощь Аркадию Михайлову, который проживает в Ленинграде... В скромной мере мы тоже передали материальную помощь верующим в виде одежды, магнитофонов и т. д.

...Кроме этого, мы совершали поездки в другие социалистические страны Европы с целью ввоза литературы, отчасти для верующих этих стран, но и отчасти русскую литературу для дальнейшего ввоза в СССР.

Мы нарушали советские законы, ввозя литературу и другие предметы и вывозя клеветнические материалы в тайниках без ведома советских властей. Я глубоко сожалею и раскаиваюсь в этом.

Я сейчас понимаю, что политическая сторона нашей деятельности гораздо серьезнее и обширнее, чем я раньше предполагал. Я наивно смотрел на вещи. Блуждал в мире противоречивых информаций. Поступал неразумно. Публикация такого рода материалов приносила ущерб общественному строю Советского Союза, делу социализма именно тем, что самая выдающаяся страна социализма очернялась перед общественностью стран Запада, люди которых принимали эту ложь за правду... Имея достаточно времени для размышления, я сегодня вправе осудить себя и свои поступки.

...Я от всего сердца прошу прощения у всего советского народа за то, что я сделал».

В том же духе, «от всего сердца» каялся и Энгстрем. Я читал их признания вскоре после того, как они были написаны ими. И тогда думалось: «Что же, может, они действительно только сейчас все поняли, а может, и значительно раньше — у Сарельда эмиссарский стаж вон какой! — и сейчас разыгрывается небольшое представление на тему о «раскаявшихся грешниках»? Всякое случается в этой сложной жизни, в напряженной идеологической битве. Время покажет...» Но теперь уже можно говорить об этом не в будущем времени, а в прошедшем. Время показало, кто есть кто...

В интересах добрососедских отношений между Швецией и СССР советские власти пошли навстречу просьбе шведского правительства и ограничились выдворением Сарельда и Энгстрема за пределы СССР. Вернувшись домой, они стали давать интервью, устраивать пресс-конференции. И здесь-то слуги господни, презрев исповедуемые ими законы божьи, пустились во все тяжкие. Лгать так лгать! Клеветать так клеветать! Изолгавшиеся эмиссары, то и дело сажая себя в лужу, перечеркнув собственноручно написанные признания, продолжали лицемерно прикрывать Библией

свои антисоветские акции. Делалось это неуклюже, топорно, концы с концами не сходились, одно интервью опровергало другое. Но им было не до логики, не до совестливости, не до законов божьих. Им надо было любой ценой сохранить свое место под солнцем, сиречь в «Славянской миссии»: «Вы уж не гневайтесь на нас, господин Мартинссон. Мы постараемся...»

* * *

Допускаю, что, прочитав этот репортаж о неблаговидной миссии одной шведской «миссии», господин Мартинссон и его соратники смиренно сложат руки, а возможно, что и скажут в наш адрес какие-то суровые библейские слова, а затем молитвенно вопросят: «О боже, при чем тут политика?» Позволю себе ответить ленинскими словами:

«Есть такое латинское изречение «cui prodest» (куи продэст) — «кому выгодно?». Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?»

При данных обстоятельствах вопрос этот уже звучит риторически. Право, ясно же, кому выгодно тратить многие сотни тысяч марок, крон, долларов на отправку в СССР религиозно-пропагандистской литературы, магнитофонов, ротопленки, множительных аппаратов, на снаряжение эмиссаров с заданием установить контакты с теми немногими, кто полон ненависти к Советской власти, кому выгодно тратить деньги на подачки злобствующим изуверам. Право же, ясно, куда и как далеко тянутся нити из особняка на тихой улице окраины Стокгольма, от организации, туманно и загадочно обозначившей себя «Славянская миссия»!

В числе тех, кто пытается вести подрывную деятельность против СССР, бывшие служители так называемой униатской церкви, навязанной украинскому народу в XVI в. и три с половиной столетия властвовавшей на западных землях Украины. После того как уния в 1946 г. прекратила свое существование по требованию верующих, многие ее служители, оказавшиеся в эмиграции, начали борьбу за возрождение униатской церкви на Украине. Прибегая к недозволенным приемам, они ведут активную работу среди украинского населения, стремясь найти у него поддержку, спекулируют на национальных чувствах, пропагандируют идею «самостийности» Украины, отторжения ее от Советского Союза. Вкупе с самыми реакционными кругами западных стран, униатские иерархи засылают своих эмиссаров в нашу страну, надеясь на расширение контактов с бывшими униатами, оставшимися на родине. О черных деяниях униатов повествует стенограмма состоявшейся осенью 1979 г. во Львове пресс-конференции пойманного с поличным эмиссара унии католического священника Бернардо Винченцо.

Материалы пресс-конференции печатаются с некоторыми сокращениями.

Материалы пресс-конференции эмиссара унии католического священника Бернардо Винченцо

(Львов, 1979 г.)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ВЕДУЩЕГО ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЮ

Товарищи!

Историческое превосходство реального социализма, его неоспоримые успехи, ставшие очевидными в наши дни для всех, увеличивают притягательность наших идей среди всех трудящихся планеты. Сегодня все прогрессивное человечество видит, что Советский Союз, страны социалистического содружества — главный оплот мира, стойкий проводник курса на разрядку международной напряженности.

Преимущества социализма особенно видны на фоне усиления кризиса современного капитализма и его дряхлой, деградирующей идеологии. Это вызывает ненависть в реакционных империалистических кругах —

они предпринимают новые попытки к тому, чтобы отравить международную обстановку, вернуть мир к печальной памяти периоду «холодной войны», ослабить позиции мира, демократии и социализма, дискредитировать идеалы коммунизма.

Сейчас ими создана огромная — какой не было еще никогда — пропагандистская машина, целая система органов идеологических диверсий и психологической войны, которые ведут активную подрывную деятельность против СССР и стран социалистического содружества. Главным их идейно-политическим оружием остается дезинформация, ложь и клевета. К этой деятельности они привлекают не только своих, так сказать, доморощенных антикоммунистов, врагов мира и демократии, но и разного рода предателей, бывших гитлеровских пособников и военных преступников, антисоветчиков всех мастей, в том числе прикрывающихся ширмой религии. Среди них не последнее место занимают нашедшие пристанище на Западе злейшие враги нашего народа — украинские буржуазные националисты и их духовные наставники — главари униатской (греко-католической) церкви.

Прикрываясь лицемерными рассуждениями о своем «патриотизме», «национальном» характере униатской церкви, они проявляют ярую ненависть к идеям социализма, настойчиво пытаются воспрепятствовать их распространению. Широко известно антисоветское послание 1936 г. главы униатской церкви графа Андрея Шептицкого, в котором он призывал верующих бороться с коммунистами и прогрессивным движением. С первых же дней оккупации Западной Украины немецко-фашистскими войсками Шептицкий стал служить гитлеровцам. 1 и 5 июля 1941 г. он опубликовал два пастырских письма, в которых призывал униатское духовенство и верующих безоговорочно выполнять распоряжения оккупантов, приветствовать гитлеровскую армию, отправлять богослужения в честь фашистских захватчиков. Шептицкий, Слипый и другие униатские главари активно участвовали в создании эсэсовских формирований украинских националистов типа дивизии СС «Галичина» и других, влившихся в состав гитлеровского вермахта, назначали в них капелланов из числа униатских священников.

Объединенные классовой общностью, ненавистью к украинскому народу и патологическим антикоммунизмом, буржуазно-националистические главари и их духовные вдохновители — иерархи униатской церкви выступали в одной упряжке и во время разгула в западных областях Украины созданных и обученных фашистами оуновских банд в первые послевоенные годы. Этот кровавый союз, союз креста и трезубца, вполне закономерен. Ведь униатское духовенство имело прочное влияние на формирование фашистской, человеконенавистнической идеологии и преступной антинародной политики оуновских главарей. А многие из них, такие, как Бандера, Стецько, Ленкавский, Гриньох, Закревский и другие, являлись либо сыновьями священников-униатов, либо священнослужителями греко-католической церкви.

Советским людям хорошо известно, что униатская иерархия под руководством нынешнего главаря униатской церкви за кордоном кардинала Слипого, благословляла националистических головорезов на убийства советских граждан, укрывала их в церквах и монастырях, оказывала материальную помощь. Некоторые священники и монахи с оружием в руках принимали личное участие в деятельности банд.

По указанию униатских реакционеров оуновские выродки зверски убили пламенного патриота и интернационалиста, верного сына ленинской партии, выдающегося украинского писателя и публициста Ярослава Галана, многих других советских людей. Они не останавливались даже перед расправой над стариками, женщинами, детьми. От рук палачей из ОУН погибли также священники, выступавшие против бандитского террора и антинародной деятельности униатской верхушки. Среди них — протопресвитер Гавриил Костельник.

В марте 1946 г. собор бывшего греко-католического духовенства провозгласил воссоединение с православной церковью и полную ликвидацию унии на Украине. Однако бежавшие в немецких обозах на Запад и примкнувшие к самым реакционным кругам главари униатского духовенства до настоящего времени не могут смириться с утратой своего влияния на рядовых верующих греко-католиков, предпринимают попытки к возрождению униатской церкви в республике, делая ставку на лиц, скомпрометировавших себя перед советскими людьми связями с фашистскими оккупантами и бандитским оуновским подпольем.

Руководимые кардиналом Слипым, они ведут активную антисоветскую пропаганду, используя в этих целях церковные амвоны, клерикальную и националистическую прессу и радио. В последнее время ими развернута провокационная кампания по поводу создания так называемого Киевско-Галицкого патриархата, который по замыслам зарубежных униатов призван содействовать проведению подрывной деятельности против Советского государства. Эта акция нашла активную поддержку со стороны украинских буржуазных националистов. Один из их главарей, Ярослав Стецько, от имени ОУН и других антисоветских организаций заявил о полной поддержке действий Слипого и его единомышленников, которые, по его мнению, совпадают с намерениями украинских националистов.

С участием униатов из-за границы осуществляется засылка на территорию СССР антисоветской и другой идейно вредной литературы, ведутся подстрекательские радиопередачи. По заданию Слипого, других униатских и националистических главарей на Украину направляются эмиссары и миссионеры с заданиями устанавливать связи с бывшими униатскими священниками и монахами, обрабатывать их в антисоветском духе и склонять на путь борьбы с существующим строем, собирать клеветническую информацию. Для инспирации враждебной деятельности бывших униатов клерикально-националистические центры выделяют и направляют денежные средства. Одно из таких поручений выполнял гражданин Италии католический священник миссионер Бернардо Винченцо.

30 мая 1979 г. он был арестован на государственной границе СССР за попытку нелегального провоза контрабандным путем в СССР денег в сумме 12 945 рублей, которые спрятал в тайник, специально оборудованный в стенках картонной коробки. В процессе следствия по делу Бернардо установлено, что эти деньги он вез по заданию руководителя униатов за кордоном кардинала Слипого и его подручного униатского священника-националиста Ортынского. Они предназначались, как показал Бернардо, для инспирации нелегальной антигосударственной деятельности отдельных лиц из числа реакционно настроенных бывших униатов. Примерно половина денег, предназ-

наченных для подрывных целей, поступила от бандеровских закордонных частей ОУН.

По поручению Слипого и Ортынского Бернардо должен был также собрать информацию об антиобщественных действиях отдельных приверженцев унии на территории западных областей УССР, о мнимом нарушении прав верующих в нашей стране. Эти сведения Бернардо должен был получить от жителя г. Трускавца Львовской области Федорика и передать ему половину привезенных денег. Следствием установлено, что Федорик в 1944—1945 гг. был настоятелем униатского монастыря ордена василиан в г. Золочеве Львовской области, поддерживал связь с бандитами ОУН, оказывал им материальную помощь и предоставлял здание монастыря для их укрытия, за что привлекался к уголовной ответственности.

Находясь под следствием, Бернардо чистосердечно рассказал о всех данных ему поручениях Слипого и Ортынского, осудил свои действия по выполнению заданий зарубежных униатов, а также враждебную деятельность Слипого и Ортынского против советского народа и обратился с просьбой в Президиум Верховного Совета СССР о помиловании. Он по своей инициативе выразил желание публично рассказать о враждебных происках главарей униатов и украинских националистов за кордоном, которые сделали его орудием исполнения своих устремлений. Представляю слово гражданину Италии Бернардо Винченцо.

Заявление

Я, Бернардо Винченцо, гражданин Италии, католический священник, служу в католической миссии для итальянских рабочих в г. Ингольштадте, ФРГ. До этого трижды был в Советском Союзе в качестве туриста.

Очередной раз я совершал поездку в Советский Союз в этом году, но 30 мая на границе советскими таможенными органами при досмотре у меня были обнаружены и изъяты спрятанные мною в специальном тайнике советские деньги в сумме 12 945 рублей, которые я контрабандным путем намеревался провезти через советскую границу.

За совершение указанного преступления я был арестован.

Находясь под следствием, я много передумал за это время. Поверьте мне, что священнику, попавшему в положение арестованного, да еще за преступление, которое не прощается ни в одном государстве, нелегко. Я понимаю, что оказался в очень неприглядном свете перед верующими.

В ходе следствия я имел время и возможность осознать всю тяжесть своей вины перед Советским государством и народом, а также ошибочность своего поступка в нарушении христианской морали. На следствии я дал откровенные показания по существу совершенного мной преступления и высказал просьбу предоставить мне возможность публично выступить перед журналистами с заявлением. Моя просьба удовлетворена.

Я заявляю, что, к моему глубокому сожалению, я только первый раз приезжал в Советский Союз как турист. В дальнейшем туризм был прикрытием.

Так и в этом году я намеревался приехать на личной автомашине в г. Львов под предлогом ознакомления с достопримечательностями города и посещения своих знакомых. Повторяю, это был только предлог. Фактически же я по заданию священника из г. Розенхайма, ФРГ, Ивана Ортынского обязан был доставить в г. Львов контрабандным путем деньги униатским священникам, а также собрать сведения, которые интересовали кардинала Слипого — главу униатской церкви за границей.

Как вам уже известно, мое путешествие было прервано в самом начале.

Органами следствия мне была предоставлена возможность познакомиться с документальными данными, в т. ч. и с кинодокументами периода второй мировой войны, о тесном сотрудничестве Иосифа Слипого и других униатских священников с нацистами и лидерами украинских националистов. Я увидел, как при их поддержке и благословении гитлеровцы и националисты терроризовали население Украины, убивали мирных жителей, в том числе детей, женщин и стариков.

Я прошу понять меня как человека, родившегося и выросшего на Западе. О многом, что я здесь узнал, я был почти не осведомлен. Если говорить откровенно,

я проявлял симпатии к националистически настроенным представителям украинской эмиграции и духовенства. Это, собственно, и предопределило мое решение содействовать Слипому и Ортынскому в оказании помощи лицам на Украине, которые, по их словам, якобы пострадали за веру. Теперь я иначе смотрю на деятельность организаций украинских националистов на Западе. Я знаю, что они призывают к развязыванию третьей мировой войны, которая, по их расчетам, уничтожит Советский Союз как государство и тогда исполнятся их надежды на создание «самостийной Украины» и возрождение униатской церкви.

Меня особенно тревожит, что эти антигуманные стремления не только не осуждаются, а, более того, находят в ряде случаев поддержку руководства греко-католической церкви. Подобная деятельность воистину кощунственна, ибо в памяти народов еще свежи страшные последствия второй мировой войны, в которой погибли миллионы людей, в т. ч. вашей и моей страны. Ваше государство многое делает для упрочения мира на планете. Многие католики и наш святейший отец Иоанн Павел II также выступают за мир, разоружение и недопущение новой мировой войны.

Осознав совершенное мною преступление перед Советским Союзом и народом, я понял, что оказался втянутым в политическую акцию, дух и цель которой полностью противоречат моим убеждениям как человека и как священника. Я не только не одобряю антисоветских действий Ортынского и Слипого, но и возмущен тем, что они использовали меня как орудие для совершения такого грязного дела, каким является контрабанда, в т. ч. политическая. Я не контрабандист. Я священник. На преступный путь меня толкнули. Деньги, которые мной передавались, я должен был распределить следующим образом: 4850 рублей — знакомому Ортынского униату Федорику, жителю г. Трускавца, для бывших монахов греко-католических орденов редемптористов и василиан, а остальные — родственникам Ортынского, поддерживающим контакты с бывшими униатскими священниками.

Перед выездом в СССР Ортынский, ссылаясь на указания кардинала Слипого, поручил мне также собрать сведения о положении якобы действующих на Украине остатков униатского духовенства и монашества, о якобы имеющих место фактах преследования

их со стороны органов Советской власти. Ортынского также интересовала информация о так называемом нарушении прав человека в СССР в области религии.

Все эти сведения я должен был получить при встречах с указанным Федориком и родственниками Ортынского.

Эта информация, как утверждал Ортынский, крайне необходима кардиналу Слипому и, как я сейчас понял, для использования во вред Советскому государству. По словам Ортынского, раньше он сам собирал для кардинала Слипого сведения подобного рода. Но теперь боится приехать во Львов с этой целью, так как активно выступает в националистической прессе с антисоветскими статьями. Мне известно также, что Ортынский тесно связан с украинскими националистами в Мюнхене, лично знаком с их руководителями, часто отправляет для них богослужения, выступает с проповедями. Именно от организации украинских националистов в Мюнхене Ортынский получил и вручил мне деньги в сумме 6700 рублей для контрабандного провоза через границу.

Я испытываю чувство угрызения совести и раскаяния за то, что действовал против интересов Советского государства. Глубоко осознаю свою вину и понимаю, что заслуживаю строгой меры наказания.

Я обратился к Советскому правительству с просьбой о снисхождении: не привлекать меня за совершенное преступление к судебной ответственности, помиловать и разрешить возвратиться на родину.

Как и в своем заявлении правительству, заверяю вас, что никогда впредь не позволю себе каких-либо недружественных, а тем более враждебных действий против СССР. Одновременно хочу обратиться к моим собратьям и всем верующим, чтобы они никогда не дали себя втянуть в грязные политические авантюры. Я как священник буду молиться за мир и добрые отношения между людьми.

Вопрос. Известно ли вам, кому принадлежали деньги, которые вы должны были по поручению кардинала Слипого и Ортынского передать во Львове?

Ответ. Да, известно. 6000 рублей, как рассказал мне Ортынский, принадлежали зарубежной униатской иерархии, остальные деньги он получил от организации украинских националистов в г. Мюнхене, Бавария.

Вопрос. Выходит, что украинские буржуазные националисты из Мюнхена вместе со Слипым пытаются возродить враждебную деятельность униатов на Украине?

Ответ. Да, это так. Деньги, которые я вез, предназначались униатским священникам на Украине для инспирации их нелегальной деятельности.

Вопрос. Вы сказали, что выполняли подобные поручения Слипого и Ортынского во время предыдущих посещений Украины. Не смогли бы вы рассказать об этом более подробно?

Ответ. Находясь во Львове в 1976 и 1978 гг., я, по просьбе Ортынского, контрабандным путем провез через государственную границу СССР и передал его сестрам Марии и Любе в 1976 г. три чемодана с вещами и 2000 рублей, в 1978 г.— два чемодана и 3000 рублей. Все это предназначалось для поощрения сбора необходимой информации и поддержки лиц, оставшихся верными Слипому. Относительно информации я хочу сказать следующее: ни в прошлом, ни сейчас мне не удавалось это сделать по не зависящим от меня причинам.

Вопрос. Какие цели преследовали вы лично, выполняя секретные поручения Слипого и Ортынского при поездках в СССР?

Ответ. Выполнив это задание, я рассчитывал при поддержке Слипого получить от Ватикана почетный католический титул «монсиньор». Кроме того, Ортынский каждый раз возмещал мне расходы, связанные с туристической поездкой в СССР.

Вопрос. Знали ли вы, что те, кто посылал вас в нашу страну, и в частности глава зарубежной униатской церкви кардинал Слипый, проводят враждебную деятельность против Советского Союза?

Ответ. Вначале, как я уже сказал, я недостаточно глубоко разбирался в этих вопросах и даже верил униатам, что они заботятся лишь об интересах церкви. Однако со временем на своем горьком опыте я убедился в том, что Слипый и действовавший по его указке Ортынский под прикрытием религии занимаются активной политической деятельностью против Советского государства, несовместимой с призванием священнослужителя. Более того, как я сказал уже в своем заявлении, они сделали меня, священника, не питавшего к Советскому государству враждебных

чувств, орудием исполнения своих антисоветских замыслов.

Вопрос. Какое, все-таки, впечатление сложилось у вас о положении религии и церкви в СССР?

Ответ. Будучи трижды в СССР и имея возможность свободно разъезжать по вашей стране, я беседовал со многими советскими людьми, в том числе со священниками, посещал исторические достопримечательности, культовые учреждения. В г. Львове, в частности, я побывал в кафедральном католическом костеле, православном соборе св. Юра. Везде, где бы я ни был, я видел, что верующим в СССР созданы условия для свободного удовлетворения религиозных потребностей. Это относится в равной степени и к моим братьям-католикам, с которыми я молился в костелах г. Львова. На Западе, к сожалению, есть немало людей, в том числе и кардинал Слипый, униатский епископ Корнеляк Платон, священник Ортынский, их друзья из числа украинских националистов, которые пытаются представить все это в ложном свете, оклеветать советскую действительность.

Как я теперь понял, это им нужно для того, чтобы угодить определенным кругам на Западе, которые, как и они, недружелюбно относятся к вашей стране.

Вопрос. Сочетаются ли нормы христианской морали с совершенным вами преступлением, с действиями кардинала Слипого и его подручного Ортынского, которые именуют себя священнослужителями, а в действительности занимаются подрывной деятельностью, толкают людей на преступный путь?

Ответ. Каждый человек может совершить в жизни ошибку. Так случилось и со мной только потому, что я доверился этим лицам. Сейчас я глубоко осознал, что своими преступными действиями я нарушил не только законы Советского государства, но и требования христианской морали. И за это должен понести суровое наказание не только от советского народа, у которого сегодня прошу публично прощения, но и перед своей совестью и богом. Видимо, еще большего осуждения заслуживают те, кто толкает людей на совершение преступных действий. В данном случае я говорю о кардинале Слипом и священнике Ортынском.

Вопрос. Знали ли вы о том, что иерархи униатской церкви, в частности митрополит Шептицкий и епископ Слипый, в период фашистской оккупации благословляли украинских буржуазных националистов на массовые убийства так называемых иноверцев — русских, поляков, евреев?

Ответ. Нет, я этого не знал. Теперь, ознакомившись с документальными материалами о страшных зверствах националистов из фашистских карательных формирований, я узнал о геноциде, которому подвергали невинных людей, об уничтожении целых сел и поселков в Галиции и других районах. Меня особенно поразило, что это совершалось с благословения иерархов униатской церкви.

Мне сейчас ясно, что украинские буржуазные националисты, осевшие в ФРГ и других странах Запада, бежали туда от справедливого народного гнева. Ненависть к вашему строю толкает их на любые, даже самые грязные, действия против своего народа. Я убедился, что националисты и униатские иерархи действуют совместно.

Вопрос. Как относились к вам работники следственных органов СССР?

Ответ. Во время пребывания под следствием представители государственных органов относились с уважением к моему человеческому достоинству. Мои религиозные чувства не оскорблялись. Все мои просьбы удовлетворялись. Я поддерживаю переписку с родственниками и сослуживцами, имею возможность читать итальянскую прессу и художественную литературу, со мной встречались сотрудники итальянского посольства в Москве.

Вопрос. Не побуждали ли вас к каким-нибудь заявлениям или действиям, которые противоречили бы вашему мировоззрению священника?

Ответ. С публичным заявлением я выступил по собственной инициативе и доброй воле. Это случилось исключительно в результате моральных переживаний и мучивших меня угрызений совести.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям 3

Лисавцев Э. И.
Современная идеологическая борьба и религия 6

Андреев М. В.
Современный клерикальный антикоммунизм (на примере деятельности католической церкви и ее светских организаций) 19

Гольденберг М. А.
Клерикальный миф о религиозном возрождении в СССР. 41
Их откровения 63

Исмаилов Хасан.
Домыслы и факты (Критика фальсификаций положения ислама в СССР) 64
Гости нашей страны о положении мусульман в Советском Союзе 85

Гордиенко Н. С., Комаров П. М., Курочкин П. К.
«Русская зарубежная церковь»: идеология и политика 89
О чем пишут карловацкие политиканы 119

Карпов Д.
Под флагом РСХД 120

Леров Л. М.
Кому это выгодно? 142

Материалы пресс-конференции эмиссара унии католического священника Бернардо Винченцо (Львов, 1979 г.) 181

АРГУМЕНТЫ 1980

Заведующий редакцией *А. В. БЕЛОВ*
Редактор *Л. И. ВОЛКОВА*
Младший редактор *И. П. ГУРОВ, Ю. В. СТЕПАНОВ*
Художник *Ю. П. ШАШКОВ*
Художественный редактор *В. А. ТОГОБИЦКИЙ*
Технический редактор *Ю. А. МУХИН*

ИБ № 2915
Сдано в набор 07.03.80. Подписано в печать 30.06.80. А00094. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Услови. печ. л. 10,08. Учетно-изд. л. 10,31. Тираж 200 тыс. экз. Заказ 4843. Цена 40 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

001
+
А-79

40 коп.

АРГУМЕНТЫ

Современная идеологическая борьба и религия

Клерикальный миф о религиозном возрождении в СССР

„Русская зарубежная церковь": идеология и политика

Современный клерикальный антикоммунизм (на примере деятельности католической церкви и ее светских организаций)

Домыслы и факты. (Критика фальсификаций положения ислама в СССР)

Под флагом РСХД